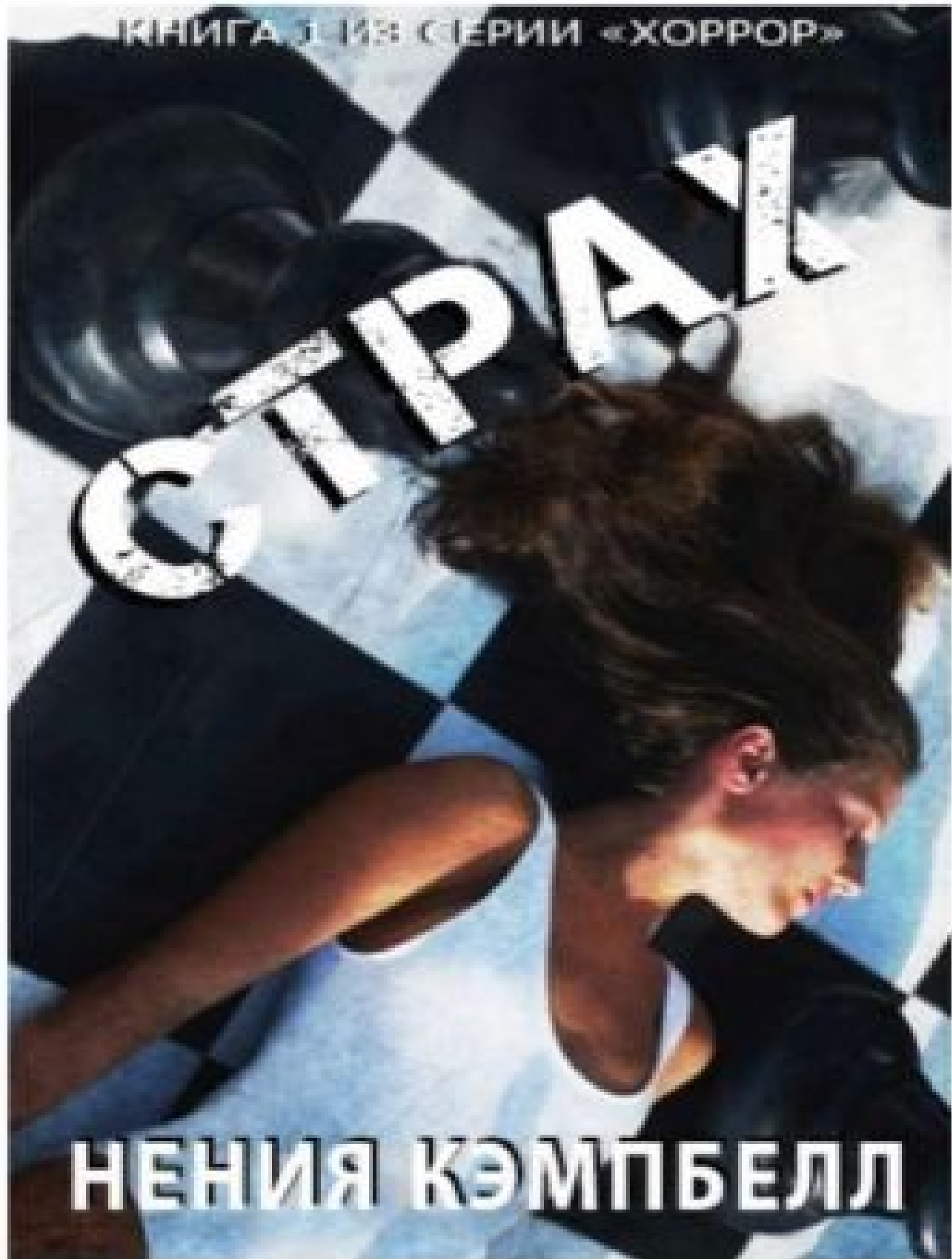

КНИГА 1 ИЗ СЕРИИ «ХОРОР»

НЕНИЯ КЭМПБЕЛЛ

Annotation

Он следовал за ней, потому что хотел обладать. Она поверила ему, потому что хотела острых ощущений. Есть поговорка, что любопытство может убить... но Валериэн Кимбл начинает понимать, что его удовлетворение может стать еще хуже. Четырнадцатилетняя Валериэн живет в эпоху, когда мерзавцы и плохие парни изображаются как романтический идеал, а герои устарели и скучны. Поэтому, когда Гэвин Мекоцци, гениальный, но странный парень-одиночка из ее школы, начинает проявлять к ней интерес после случайной встречи в зоомагазине, Вэл заинтригована. Он очарователен и поэтичен и заставляет ее чувствовать, что, как она думала, возможно только в книгах... ..Страх. Потому что кто-то преследует Вэл. Кто-то, желающий причинить ей боль. Сделать своей. Обладать. Может быть, даже убить. Встречи с Гэвином постепенно перерастают в более сложные и пугающие отношения, и Вэл не может не задаться вопросом, не является ли новый парень в ее жизни тем развратным и навязчивым преследователем. И способен ли он на убийство. Время на исходе.

Возрастное ограничение: 18+

Нения Кэмпбелл

Страх

Всем «милым парням».
Вас недооценивают.

Глава 1

Это был один из тех дней в конце апреля, когда погода не вполне решила, какой хочет быть теплой или холодной, и поэтому остановилась на облачном, душном гибриде. В Дерринджере, штат Калифорния, это означало удушливую влажность и порывистый ветер, что заставлял людей дважды подумать, прежде чем снимать свои куртки.

На дорожке школьного стадиона Валериэн Кимбл несмотря на ветреную погоду решила все-таки завязать ветровку вокруг талии. Пот стекал по ее лицу, затуманивая зрение и заставляя растекаться остатки макияжа. Во время таких занятий Вэл была безмерно благодарна, что мальчики и девочки тренировались отдельно.

Она бросила взгляд на трибуны, где несколько студентов сидели, читая или разговаривая, или ожидая, когда футбольная команда выйдет и начнет тренировку. Большинство зрителей даже не смотрели на спортсменов. Бег на средние дистанции не был зрелищным видом спорта. Если сам не участвуешь, не самое веселое занятие. Кому захочется смотреть, как кучка подростков бегают по кругу, снова и снова?

Что ж...

Один человек действительно приходил на ум. Но Вэл не позволяла себе думать об этом — не здесь, когда ветер играет в волосах и в ее глазах ярко отражается серебристый свет от затянутого облаками солнца. Здесь не место для теней.

— Живее, Вэл! — прокричала тренер Фримен, когда Вэл подбегала к финишу.

— Спасибо, — выдохнула Вэл. — Как я справилась?

Тренер Фримен взглянула на секундомер.

— В этот раз меньше семь минут. Если быть точнее шесть сорок. Почему бы тебе не передохнуть минут десять?

Звучит неплохо. Вэл сделала большой глоток из фонтанчика с водой и плюхнулась на деревянные скамьи перед трибунами. Она чувствовала себя неуютно в своей промокшей от пота майке, когда ветер напомнил о себе. Развязала куртку и натянула ее, слегка дрожа, вытаскивая волосы из-за воротника.

— Ты хорошо поработала сегодня, Вэл, — Линдси Полански присела рядом с ней и громко вздохнула. — Сколько у тебя?

— Шесть сорок. А ты?

Линдси скорчила гримасу.

— Семь десять.

— Все равно хорошее время. Лучше, чем у большинства людей. И разве в прошлый раз ты не пробежала за шесть пятьдесят?

— Ага, и мои дурацкие сиськи чуть не прикончили меня.

— Что за история с убийством? — спросила Рейчел Лопес, протискиваясь с другой стороны Линдси. — Вы, подружки, планируете что-то, о чем я должна знать?

— Операцию по уменьшению груди, — ответила Линдси.

— О, ты опять забыла свой спортивный бюстгальтер?

Линдси оглянулась, чтобы убедиться, что тренер не смотрит, и показала Рэйчел средний палец.

Та усмехнулась.

— Да ладно. Бьюсь об заклад, это зрелище здорово подняло продажу билетов. Думаю,

что в тот день у тебя появилось много поклонников на трибунах. Один парень смотрел так пристально, что мне показалось, его сейчас удар хватит.

— Это отвратительно. Даже не шути об этом.

Как и тени под трибунами. Вэл вздрогнула.

Они смотрели, как другие девушки из их команды заканчивают дистанцию. Некоторые покраснели и перешли на быстрый шаг. Тренер Фримен не кричала им «Шевелитесь, или мне заводить календарь, чтобы следить за вами?», как это делал тренер Эйбл в средней школе, но Вэл подозревала, что в любом случае большинство этих девочек, вероятно, не вернуться в следующем году. Бег на треке — это спорт для наиболее выносливых; если вы не укладываетесь в нормативы, вы уходите.

— Ты первой закончила? — с любопытством спросила Рейчел.

— Кто? Я? — перепросила Вэл. — Нет. Передо мной еще человек пять прибежали.

Последняя девушка — натуральная блондинка с ярким румянцем на лице, которая немного хрипела — наконец закончила, и тренер Фримен остановила секундомер.

— Ладно, девочки, на сегодня все. Давайте, одевайтесь, а остаток дня отдохните. Вы это заслужили.

Девушки, шатаясь словно зомби, обошли стадион, а затем двинулись через затененное дубами пространство, где скейтеры иногда тренировались на бетонных пандусах. Кусты можжевельника окружали здания из красного кирпича, их густая колючая листва притягивала паутину, старые листья и грызунов. Когда Вэл проходила мимо, листья зашуршали, словно какое-то маленькое существо пробиралось сквозь плотно переплетенные корни растения.

— Я как-то видела там крысу, — проговорила Линдси, проследив за взглядом Вэл.

Мордочка, выглянувшая из-за листвы, оказалась не мышью, а кошачьей. Маленький полосатый котенок моргал большими глазами и жалобно мяукал. Вэл опустилась на колени, не обращая внимания на грязь, старую жвачку и сухие листья.

— Ну, привет. — Она пожалела, что у нее нет еды.

— Бешенство, Вэл, — предупредила ее Рейчел, качая головой. — Он дикий. Уборщик всегда прогоняет его мать от мусорного контейнера кафетерия. Она злая.

— Забудь об этом, Рэйч, — вздохнула Линдси. — Она же помешана на них. Ты же знаешь.

Шерсть котенка встала дыбом, и он раздулся, как маленький шарик. Попятившись от ее протянутой руки, он обнажил крошечные клыки. Вэл убрала руку и стала ждать. Котенок был невероятно милый. Она почти уверена, что видела кошку-мать, о которой упоминала Рейчел. Какие-то мальчишки бросали в нее камни. Если кошка и вела себя агрессивно, то скорее всего потому что ее вынуждали, а не по своей воле.

— Пока, Вэл, — сказала Рейчел, теперь ее голос звучал вдалеке.

Вэл проигнорировала ее.

— Давай, миленький. Я не причиню тебе вреда.

Котенок сделал неуверенный шаг вперед. Его лапы были белыми, как будто он только что прошел по припорошенному снегу.

— Вот так. Давай. Посмотри на себя. Такой хорошенький котенок.

В тишине раздался звук, похожий на выстрел, — вероятно, желудь упал с дуба. Котенок отскочил в кусты со скоростью молнии и больше не выходил.

Ветер завывал в ветвях дубов, заставляя листья стучать друг о друга, и еще несколько

желудей упали, ударившись о щебень со звуком, похожим на хруст костяшек. Вэл подпрыгнула. Ей показалось, что краем глаза она заметила какое-то движение — зловещее черное пятно, беззвучно скользнувшее за корявый ствол одного из старых деревьев. Она затаила дыхание, огляделась — и обнаружила, что осталась одна.

— Странно, — пробормотала она себе под нос, еще раз быстро оглядевшись. Жуткое ощущение, что за ней наблюдают не оставляло Вэл, цепляясь как липкая паутина. Она вздрогнула и поспешила к раздевалке, которая уже почти опустела. Бросив последний взгляд назад, Вэл направилась к шкафчикам. Но сначала она остановилась в туалете, чтобы вымыть руки — вдруг, и правда, бешенство. Она ополоснула шею и подмышки, прежде чем вернуться в раздевалку, чтобы переодеться в свою обычную одежду.

Линдси и Рейчел уже выходили, когда Вэл столкнулась с ними в коридоре. Линдси держала в руке ключи от машины. Увидев ее, они обе ухмыльнулись.

— Котенок вышел поиграть? — поинтересовалась Рейчел.

— Почти. Он был слишком напуган.

Линдси усмехнулась.

— Ты и твои животные.

— Она сама животное, — сказала Рейчел.

— Все люди — животные, идиотка.

— Знаю, именно это я и имела в виду.

Они толкали друг друга на ходу, Линдси обернулась через плечо, чтобы помахать и сказать:

— Увидимся завтра!

— Конечно, — согласилась Вэл.

А потом она осталась одна. Ее шаги отдавались эхом, когда она шла по каменному полу — каменному, потому что его легче чистить, предположила она — и мимо рядов шкафчиков, стоявших на страже, как армия металлических надгробий. На каждом висели кодовые замки, серебряные с красным циферблатом. Фамилии владельцев шкафчиков были написаны на полосках отслаивающейся клейкой ленты, приклеенной к верхней части шкафчика.

Кроме висящего замка, украшающего ее собственный шкафчик Вэл обнаружила кое-что еще. Кто-то оставил красную розу, торчащую из вентиляционных решеток на двери. Бумажная карточка упала на пол, бледная и обтрепанная, как мертвый лист, когда Вэл обхватила головку цветка ладонью. Изящным почерком, довольно резко склонившимся влево, кто-то написал:

*«Возьми меня, да буду заточен!
Твой раб — тогда свободу обрету,
Насильем возврати мне чистоту!..»*

Вэл неосознанно сжала стебель, и один из шипов пронзил ее палец. Капля крови впиталась в кремовую бумагу, словно запечатывая ее невысказанным обещанием.

От кого это?

И были ли они все еще здесь? Наблюдают?

Она подумала о черной вспышке, которую заметила в пустынном дворе, о тенях, которые видела краем глаза в школе, когда оставалась одна. Хотя, может быть, и не одна. Вэл закусил губу, открыла шкафчик и запихнула одежду в рюкзак. «Здесь никого нет. Я заберу одежду домой, но здесь никого нет».

Где-то рядом с дверью раздался звук. Это могла быть вода, бегущая по трубам, или какое-то движение у одного из шкафчиков. Она отступила назад, прижимая рюкзак к груди, а затем подпрыгнула, когда ледяной металл ее собственного шкафчика проник сквозь тонкий материал спортивной формы, как холодный палец, пробежавший по ее позвоночнику.

— Эй? Здесь кто-то есть?

Тишина. Затем она снова услышала звук, на этот раз более мягкий, как будто играющий с ней. Она не могла сказать, было ли это плодом ее воображения или реальностью. Ей показалось, что она слышит чье-то дыхание. Этого оказалось достаточно, чтобы она выскочила из раздевалки обратно в коридор. Она могла поклясться, что расслышала смех, очень слабый, принесенный порывом ледяного воздуха.

Нет. Она резким рывком застегнула рюкзак и выбежала из здания на слегка дрожащих ногах. Выбросила розу в мусорный бак. На мгновение ей стало плохо — кто-то потратил на это деньги, — но Вэл стряхнула с себя чувство вины. Сами виноваты, раз потратили деньги на такую глупую шутку.

А если это не шутка?

Тогда кто-нибудь в этом признается, решила она. Может быть. Вэл все равно оставила записку. Она не могла знать, что за ее действиями следят — и молча одобряют. Когда Вэл шла к стоянке, где ее ждала мать, чтобы забрать, из-за одного из дубов появился человек. Длинными пальцами он осторожно вытащил розу из мусорного бака и аккуратно отделил бутон от стебля ногтями, прежде чем спрятать его в карман черного плаща.

* * *

Белый «Камаро» семьдесят седьмого года выпуска чуть не столкнулся с «Хондой Сивик» цвета шампанского миссис Кимбл, когда она пыталась вырваться со школьной парковки. Она нажала на клаксон, к большому смущению Вэл, когда старая машина промчалась мимо.

— Идиот, — решительно заявила мать. — Бедная машина, над ней нельзя так издеваться. С таким водителем она долго не протянет.

Вэл ковыряла кутикулу и молчала, позволяя матери возмущаться. Что та и сделала. Обстоятельно. Пока не опомнилась и не спросила почти рассеянно:

— Как прошла тренировка, Вэл?

— Хорошо, — ответила Вэл. — Я улучшила свое время с прошлой недели.

— Это замечательно, дорогая. Сколько сегодня?

— Шесть минут и сорок секунд, — в голосе Вэл застенчиво прозвучала гордость.

Миссис Кимбл рассмеялась.

— Интересно, в кого ты такая быстрая? Твой отец не стал бы бегать, имей он компьютер, и, видит бог, я никогда не пробегала милью лучше, чем за девять минут. Даже в расцвете лет. — Она печально покачала головой. — Это было очень, очень давно.

— Девять минут — это не так уж плохо, мама.

— Да ладно, — сказала мать. — Я старая черепаха.

— Нет, это не так — я думаю, ты выглядишь великолепно!

Мать Вэл скосила глаза на дочь.

— Это так мило. Что ты хочешь?

— Ничего. Я просто... — Вэл замолчала, поняв, что мать шутит. — Не смешно, — пробормотала она, скрестив руки на груди и глядя в окно.

— Прости. Это было неправильно с моей стороны. Что скажешь насчет кофе, чтобы отпраздновать твою победу?

Вэл украдкой взглянула на мать.

— Можно мне большой стакан?

— Ты можешь получить, — решительно сказала мать, — все, что захочешь.

* * *

После визита в «Старбакс» Вэл вошла в дом и поднялась по лестнице в свою спальню с большим стаканом фраппучино мате в руках. Она на мгновение остановилась в дверях, оглядывая комнату со слабой улыбкой. Как бы банально это ни звучало, ее спальня была ее убежищем. Белый ковер, белые стены, пушистое розовое одеяло, мягкое, как облако. Книжная полка, придвинутая к дальней стене, под окном, со всеми ее любимыми книгами из детства, которые не так давно заполняли самую нижнюю полку. Стопка компакт-дисков, беспорядочно сложенных рядом с ее ноутбуком — Келли Кларксон, Тиган и Сара, Дэвид Кук и Мишель Бранч. Стопка компакт-дисков, спрятанных в ее шкафу, но не пыльных — «ЭнСинк», Бритни Спирс (все альбомы, кроме одноименного) и горстка артистов, крутящихся на радио «Дисней».

Да, она дома. В безопасности.

И все же в кармане ее спортивных шорт стихотворение прожигало дыру, шепча угрозу, которую Вэл еще не понимала. Ее улыбка исчезла, когда она посмотрела на него во второй раз. Слишком хорошо написано, чтобы быть произведением ученика — Вэл чувствовала это, прочитав слишком много творений своих друзей, особенно Лизы. Она подозревала, что его откуда-то позаимствовали. Скорее всего ответ найдется в интернете.

Пора — это выяснить.

Она поставила стакан на тумбочку, бросила рюкзак перед шкафом и села за ноутбук. Чтобы сузить круг поиска, она заключила строки строфы в кавычки. К своему удивлению, добилась результатов гораздо быстрее, чем ожидала. Стихотворение представляло собой отрывок из произведения Джона Донна, современника Уильяма Шекспира, жившего в елизаветинской Англии. Оно называлось «Разбей мое сердце»:

Бог триединый, сердце мне разбей!

Ты звал, стучался в дверь, дышал, светил,

Но я не встал... Так Ты б меня скрутил,

Сжег, покорил, пересоздал в борьбе!..

Я — город, занятый врагом. Тебе

Я б отворил ворота — и впустил,

Но враг в полон мой разум захватил,

И разум — твой наместник — все слабей...

Люблю Тебя — и Ты меня люби:

Ведь я с врагом насильно обручен...

Порви оковы, узел разрубь,

Возьми меня, да буду заточен!
Твой раб — тогда свободу обрету,
Насильем возврати мне чистоту!..[\[1\]](#)

На сайте были перечислены и другие работы, и Вэл прочитала первую пару из них. Больше всего ей понравилось «Предостережение». Остальные сонеты были либо слишком запутанными, чтобы понять, либо настолько темными, что она не хотела понимать смысл, вложенный в них. «Разбей мое сердце» попадало в обе категории, но особенно в последнюю. «Возьми меня? Буду заточен? Насилие?» — эти слова и фразы вызывали в ней жестокие образы, заставлявшие содрогаться. Почему-то ей казалось, что автор записки рассчитывал именно на такой эффект.

Дождь барабанил в окно. Вэл, лежа на кровати смотрела, как капли медленно стекают по стеклу, не сводя глаз с двух из них, ожидая, какая выиграет гонку. Она ставила на ту, что слева. На ее пути было больше капель, больше возможностей набрать обороты и увеличить скорость.

— Вэл, ты... — слова миссис Кимбл оборвались, когда она просунула голову в спальню дочери и увидела, что та лежит на кровати, уставившись в окно. — Что, скажи на милость, ты делаешь?

Вэл не отрывала глаз от окна.

— Смотрю на дождь.

Миссис Кимбл начала смеяться, вернее смех тут же перешел в кашель.

— Ну, ты же не можешь весь день валяться в постели. Иди и займись чем-нибудь полезным. Почитай. Посмотри телевизор. Позвони Лизе.

— Смотреть телевизор полезно? С каких пор?

— Валериэн Мари Кимбл, если ты сейчас же не встанешь с кровати, я заберу твой ноутбук.

Вэл скинула ноги с розового одеяла и бросила взгляд на окно. Дождевая капля слева победила, Вэл почувствовала удовлетворение. Она последовала за матерью, которая направлялась на кухню.

— Ничего не хватай, — предупредила миссис Кимбл. — Я готовлю обед.

Вэл скорчила гримасу, повернулась и схватила бутылку сока из холодильника, пакетик с семечками, зажала его между пальцами и побежала обратно в свою комнату, закрыв дверь, чтобы мать не услышала хруст и не проверила.

Она положила пачку на стол и взяла сотовый. «Позвони Лизе», — сказала мама. Тьфу. Мать Лизы, надо думать, не заставляла ее вставать с постели. На самом деле, она, вероятно, была бы счастлива, если ее дочь проводила бы больше времени бездельничая. Она всегда наказывала Лизу за то, что та задерживалась допоздна или выговаривала все минуты в своем телефоне, поэтому Вэл звонила ей домой, а не на сотовый.

Ужас из ужасов — это означало, что миссис Джеффрис взяла трубку.

— Алло?

— Хм, здравствуйте, миссис Джеффрис.

— О, Вэл, это ты? Ты практически член семьи, дорогая. Пожалуйста, зови меня Донна.

— Лиза дома? — спросила Вэл, не в силах скрыть отчаяния в голосе. — Могу я...

— Лиза, как обычно, в ванной, — ответила миссис Джеффрис, — завивает волосы. Как поживаешь, Вэл? Мне кажется, что я не разговаривала с тобой целую вечность.

И это не случайность.

— Наверное, потому что я так занята в последнее время, бегом и прочим. Лиза...

— Конечно. Ты же в легкоатлетической команде. Как твоя мать, Вэл?

— Она...

— С тобой так приятно разговаривать, Вэл, ты такой хороший слушатель.

Только потому, что разговор с миссис Джеффрис не оставлял другого выбора. «Помогите», — подумала Вэл.

Спасение пришло в виде крика на заднем плане.

— Мам, это Вэл?

— Дорогая, мы в доме — не стоит кричать. Да, это твоя маленькая подружка, Вэл. Мы просто болтали, правда, Вэл?

Вэл совсем не понравилось, когда ее называли «маленькой».

— Дай мне телефон, мам. Боже — отдай его — ты всегда так делаешь.

Послышались звуки потасовки и едва приглушенный спор, а затем вздох облегчения Лизы, прозвучавший как треск статического электричества, когда ей наконец удалось вырвать телефон.

— Извини, — задыхаясь, проговорила Лиза. — Я стараюсь взять трубку первой, но на этот раз мама меня опередила. Ей действительно нужно обзавестись собственными друзьями и перестать пытаться задеть моих.

— Я думала, она собирается встретиться с теми женами армейцев, с которыми познакомилась в интернете.

— Ага, встретила, получила футболку. Но больше из этого ничего не вышло.

Отец Лизы в настоящее время служил в Афганистане.

— Почему? — спросила Вэл. — Мне казалось, она способна преодолеть любые разногласия.

— Можно подумать, что да, но нет. Она заставила их всех возненавидеть ее. Теперь они не будут отвечать на ее звонки.

— Как это случилось?

— Она мне не сказала. Все, что я узнала, это то, что они кучка сплетничающих сучек, и что она никогда больше туда не вернется и бла-бла-бла — прямо как в старшей школе.

— Отстой.

— О боже. Кому ты говоришь. Зная ее, вероятно, она затронула какую-нибудь неприятную тему и не поняла намека, когда кто из них начал пинать ее по ноге, чтобы заткнуть рот. Но как бы то ни было, я так устала от мамы. Что у тебя?

— Я увлеклась гонками дождевых капель.

— Слишком дурацкое занятие даже для тебя.

— Ты можешь смеяться или помочь мне придумать что-нибудь дельное. Выбери что-то одно.

— Я не могу выбрать оба?

— Нет.

— Прекрасно. Полагаю, мы можем пойти прогуляться.

Вэл вздохнула. Неплохо. Теперь мать отстанет от нее.

— Куда хочешь пойти?

— Куда ты хочешь пойти? — уточнила Вэл. — Знаешь же, я ненавижу принимать решения.

— Мы можем пойти в инди-кафе и пофлиртовать с горячими бариста.

— Мне нельзя перебивать аппетит. Хаусфрау готовит ужин.

— Ну тогда мы могли бы пойти в магазин подержанных пластинок и слушать музыку, пока нас не выгонят.

— Мы делали это в прошлые выходные. Мне нравится ходить туда. И я не хочу оказаться в черном списке, как они сделали с Джеймсом.

— Джеймс швырял диски в своих друзей, и только потому, что старший брат дал ему энергетик. Просто замечательно, Мисс Придира. Твои предложения?

Вэл мысленно застонала.

— Боулинг?

— Может быть, если бы нам обоим было по девять, и мы были бы на чьем-нибудь дурацком дне рождения.

— Кино?

— Ничего хорошего не идет.

— Книжный магазин?

— Ты, шутишь? Я только закончила читать книги из дополнительного списка по английскому языку. Мне больше не нужны книги.

— Ну... — в отчаянии думала Вэл. Именно поэтому она ненавидела принимать решения. — Гм, они только что открыли новый «Петвилл» в торговом центре «Дерринджер». Хочешь пойти туда и осмотреться? Посмотрим, есть ли у них какие-нибудь милые детеныши животных?

— О, хорошо, — одобрила Лиза, — и, может быть, я даже куплю что-нибудь в «Старбакс». Твоя мама отвезет? Я не хочу спрашивать свою.

— Подожди, — Вэл положила трубку на стол. — Мам?

— Да? — прозвучал слегка приглушенный голос. Она копалась в морозилке.

— Ты сможешь отвезти Лизу и меня в «Петвилл» в торговом центре?

Мать выглянула из-за дверцы холодильника.

— Петвилл? В смысле в зоомагазин?

— Просто посмотреть, ничего не покупать. И я хорошо помою руки перед едой.

— Очень хорошо, — машинально поправила миссис Кимбл. — Думаю, да. Это ведь я настаивала на том, чтобы ты выбралась из дома? Было бы неправильно отказывать сейчас, когда ты просишь меня помочь. — Она поставила пакет с замороженными овощами на крапчатую гранитную столешницу. — Давай я положу их в кастрюлю.

Другими словами, она провозится еще пятнадцать минут.

Вэл все равно нужно переодеться. Она не собиралась выходить на публику в спортивных штанах — во всяком случае, тех, что носила в средней школе. У нее имелись свои стандарты, чтобы там не нравилось думать Лизе. Кстати говоря, она все еще ждала ответа?

Вэл подняла телефонную трубку и услышала гул.

— Лиза? Мама говорит, что она не против.

— Слава богу, приезжай как можно скорее.

«Не за что», — подумала Вэл, когда связь оборвалась.

Вэл выбрала из шкафа тускло-зеленый свитер и джинсы, которые уже начали изнашиваться на коленях. Иногда, когда ей становилось скучно в классе, она теребила нитки, пока они не обрывались у нее в руке. Она сунула ногу в одну из своих черных туфель, а затем отправилась на поиски второй, в конце концов обнаружив ее за мусорной корзиной под столом. Как она туда попала? И почему ее туфли всегда умудрялись оказаться в разных местах?

Просто еще одна неразрешимая тайна Вселенной, решила она. Например, почему тупым мальчикам требуется несколько дней, чтобы ответить на сообщения в Фейсбуке, даже если они явно находятся в сети. Нет, это никого не обманет, и только выставит его придурком.

Вэл изучала свой компьютер.

Почему бы и нет. В любом случае, мама собирается целую вечность.

И ей было любопытно узнать, ответил ли наконец Джеймс на ее сообщение. То, что она

послала два дня назад. Она вовсе не приглашала его на свидание, просто хотела узнать, не захочет ли он как-нибудь сходить в кино с ней и Лизой.

Всё это, естественно, было идеей подружки.

По словам Лизы, Джеймс только что расстался со своей девушкой, с которой встречался две недели. Причины разрыва неясны, хотя до Лизы доходили слухи, что девушка изменила ему с квотербекком университетской команды.

Видимо, Джеймс, когда его спросили, сказал, что, по его мнению, Вэл «выглядит довольно круто». Но в то время как Лиза казалась взволнованной этим, Вэл не могла заставить себя думать о комплименте (если это действительно так — более вероятно, что Джеймс просто не смог придумать, что еще сказать) как об особенно вдохновляющем, и уж точно не считала его завуалированным признанием в любви. Хотя похоже Лиза интерпретировала эти слова именно так, но Вэл была почти уверена, что слышала, как Джеймс в таких же выражениях говорил о своем учителе математики.

А его учитель математики — мужчина.

И все же ей казалось, что это лучше, чем если бы он просто сказал: «Вэл, кто это?» В данном случае это звучала как: «а, та девушка с трека?»

Занятия бегом действительно помогли Вэл найти себя. Девушки в команде были такими милыми и заботливыми; ей оказалось трудно оставаться в своей скорлупе, когда они вытаскивали ее в кафе после тренировок. Плюс, бег заставлял ее чувствовать себя увереннее. Он заставлял ее чувствовать себя сильной. Ей нравилось это чувство, когда она приближалась к своему пределу, но все же умудрялась продолжать. Это был так головокружительно.

Она открыла свою страницу на Фейсбуке, с удовольствием увидев несколько уведомлений. Одно — от Рейчел и Линдси, которые прислали приглашение на сбор средств для новой спортивной формы. Вэл выбрала «принять участие» и прокрутила ожидающее сообщение; оно было не от Джеймса (хотя он находился в сети — я вижу тебя, придурок), а от кого-то, кого она не знала. Имя выглядело фальшивым.

На аватарке размещена отталкивающая фотография мужчины в викторианском одеянии, стоящего лицом к камере. На нем был цилиндр. Она скорчила гримасу. Еще один из тех чудаков-косплееров? С тех пор как она совершила ошибку, присоединившись к этой дурацкой группе «девушки-геймеры» в Фейсбуке, она получала всевозможные сообщения от парней — некоторые из них были достаточно взрослыми, чтобы годиться ей в отцы. Интересно, чего хочет этот псих?

«Валериэн... я видел тебя на стадионе, какой дикой ты можешь быть, пылающей, как огненная стрела, когда мчишься к финишу. Я заинтригован... настолько, что хочу увидеть больше. Знать больше. Узнать тебя. Скажи мне, почему ты бежишь? Чтобы догнать? Или сбежать? Я бы многое отдал, чтобы узнать».

— О, боже милостивый! — Это сообщение от сумасшедшего — и он знал, кто она, чем занимается, где тренируется. Это гораздо хуже, чем если бы он был совершенно незнакомым человеком.

— Ты готова, дорогая?

Вэл подпрыгнула, одарив мать виноватой улыбкой.

— Да, — Она закрыла ноутбук. Скорее всего, это просто розыгрыш. Кто-то пытается меня развести.

Я надеюсь.

— И, девочки, обязательно позвоните мне, когда закончите, — попросила мать Вэл.

— Да, мам.

— Да, миссис Кимбл.

— Выходите потом на уличную парковку. Я заеду за вами прямо сюда, где и высадила.

— Да, мам.

Миссис Кимбл с минуту смотрела на них обеих.

— Ну и отлично. Повеселитесь, девочки.

— Твоя мама чересчур опекает, — заметила Лиза, когда они подошли к «Петвиллу».

— Вовсе нет! Она просто беспокоится.

— Достаточно обеспокоена, чтобы свести с ума.

— В моем возрасте она была немного безумной.

— И она боится, что ты слетишь с катушек? Да ты практически святая.

— Нет! Я тоже могу быть безумной!

— Ага, когда представляю «Валериэн Кимбл», я думаю: «вот девушка, с которой я не хочу связываться» — или думала бы так, если бы у меня имелся хронический страх перед чертовски хорошими людьми.

Вэл ударила ее по руке.

— Знаешь, что? Если бы это был фильм ужасов, ты бы точно оказалась убийцей, — сказала Лиза, потирая руку, — Ты слишком хороша, чтобы быть правдой.

— Хорошо, что это не фильм ужасов — или все-таки фильм? — Вэл одарила ее недобрый взглядом.

— Очень мило. Меня почти пробрало. Что это за запах?

Вэл фыркнула. В «Петвилле» пахло именно так, как она и ожидала — пылью, какашками животных и кошачьим кормом. Но Лиза сморщила нос, как только ее скетчерсы коснулись грязных плиток.

— Если подумать, — проговорила Лиза, — я действительно чувствую, что меня пробирает дрожь. Сейчас вернусь. Может быть, — она бросила недоверчивый взгляд на ряд кошачьих туалетов неподалеку. — Я собираюсь купить себе кофе, пока не потеряла аппетит.

— Лиза...

— Найди щенка, с которым можно поиграть. Может быть, он будет бояться тебя.

Вэл показала ей язык, но Лиза уже отвернулась.

Хотя найти щенка — хорошая идея. Интересно, есть ли они у них?

Вэл сначала подошла к аквариумам. Там водились вездесущие пучеглазые золотые рыбки, иногда по двадцать штук в аквариуме. На против плавали несколько сиамских бойцовых рыб с плавниками, похожими на волочащиеся узорчатые рукава кимоно. Для тех, кому необходимо почисть аквариум продавали водных улиток. Вэл постучала по одному из аквариумов. Рыба плавала в воде, никак не реагируя, и выглядела так, словно ей не помешало бы немного оживиться.

Неожиданно рыбка ударилась тельцем о стекло, и Вэл вздрогнув, ойкнула.

Откуда-то сзади донесся тихий смех. Вэл обернулась как раз вовремя, чтобы заметить, как один из сотрудников смотрит в сторону, как будто он только что не насмеялся над ней. Она прищурилась.

— Что смешного?

— Не зря их называют бойцовскими рыбками, — сказал он, улыбнувшись и ушел.

Придурок.

Вэл покинула отдел аквариумных рыбок — потому что ей так хотелось — и вскоре оказалась в отделе игрушек для домашних животных. Глядя на них, она всегда чувствовала легкое головокружение. Ей нравилось представлять в какие из них, играла бы сама с собой, будь она животным. Вэл подозревала, что это делает ее ненормальной, но нельзя отрицать, что в душе она была пушистой охотницей за мышами. Она заставила колокольчик зазвенеть; он был наполнен кошачьей мятой.

Видя, как Лиза играет со своей кошкой, Герцогиней, Вэл всегда завидовала. Она любила кошек. Ей нравилось, что они как люди, что у каждой есть своя индивидуальность, свои симпатии и антипатии. Герцогиня высоко держала хвост, изогнутый, как вопросительный знак, когда ей было любопытно; когда что-то вызывало ее презрение, ее насмешки выглядели такими же острыми, как у чирлидерши, задирающей нос.

Собаки тоже были такими. Глядя на собаку на поводке, можно было определить, хорошая она или злая. У милых были нежные морды и добрые глаза, их языки свисали изо рта в глупой, жаждущей угодить улыбке. Злые, с прищуренными глазами и оскаленными зубами, просто выглядели, ну, злыми.

С людьми все сложнее, и именно это отличало их от других живых существ. Иногда добрые могут выглядеть злыми, а иногда злые могут выглядеть милыми. А порой и вовсе невозможно определить. «По крайней мере, с животными ты знаешь, что ожидать», — подумала Вэл, хмурясь и скрепя руки на груди, когда выходила из прохода.

В задней части магазина стояла пластиковая игровая конструкция, окруженная стеклом. Внутри лежала дюжина котят, окрашенных в рыжий и черный цвета, как у тигров. Трое из них схватились между собой, катаясь кучей хвостов, лап и ушей. Их пронзительное мяуканье заставило сердце Вэл мгновенно растаять.

Она опустила на колени, чтобы прочесть табличку сбоку от загона. «Котята Тойгер: относительно новая помесь, названная так из-за их отличительных черт морды и тела, которые делают их похожими на игрушечных тигров. Тойгеры энергичны, любопытны, дружелюбны и, несмотря на свою свирепую внешность, довольно ручные — совсем не похожи на своих диких собратьев!»

Ее глаза расширились. Боже мой! Они стоили по шестьсот долларов.

Но такие милые. Черт возьми, если бы у нее имелись деньги, она, наверное, купила бы одного. Они были бесподобны. Один из тойгеров подошел туда, где она рассматривала вывеску, и мяукнул, глядя на нее. Усмехнувшись, Вэл подняла палец на уровень его носа и проследила, как его ярко-голубые глаза следят за движением.

Белыми лапами он поскреб по стеклу, и она громко рассмеялась над его озадаченным выражением. Казалось, котенок сбит с толку своеобразной помехой, не позволявшей ему прикоснуться к добыче.

— Привет, милашка. Ты ведь и правда миленький? О, ты хочешь мой палец?

Царап. Царап. Царап.

— Хочешь, конечно? У-и-и, смотри на палец! Ты меня не достанешь!

Царап. Царап.

— Не сдавайся. Смотри! Вот я снова здесь!

Котенок ударился головой о стекло, и одно его ухо дернулось. Он бросил на нее

обвиняющий взгляд.

Она снова рассмеялась.

— Глупышка.

— Не хочешь взглянуть?

Она оторвала взгляд от котенка, с которым играла. Это снова был тот сотрудник, который смеялся над ней у аквариумов. Но сейчас его лицо было совершенно серьезным.

С поразительно светлыми глазами и щетиной на подбородке он выглядел таким же диким, как и тойгер, но гораздо менее дружелюбным.

Неужели он слышал, как она говорила этим дурацким голосом? Он за ней наблюдал?

Эта мысль наполнила ее ужасом.

Вэл с достоинством поднялась на ноги, заметив, что он немного выше нее. Ничего особенного, конечно, но все-таки она сама выше среднего роста.

— Я, хм, не покупаю. — Она провела руками по джинсам. — Просто смотрела.

Котята такие дорогие; может быть, они очень нервные. Ее ведь собираются выгнать?

Губы парня дрогнули.

— Я не спрашивал собираешься ли ты покупать. Я спросил, хочешь ли посмотреть. Поддержать одного.

— Я не могу.... — Но ее голос говорил о другом.

И прежде чем она успела собраться с силами для достойного отказа, он отпер дверь и, взяв котенка за шкурку, аккуратно вложил его ей в руки. Котенок смотрел на нее широко раскрытыми глазами; она чувствовала, как он дрожит от страха и волнения, вызванного путешествием за пределы загона.

— Ох, — вздохнула она и провела кончиками пальцев по его шелковистому меху. — Такой мягкий.

— Точно.

— Сколько им?

Не сводя глаз с котенка, она не заметила, как парень оглядел ее с ног до головы, как его взгляд поднялся вверх и задержался на лице.

— Думаю, несколько недель.

— Такой милый малыш. — Она почесала его под подбородком. Вскоре ее ладонь начала вибрировать от мурлыканья. — Они такие лапочки.

— Да, они милые. Но далеко не такие впечатляющее, как оригинал.

Его голос прозвучал несколько странно и Вэл подняв глаза, заметила, что он смотрит на маленького котенка с чем-то почти... неприязненным. Но, конечно же, нет. Она подумала, не показалась ли ей эта холодная усмешка; выражение его лица снова стало дружелюбным, когда он встретился с ней взглядом.

— Во всяком случае, он, кажется, привязался к тебе.

— Это мальчик?

— Ты не знаешь, как определить?

Лицо Вэл вспыхнуло.

— Я... я не проверяла.

— Мне кажется, он хочет поехать с тобой домой.

Словно соглашаясь, котенок лизнул ее руку своим маленьким шершавым язычком, потерся мордочкой о пальцы, напрашиваясь на ласку.

— История моей жизни, — с грустью рассмеялась Вэл, придерживая котенка другой

рукой, когда он попытался выбраться из ее пальцев. — Животные любят меня, но мне не разрешают иметь их дома. — Ее смех перешел в тихий вздох, когда котенок, становясь беспокойным, решил поиграть с ее браслетом. Маленькие капельки крови выступили, когда она вытасила его маленькие когти и клыки из своего запястья.

— Думаю, пора вернуть его обратно, — она передала котенка парню, который довольно грубо посадил его в загон.

— У них острые когти, — она посмотрела на свое запястье, сжимая рану. — Господи. Ой.

— Ты кажешься удивлённой. Они убийцы в миниатюре.

Мысль о котенке-убийце почти заставила ее рассмеяться, и она бы рассмеялась, если бы парень не выглядел таким обеспокоенным.

— У вас случайно нет бинтов?

— Да, в подсобке. Думаю, еще пригодится какой-нибудь антисептик. — Он взглянул на ее руку. — Принести оба? Я не уверен, насколько чиста эта клетка — может воспалиться.

— Если не сложно, — смущенно сказала она.

— Давай, садись. Я посмотрю, что у нас есть.

Вэл плюхнулась на край скамейки, на которую он указал, наблюдая за резвящимися котятами и удивляясь, что кто-то такой маленький и, казалось бы, беспомощный может причинить столько боли — даже случайно.

Убийцы в миниатюре.

— Дай мне свое запястье. — Вэл вздрогнула, глядя на парня снизу вверх. Он вернулся с бинтами и какими-то дезинфицирующими средствами. — Твое запястье, — повторил он.

— О, — проговорила она и протянула руку.

Он изучал раны, его глаза оставались холодными, даже равнодушными, хотя хватка, когда он обхватил пальцами ее запястье, была слишком крепкой, чтобы чувствовать себя комфортно.

— Не слишком глубоко, — заметил он, слегка касаясь кончиками пальцев краев ран. — Это хорошо. Заживет быстрее.

— Ты испачкаешься, — предупредила Вэл.

— Кровь смывается. — Он разгладил повязку на ее коже. — Ты выглядишь знакомо.

— Знакомо?

— У тебя очень необычные волосы.

Она схватилась за один из отвратительных медных локонов и сжала его в руке.

— Кто ты?

Он поднес палец к своим губам.

— Скоро сама все поймешь.

Двери открылись, и они оба обернулись, когда в дверях показалась Лиза. Она держала в руках большой сладкий напиток, больше похожий на молочный коктейль, чем на кофе. Вэл помахала рукой, за которую парень больше не держался.

Лиза повернула голову, и ее глаза сузились.

— Что с тобой случилось? — резко спросила она.

— Меня растерзал котенок.

— У них есть котята? — Выражение ее лица немного смягчилось, когда она взглянула на загон с котятами. — О боже. Что это за порода?

— Тойгеры, — ответил парень. Обращаясь к Вэл, он сказал:

— Я пошел.

Лиза бросила на Вэл острый взгляд. Она повернулась к парню, и когда заговорила, то сразу же стала понятна причина ее внезапного гнева.

— Что, черт возьми, за тойгер?

— Может, кошка, выведенная, чтобы выглядеть как тигр?

— Спасибо, что прояснил. К чему этот сарказм?

— Констатация очевидного может быть очень утомительной, — ответил тот.

— Прошу прощения? — В голосе Лизы зазвучали опасные нотки.

— Ты меня слышала.

— Мне стоит доложить о тебе твоему начальнику. Ты так общаешься со всеми вашими клиентами?

Вэл стало неловко.

— Лиза... — Лиза отмахнулась. Парень только рассмеялся.

— О, ты думаешь, это смешно? Почему бы тебе не составить еще один список ненависти?

Его смех перешел в тихое «возможно, я так и сделаю».

— Дай угадаю. Я окажусь в начале.

— Могла бы... но, судя по тому, что я слышал, ты предпочитаешь быть снизу.

Лиза вздрогнула, как от пощечины.

— Пошел ты.

Он приподнял бровь, глядя на Вэл, как бы говоря: «видишь?»

Вэл попыталась снова.

— Лиза...

Лиза не услышала ее слов.

— Отвали. Я не собираюсь спорить... не собираюсь спорить о значении слов с придурками. Пошли, Вэл, мы уходим.

— Но...

Лиза крепко схватила ее за запястье и потащила прочь, прежде чем Вэл успела запротестовать. Вэл оглянулась и увидела, что парень все еще смотрит на нее, убирая руку от лица. Рука, которой он перевязывал ей запястье. Он что...? Это безумие. Он никак не мог слизать ее кровь со своей руки. Она сумасшедшая, раз просто подумала об этом. Разве нет?

Глупость. Люди не пьют кровь.

— Какого черта ты творишь? — возмутилась Лиза, едва дождавшись, когда они окажутся за автоматическими дверями. — Я оставляю тебя одну на пятнадцать минут, а ты тут же решаешь совершить попытку социального самоубийства?

Вэл выдернула руку из хватки Лизы. У нее слегка закружилась голова. Что-то, что можно списать на потерю крови. Она потеряла руку и сказала:

— Почему ты так заводишься?

— Я завожусь, говоря о тебе и Гэвине Мекоцци.

— О ком?

— О ком же еще?

— О нем? — Она наклонила голову в сторону «Петвилл».

— О том, кто практически только что назвала меня шлюхой в лицо? Тот, с кем ты так подружилась? Да, это тот самый. Хорошая работа, Вэл. Золотая звезда. Ты угадала.

— Мы вообще не подружились! Почему ты злишься на меня? Я не понимаю. Я даже

никогда о нем не слышала.

— Ну, очевидно. — Лиза закатила глаза, но, к облегчению Вэл, ее гнев начал иссякать. — Люди говорят тебе только хорошее. О Гэвине нельзя сказать ничего хорошего. Он — урод. Он странный, а его семья сумасшедшая. Конец истории.

Вэл молчала.

Лиза вздохнула.

— Послушай. Я знаю, как ты обходишься с грустными болванами, но он не такой уж неуклюжий неудачник. Есть причина, по которой он непопулярен, и это не потому, что он непривлекателен или неатлетичен. Он пугает людей.

— Меня не пугает. — Но даже произнося эти слова, Вэл поняла, что это ложь.

— Должен, — прямо сказала Лиза. — А если нет — тогда, с тобой что-то не так.

Гэвин Мекоцци.

Чуть больше тысячи результатов поиска.

На Вэл нахлынули противоречивые чувства, когда она уставилась на страницу поиска Гугл. Любопытство боролось с мучительным подозрением, что ей, вероятно, следует оставить его в покое. Попытка найти о нем информацию ведь не делает ее чокнутой? Она была почти уверена, что делает.

У Лизы хватило наглости указывать ей, от кого стоит держаться подальше, особенно после лекции о том, что она «слишком правильная». Может она хотела сказать, что Вэл не помешает немного дурного влияния?

Вэл снова взглянула на страницу: тысяча один результат — это много. Она не уверена, как собирается просмотреть их все или хотя бы половину. Неужели это то, чем занимаются сталкеры в свободное время? У них должно быть его много.

— Вэл, я отвезу тебя в школу через сорок минут. Ты будешь готова?

— Да, мам!

Она услышала, как та, уходя, произнесла что-то саркастическое. Что-то о неблагодарности.

Люди могут узнать, что вы искали их в Гугл? Она просто умрет, если Гэвин узнает, что она преследовала его. Или если Лиза узнает.

Нет, погодите, ее это не волновало. К черту Лизу.

Поскольку Вэл не собиралась просматривать тысячу одну веб-страницу, она повторила поиск, на этот раз поставив его имя в кавычки. Результаты сузились до выполнимых двухсот тридцати — и она знала, что некоторые из этих выделенных имен должны были быть ее Гэвином, потому что они были явно местными. Сайт «Петвилл» выскочил, равно как и МНБ и то, что называется ФИДЕ, плюс сайт с генеалогией.

Она определенно проверит последний, но что такое ФИДЕ? Компания? Она открыла другую вкладку и начала третий поиск. «Fédération Internationale des Échecs».

Всемирная шахматная федерация.

Она просмотрела страницу и узнала из краткого резюме сайта, что федерация была основана в Париже, и броская аббревиатура французского названия прилипла. Гэвин, когда она искала его, был указан как обладатель титула «мастер» с рейтингом 2300.

Его противники говорили о нем, что «он плетет свои ловушки так же ловко и замысловато, как паук плетет свою паутину — прекрасно сделанную и столь же смертоносную», «жестокий как сама природа, ужасный, чудесный и совершенно неудержимый» и «поистине, некоторые партии с ним стали одними из самых запоминающихся в моей практике».

Гэвин, похоже, отказался от занятий шахматами, потому что находился в статусе неактивного игрока. Вэл задавалась вопросом, почему он ушел. Она посмотрела на его рейтинг, потому что «мастер» звучало впечатляюще, и единственное сравнение, которое она могла придумать, — это результаты «Академического оценочного теста» ^[2]. Она была поражена, увидев, что с его рейтингом он оказался в компании лучших игроков во всем мире.

Это ошеломило ее и заставило задуматься на несколько секунд.

Вэл не могла себе представить, каково это — быть настолько хорошим в чем-то, не говоря уже о такой интеллектуальной, сложной и необычной игре как шахматы. Ее отец играл, но не очень хорошо. Он пытался научить ее несколько раз, когда она была маленькой, но Вэл пренебрежительно относилась к тусклым черно-белым фигурам с их ошеломляющим отсутствием украшений и хотела играть только в «Кэнди-ленд».

«Интересно, стала бы я мастером, если бы позволила папе учить меня?»

Вэл закрыла вкладку ФИДЕ и открыла сайт генеалогии. Анна Мекоцци была первым именем, которое бросилось ей в глаза, с линиями, тянущимися от ее имени, как паучий шелк. Вэл следила за строчками, ее глаза расширились от понимания, когда она дошла до конца.

Анна была матерью Гэвина.

Имя Гэвина располагалось первым в списке, но имя его отца явно отсутствовало. Значит ли это, что он не знает, кто его отец? Может быть, его усыновили. Не сказать, что это так уж удручающе.

«Но обычно как-то по-особенному выделяют линии, если тебя усыновляют, не могу вспомнить как...»

Вэл уставилась на карту. Боже, у него имелось много братьев и сестер. Анна-Мария, Лука, Леона, Никола, Дориан, Аделаида, Селеста. Она подумала, не католик ли он. Итальянцы ведь католики? Он итальянец? Звали его, конечно, подходяще, и выглядел он таким же мрачным и задумчивым, как популярные итальянские актеры.

Читая дальше, она узнала, что он действительно итальянец. Первый и единственный ребенок, которого его мать родила в своей родной Ломбардии, прежде чем уехать, эмигрировав на восточное побережье США.

Анна Мекоцци в прошлом была актрисой театра и, казалось, коллекционировала мужчин так же, как другие собирали марки или монеты. Вэл испытала настоящий шок, когда увидела ее фотографию. Женщина была великолепна — миниатюрная блондинка с высокими скулами и удивительно тонкими губами. Высокий смуглый сын совсем не походил на нее.

За исключением глаз. У них были одинаково холодные бесцветные глаза.

Вэл закрыл сайт генеалогии и кликнула на вкладку узнать, что о нем говорят в школе.

Гэвин был разрекламирован в качестве эксперта в секции стрельбы из лука. На школьном сайте висела потрясающая фотография, на которой он в спортивной рубашке и спортивных штанах, держал лук со стрелой на натянутой тетиве и целился в фотографа.

«Интересно, — подумала Вэл, — кто его сфотографировал?» Напряженное, сосредоточенное выражение лица говорило о том, что он не станет долго раздумывать, прежде чем выстрелить в того, кто находится за объективом, и о том, что он не промахнется, если выпустит стрелу.

Судя по всему, он еще пробовался в мужскую команду по плаванию, но бросил ее еще до окончания сезона, так что, хотя его имя и значилось в списке, сам он не участвовал в соревнованиях. Вэл почувствовала, как ее лицо вспыхнуло, когда она поняла, что была немного разочарована.

Однако он не казался психом. Станным, да. Интересным, да. Опасным, определенно.

Чокнутым, нет.

Она снова щелкнула по фотографии со стрельбой из лука. Интересно, он все еще занимается. Ей показалось, что под облегающей серой тканью она различает едва заметные

очертания его пресса. Еще у него были красивые плечи, мускулистые — наверное, от плавания, — и руки выглядели сильными. Как будто он мог без особого труда подхватить девушку ее размер...

— Вэл, предупреждаю, осталось десять минут!

Она чуть не упала, переключив экран обратно на Фейсбук.

— Я иду, мама! — Черт.

Бросив последний взгляд на пустой почтовый ящик, она закрыла ноутбук и вздохнула. Посмотрите на нее, она ведет себя как слюнявая идиотка из-за парня, которого, по всей вероятности, никогда больше не увидит.

(Ты сама все поймешь).

Правда?

— Вэл ты готова?

— Да.

* * *

День Вэл в старшей школе Дерринджер прошел без происшествий.

На уроке изобразительного искусства они приступили к изучению человеческой формы, готовясь к рисованию с натуры, которое им предстояло начать в ближайшие несколько недель. Раздались смешки, когда мисс Уилкоккс сообщила классу, что, несмотря на то, что на уроках рисования обычно участвуют обнаженные модели, но в их случае этого не будет.

Вэл поежилась от мысли об обнаженных моделях, радуясь, что ее избавят от такого грубого унижения.

Джеймс сидел со своими друзьями-спортсменами и смеялся больше всех. Вэл уставилась на чистый лист бумаги и снова задумалась, почему Лиза так уверена, что у них есть что-то общее. Она начинала подозревать, что Лиза ничего такого не знает, и лишь того факта, что Джеймс просто симпатичный парень, подруге казалось достаточно.

Мисс Уилкоккс смотрела на своих учеников с нежным неодобрением.

— Теперь, когда вы просмеялись, я ожидаю полной тишины, пока вы будете рисовать. Полная, — сказала она, выключая радио, — тишина.

У Вэл по спине пробежали мурашки, когда комната погрузилась в тишину, нарушаемую только стуком пишущих ручек и карандашей, и тихим хихиканьем. У нее было то же самое жуткое чувство, которое она испытала на легкоатлетическом поле, а затем снова в раздевалке для девочек.

Она сомкнула пальцы вокруг карандаша, словно это оружие. Попыталась подумать о том, что хотела бы нарисовать, но ее мысли затуманило беспокойство, смешанное с раздражением. Почему-то она подумала о тех свирепых котятках из «Петвилла». Они были так красивы, с их детальными отметинами и большими голубыми глазами. Может стоит их нарисовать. Линии на бумаге начали появляться еще до того, как она успела обдумать мысль до конца. Тонкие пучки мягкого детского меха, бархатные вибриссы, влажные глаза.

— Хорошо используешь детали, Вэл, — заметила мимоходом мисс Уилкоккс.

Вэл улыбнулась в ответ, кончиком пальца размазывая и смешивая полосы.

— Я люблю животных, — сказала она скорее себе, чем учителю.

Урок рисования стал единственным светлым пятном в этот день.

После него следовала английская литература, которую Вэл ненавидела. Миссис Васкес размахивала литературными произведениями так, как другие люди в более жестокие времена наверняка размахивали вилами и копьями. До изучения более стандартной пьесы «Ромео и Джульетта» учительница Вэл решила начать с «Тита Андроника», что, конечно, просто ужасно. Убийства, изнасилования и пытки, но все остальные в классе были в восторге от этого произведения Шекспира, а значит, Вэл приходилось притворяться, что ей оно нравится, чтобы они не смеялись над ней, как смеялись над единственной мормонской девочкой в классе.

Эмили Абернати, мормонка, училась по индивидуальному плану, так как ее религия исключала многие книги и фильмы, которые миссис Васкес заставляла смотреть в классе, включая фильм шестидесятых годов с печально известным обнажением груди. Многие ребята с нетерпением ждали этого фильма. «Наверное, включая Джеймса», — подумала Вэл, с досадой опершись на ладонь.

— Еще мы будем смотреть экранизацию, — предупредила миссис Васкес, — так что мне будут нужны разрешения. Если не сдадите их до конца недели, вы не сможете смотреть фильм.

Да неужели? Вэл тут же решила потерять свое. В конце концов, такие вещи случаются. Вынужденное написание реферата в библиотеке под ястребиным взглядом раздражительной старой мисс Баннер казалось Вэл гораздо более привлекательным, чем необходимость смотреть, как людей режут и запекают в пироги. От одной этой мысли Вэл чуть не стошнило.

Эмили выглядела не менее смущенной. Она поймала взгляд Вэл, полный ужаса, и одарила ее застенчивой, натянутой улыбкой товарищества.

Миссис Васкес посмотрела на Вэл, потом на Эмили и проговорила:

— Если вы не смотрите фильм, — как она могла знать, о чем я думаю? — ...Я ожидаю пятистраничного анализа ваших мыслей о «Тите Андронике», а также подробных примеров и цитат из пьесы.

«Твою же мать, — подумала Вэл, и по лицу Эмили было ясно, что она думает о том же. — Ненавижу английский».

День закончился уроком здоровья, который прошел ненамного лучше. Какую-то бедную студентку завербовали, чтобы она рассказала свою историю об отравлении алкоголем после неудачной вечеринки. «Похоже на какой-то фильм из тех, что миссис Джеффрис смотрит всю жизнь», — подумала Вэл, слушая рассказ девушки о том, как она проснулась с головой в унитазе и как запаниковала, когда ее начало рвать кровью. Вэл захотелось блевать.

Звонок прервал девушку как раз в тот момент, когда она заговорила о своей увеличенной поджелудочной железе и неприятном срочном визите в больницу. «Слава богу, — мысленно вознесла хвалу Вэл. — Спасительный звонок».

* * *

— Как дела в школе? — спросила миссис Кимбл.

Вэл рывком распахнула дверцу и плюхнулась на пассажирское сиденье.

— Мерзость.

— Мерзость?

— Людей рвет кровью, и их режут.

— Должно быть, это был интересный урок.

— Нет.

— Ну, мне еще нужно кое-что сделать. Хочешь поехать со мной или подбросить тебя до дома?

Вэл начала было говорить «домой», но остановилась.

— Можно мне пойти в «Петвилл»?

— Вэл, я же говорила тебе...

— Не покупать. Просто... у них там маленькие котята. Они такие милые, мама, я никогда не видела ничего подобного. Это новая порода — я рисую их на уроке изобразительного искусства.

— Это все из-за школы?

Вэл кивнула. Отличное объяснение.

— О, хорошо. Как долго, по-твоему, ты там пробудешь?

— У меня есть телефон, — ответила Вэл. — Ты можешь позвонить мне, когда будешь подъезжать. Я сразу выйду на стоянку и буду ждать.

— Ты, видимо, все спланировала.

Вэл покраснела.

— Мама! Господи, не нужно видеть во всем заговор.

— Только не тогда, когда ты краснеешь, — заметила мать, отчего румянец Вэл только усилился. — Что, скажи на милость, ты задумала?

— Мой художественный проект, — пробормотала Вэл, вылезая из машины, когда ее мать въехала на парковку торгового центра.

— Я позвоню тебе, когда закончу.

Любопытные мамочки так бесят.

Автоматические двери с жужжанием открылись, когда она подошла к магазину. Вэл сильно нервничала, и крепче вцепилась в лямку рюкзака.

Тот странный парень явно отсутствовал — не то чтобы она высматривала. На его месте стоял грузный мужчина в синем фартуке, который смотрел на нее с нескрываемым подозрением, уставившись на блокнот под мышкой. Вэл нервно огляделась, прежде чем подойти к мужчине и объяснить, что ей нужно.

— Я просто хочу их порисовать, — сказала она, съезживаясь под его пристальным взглядом, — я не буду трогать или беспокоить их или что-то в этом роде. Это для... э-э... школы.

Мужчина проворчал что-то вроде неохотного согласия, прежде чем уйти, бормоча по пути о подростках, что любят приставать к бойцовским рыбкам и смеяться, когда те атакуют стекло. Вэл прекрасно поняла о ком идет речь, училась с ними в прошлом году в восьмом классе.

Вэл покачала головой, надеясь, что в двенадцать лет она не была такой назойливой, и села, скрестив ноги, перед загоном для котят, слегка поморщившись от грязи на полу. Несколько котят подползли к стене, уставились на нее и замаякали. Вэл захлестнуло желание посюсюкать над ними, но образ сурового директора магазина заглушил этот порыв.

Медленно, чувствуя угрожающее присутствие директора, Вэл начала рисовать. Сначала она использовала сетку, чтобы попытаться отобразить пропорции мордочек котят. Она сразу же поняла, что сделала их лбы слишком маленькими, а щеки слишком толстыми в своем

предварительном наброске.

Когда она сидела, стирая линии, Вэл заметила тень, пересекающую ее блокнот. Она испуганно подняла глаза и увидела нависшего над ней толстяка.

— Ты художница?

— Наверное, — ответила Вэл, слегка напрягшись и снова уткнувшись в лист.

— Хм, — снова проворчал мужчина. — Очень хорошо.

— Спасибо, — она почувствовала, как ее щеки начинают гореть. Вэл хотелось, чтобы он ушел.

— Здесь работает парень, он тоже художник.

Услышав это, Вэл подняла глаза.

— Неужели? Сколько ему лет?

— Достаточно взрослый, чтобы был толк от его работы, но достаточно молодой, чтобы вызывать мое беспокойство.

И как, черт возьми, это понимать? Вэл хотел расспросить его подробнее, но мужчина потерял интерес к этой теме и пошел к рядам птичьих клеток, качая головой и бормоча что-то, продолжая следить за шумной группой подростков через магазин.

Очень странно.

Вэл закончила свои наброски, стряхивая странные слова мужчины, как пыль с пола, и проверила телефон на наличие новых сообщений. Никаких звонков от матери, а это означало, что она, вероятно, все еще ходит по магазинам. Вместо того чтобы позвонить и попросить забрать пораньше, Вэл зашла в «Старбакс», расположенный двумя магазинами дальше, чтобы выпить кофе, пока есть время.

Кофейня была переполнена, Вэл стояла в очереди, листая альбом, чтобы изучить свои рисунки, а также втайне надеясь, что кто-нибудь, проходя мимо, захочет прокомментировать, когда она внезапно была вынуждена поднять глаза, почувствовав чужой взгляд.

Там, за одним из столиков у окна, с полупустым стаканом эспрессо сидел парень из «Петвилл», поглядывая на нее.

(Здесь работает парень. Он тоже художник).

Интересно, он и есть художник?

Но такое совпадение казалось слишком надуманным. В магазине работали десятки людей его возраста — нашего возраста. Художником мог быть кто угодно, может быть, студент колледжа.

Забавно, однако, что она столкнулась с ним здесь.

Глупости. Наверное, у него перерыв или что-то в этом роде.

— Что я могу предложить вам сегодня? — спросил бариста.

— Холодный латте с фундуком, пожалуйста.

— С вас три доллара пятьдесят центов.

Вэл положила ровно два доллара пятьдесят центов. Бариста раздраженно посмотрел, бросив взгляд через плечо Вэл на длинную очередь, выстроившуюся позади нее. Лицо Вэл вспыхнуло. «Где еще один доллар? У меня точно было больше денег».

— Мисс? Вы все еще должны мне доллар. Люди ждут.

— Я знаю... Эм... — Вэл хотелось, чтобы пол просто разверзся и поглотил ее целиком. — Не думаю, что...

— Я позабочусь об этом, — послышался низкий веселый голос.

Вэл в шоке подняла глаза. Гэвин оставил без присмотра и свой столик, и стакан с кофе и протянул бариста смятый доллар. Она не могла поверить своим глазам. Это было похоже на что-то из книги. Она не знала этого парня и вообще ничего о нем не знала, и все же он пришел ей на помощь, как герой из женского романа.

Только он не герой, напомнила она себе. Лиза ясно дала это понять.

— Погоди, — сказала она. — Ты не должен этого делать...

— Все в порядке, — спокойно сказал он, убирая бумажник обратно в карман.

Вэл отошла от кассы, смаргивая слезы. Она не могла понять, почему расстроена, но все же была. Такая неловкая ситуация — а потом он просто заплатил за нее, ни с того ни с сего. Кто так делает? Не то, чтобы она не была благодарна, но она нервничала, и ее нервозность усиливалась от силы ее признательности. Вэл пребывала в замешательстве, когда Гэвин неторопливо подошел к тому месту, где она стояла, демонстративно не глядя на него.

«Должна» — вот как можно было описать ее чувства. Она чувствовала себя обязанной.

— Не за что, — подсказал он.

— Спасибо.

— И это все, что ты можешь сказать?

Что еще она должна была сказать?

Когда бариста выкрикнул ее имя, неправильно назвав ее «Валери», как это делали все, Гэвин взял ее напиток, и Вэл была вынуждена идти за ним до самого его столика. Она потянулась за стаканом, но он покачал головой, отодвигая его так, чтобы ей пришлось сесть рядом с ним, чтобы забрать его. Заметив ее колебания, он произнес:

— Я не кусаюсь.

Смирившись, она плюхнулась на диван и села как можно дальше от него.

Гэвин был одет в черно-белую клетчатую рубашку под черным свитером с V-образным вырезом и одну из тех кепок газетчиков, которые носили все хипстеры. Но даже в этих очках, он мало походил на хипстера. Он не был похож ни на кого из тех, кого она видела раньше.

Он откашлялся, и она с немалым смущением поняла, что ее застали за разглядыванием.

— Ты всегда такая молчаливая?

— Ты нагрубил моей подруге, — сказала она в ответ.

— Мм, верно. Ты та девушка, что заходила в магазин несколько дней назад, — задумчиво произнес он. — Валериэн — Вэл.

Вэл напряглась. Такое впервые.

— Ты... ты помнишь мое имя?

Он улыбнулся своему эспрессо и сделал глоток.

— Я помню больше, чем имя.

— Она велела мне держаться от тебя подальше.

— Я так и думал, — весело сказал он. — Вот почему я использовал приманку. Как твоё запястье?

— Зажило, — сказала Вэл. — Какая приманка? О чем ты говоришь?

— Заставить тебя прийти ко мне. С этим. — Он постучал по своему стакану.

Вэл нахмурилась еще сильнее.

— Ты не должен быть таким пренебрежительным. Думаю, ты обидел Лизу.

— Какая жалость. — Он поставил стакан и переплел пальцы. — Она это переживет.

— Почему ты так себя ведешь?

Гэвин усмехнулся и покачал головой.

— А как мне стоит себя вести?

— Мило.

— Я не очень милый.

— Тогда зачем ты это сделал?

Он приподнял бровь.

— Что? Перевязал запястье?

— Да, это. И заплатил за меня. Ты меня не знаешь. — Она поморщилась — это прозвучало ханжески и мелочно даже для ее собственных ушей, — но Вэл не стала извиняться. Она хотела знать ответ. — Зачем тебе мне помогать?

— Может я бы хотел... — он сделал еще один глоток кофе и помолчал. — Узнать тебя, вот почему.

— Невозможно так говорить после одной встречи.

— Ты учишься в моем художественном классе, Вэл. Я видел твои работы. Они очень интересные.

Вэл тяжело сглотнула.

— Первый урок?

Он кивнул.

— У мисс Уилкокс? — На его кивок она сказала:

— Не может быть, я бы заметила...

— Я сижу сзади. Обычно я работаю. Я ассистент преподавателя для этого класса, так что приезжаю довольно рано.

— О, — изумилась Вэл. — Тогда ты тот, кто... кто рисует всех животных. Вроде тигра и волка...

— Да.

— Они такие классные.

Он слегка улыбнулся.

— Спасибо.

— Нет, я имею в виду — правда замечательные. Как ты делаешь их такими реалистичными?

— Как ты так хорошо ладишь с животными?

Вопрос застал ее врасплох.

— Я... я не знаю.

— Я слышал совсем другое. У тебя та еще репутация. Ты и твои кошачьи друзья.

— Лиза, — пробормотала Вэл.

— Она, и тот факт, что местные приюты для животных не могут дожидаться, когда заполучат тебя.

— На самом деле это не так уж сложно.

— О? Расскажи.

— Я просто думаю о животных, как о маленьких людях.

— Ясно, ну а я себя представляю большим животным. Какое совпадение, не правда ли? — он улыбнулся, и его улыбка показалась Вэл крайне многозначительной. Она отвела глаза.

— Не смейся надо мной.

— Ох. — Она почувствовала, как его пальцы коснулись ее щеки, и этот слишком

вольный жест заставил ее подпрыгнуть. — Я не смеюсь над тобой.

«Что же ты тогда делаешь?»

Ее телефон запищал, пресекая эту мысль в зародыше. Гэвин убрал руку с ее лица, как будто снимая темное заклинание, возвращая Вэл подвижность, и волю.

— Мне нужно идти, — выпалила она, выхватила у него свой стакан и быстро пошла прочь, чувствуя, как взгляд его глаз прожигает ей спину. Уходя, она почти ожидала, что он схватит ее.

Не отпустит.

И, возможно, проклятие все-таки не было снято до конца, потому что маленькая, но значимая часть ее не возражала бы, если бы Гэвин это сделал.

«Что со мной происходит?»

Вэл внимательно разглядывала учеников на уроке изобразительного искусства, чтобы понять, действительно ли Гэвин был в ее классе, как он утверждал.

Ей потребовалось больше времени, чем она предполагала, чтобы найти его. Для такого высокого парня он маскировался с поразительной легкостью. Черная футболка и темные джинсы делали его почти невидимым в школе, где девяносто процентов учеников носили этот цвет, считая невероятно модным.

Тем не менее, она нашла его и, воспользовавшись тем, что он отвлекся на рисование углем, принялась внимательно изучать. Гэвин сидел в заднем ряду, что ее несколько не удивило. Вокруг него царил беспорядок, который он сам и устроил. В «Петвилле» он показался ей довольно брезгливым (несмотря на явное равнодушие к крови), но теперь его руки были испачканы углем, которым он рисовал. Она смотрела, как он поправляет очки, оставляя на лице черные пятна.

Вэл почувствовала дикое желание рассмеяться и уставилась на свою работу, прежде чем этот смех смог раздаться. Глупо. Если он уже не считает ее идиоткой, то неприятный смех и фырканье — верный способ подтолкнуть его в этом направлении.

Скорее всего, он считал ее сущим ребенком.

Выражение ее лица посерьезнело, когда она изучила то небольшое продвижение, которое сделала в своем рисунке. Она решила набросать котят из зоомагазина — а потом, позже, детально их проработать, — но у нее возникли проблемы с правильным выражением мордочек. Их глаза выглядели слишком человеческими.

Задумавшись, она наклоняла голову так и этак, чтобы рассмотреть рисунок под новым углом. Наверное, можно сказать, что это вышло намеренно. Что это... как оно называется? — антропоморфное изображение.

Но она будет знать, и этот незначительный недостаток будет беспокоить ее, пока она не сделает все правильно.

Холодное, влажное ощущение щекотало ее кожу, когда она сменила позу, совсем забыв о кисти, зажатой в пальцах. Вэл прижималась щекой к кисти с краской бог знает сколько времени. Она встала, осторожно держа руки перед собой, и пошла умыться в раковине похожей на корыто, встроенной в дальнюю стену, рядом с дверью.

Оранжевая краска капала с ее ладоней и спиралью стекала в канализацию, слишком напоминая кровь. Прямо как кадр из культовой сцены в душе в фильме «Психо». Вэл потрясла руками над раковиной и оторвала бумажное полотенце от ближайшего рулона, повернулась и чуть не врезалась прямо в Джеймса Льюиса.

— Как дела? — спросил он. — У тебя на носу краска.

— Отлично. — Она вытерла лицо влажным бумажным полотенцем. — Стерла?

— Ага, теперь порядок. Да, кстати, я получил твое сообщение в Фейсбуке.

Вэл проделала дырку в бумажном полотенце.

— Получил?

— Угу. Прости. У меня не было возможности ответить до сегодняшнего утра, а потом мне пришлось спешить в класс. Я был занят. Футбол, знаешь ли.

Если Гэвин был темноволосым, волосы Джеймса — светлые. Рыжеватые, примерно на два оттенка темнее и коричневее, чем у нее, с золотым отливом. Он был обладателем

очаровательных зеленых глаз и кривой улыбки, способной разбить сердце.

И сейчас он решил ей воспользоваться. «Ой, блин» версия, которая помогала ему успешно выбираться из неприятностей, причем не раз. Она могла даже подействовать на Вэл, если бы это не было такой вопиющей ложью. Вэл разрывалась между весельем и раздражением. Обычно она верила людям, не думая лгут они или нет. Не часто ей удавалось подловить кого-нибудь на откровенном вранье.

Но если она укажет Джеймсу на его ложь, это не принесет никакой пользы. Только выставит ее похожей на отчаянную преследовательницу, следящую за его профилем, чтобы узнать, был ли он в Сети. словно она какая-то психованная сталкерша. Лиза много раз говорила ей, что мальчики не любят девочек-собственниц, что конечно глупо, учитывая, как ведут себя мальчики-собственники.

Вэл вспомнила своего преследователя, и ее передернуло от ужаса.

— Все в порядке, — пробормотала она.

Но на самом деле это было не так.

Улыбка Джеймса стала шире.

— Хорошо. Я рад. Потому что я чувствовал себя отвратительно из-за этого.

«Держу пари, так оно и было».

— Но я все равно сходил бы в кино с тобой и Лизой.

Вэл ничего не ответила, и он продолжил:

— На какой фильм вы собирались? Есть один крутой экшн...

Опять это слово «круто». Что заставило Лизу думать, что это приглашение сработает? Джеймс даже ей не заинтересовался. Она в этом уверена. Во всяком случае, не как девушкой. Парни не смотрят так на девушек, которые им нравятся.

Он явно не заботится ни о ком, кроме себя...

— ...отличный рейтинг по отзывам...

Раздавшийся стук с задних рядов, дал Вэл благовидный предлог, отвлечься от бессвязного монолога Джеймса. Гэвин исчез со своего места, а его сосед по столу устоялся в пол. Брови Вэл изумленно поползли. Она видела, как его макушка выглядывает из-за стола. Что он может делать?

— ...не большой поклонник мелодрам, но я бы хотел посмотреть...

«Должно быть, он что-то уронил», — решила она.

— ...хорошая драматическая комедия...

О, он идет сюда!

— ... и какой-нибудь триллер, если уж на то пошло... — Даже Джеймс, хоть и был погружен в себя, заметил, что реакция аудитории не соответствует его представлениям о том, что такое восторг. Он оглянулся, чтобы посмотреть, что привлекло всеобщее внимание, и скривил губы. Выражая тем самым досаду, как отметила Вэл.

Не обращая на них внимания с небрежностью, которую, несомненно, практиковал перед зеркалом, Гэвин выбросил сломанный угольный карандаш, теперь разломанный на две отдельные части. Смыл черноту с рук и лица, а затем потянулся за бумажным полотенцем, случайно задев ее бок. Она взглянула на него, и ей показалось, что он подмигнул.

— В любом случае, что-нибудь из этого тебе нравится? Лиза говорит, что ей все равно.

Вэл скомкала бумажное полотенце, которое все это время крутила в руках, и выбросила его в мусорное ведро.

— Я не уверена.

— Фильм трудно выбрать?

— Нет. На самом деле занята. Я в легкоатлетической команде, ты же знаешь, — добавила она, бессознательно насмехаясь над его прежним тоном. — Увидев его непонимающий взгляд, она добавила: — Ты ведь знаешь, что я в легкоатлетической команде?

— Э-э, да. Мне кажется, я уже видел тебя в форме. Ты ведь носишь ее в дни игр?

Носить спортивный бюстгальтер и шорты из спандекса в школу? Дни игр? Ради всего святого.

— Нет, я не ношу ее в школу. И у нас нет дней игр. Я не болельщица. — Вэл устала намекать. — Я в ней на своей фотографии в профиле. В Фейсбуке.

«Ты бы знал, если бы действительно смотрел мой профиль, лжец».

У Джеймса хватило совести покраснеть.

— Э.

Вэл посмотрела на него.

— Ты ведь даже не прочитал мое сообщение?

— Я прочитал уведомление по электронной почте на своем телефоне. То же самое.

Нет, это не так. Она вздохнула.

— Не думаю, что из этого что-то получится.

— Эй, — сказал он, слегка защищаясь. — Не обижайся, просто бег — это не мое.

— Дело не в беге, — горячий всплеск раздражения накрыл Вэл. «Как можно быть таким глупым». Это придало ей смелости. Достаточно, чтобы сказать:

— Не думаю, что ты понял, о чем я говорю. Лиза — наша Лиза — пыталась свести нас.

Искреннее удивление на его лице ранило больше, чем если бы он оскорбил ее напрямую.

— Что, устроить свидание?

— Да. Свидание.

— Господи.

— Это не важно.

Джеймс покачал головой.

— Я и не думал...

— Правда. Не бери в голову. — Внезапно почувствовав, что вот-вот расплечется, Вэл прошла мимо него и направилась к своему месту, но Джеймс схватил ее за руку.

— Эй, подожди. Извини.

Вэл отстранилась — но осторожно.

— Ничего страшного.

«Впрочем, мне все равно».

На самом деле нет. Вот в чем проблема. Ей не все равно.

Вэл провела теперь уже чистыми пальцами по волосам, глядя на незаконченный рисунок котят. Она потянулась к самой тонкой из кистей, чтобы начать работать над подробными отметинами их полосатого меха, как ее запястья коснулась скомканная бумага, нелепо лежавшая перед старой жестяной банкой, в которой хранились кисти. «Что это? Я не оставляла ничего здесь».

Она развернула бумагу, открыв черные карандашные записи, сделанные углем.

«По-моему, ты восхитительна».

У Вэл екнуло сердце. Восхитительна? Я? Она подняла глаза и увидела, что Гэвин

пристально смотрит на нее, подперев подбородок тыльной стороной ладони. Она указала на записку, и он склонил голову, слегка улыбнувшись.

(Может я бы хотел... узнать тебя, вот почему).

Вэл сглотнула.

Ох, ничего себе. «Понятно», — подумала она.

* * *

У Вэл было странно приподнятое настроение, когда она шла через переполненный кафетерий, чтобы сесть за свой обычный столик с подругами. Рейчел и Линдси уже сидели там. Их учитель биологии на самом деле довольно крут и всегда выпускал свой класс на несколько минут раньше, если их лабораторные столы были чистыми, и это означало, что они всегда оказывались первыми в очереди на горячие обеды.

Даже несмотря на то, что ланчи в коричневых пакетах она обычно носила с собой в средней школе, мать все равно настояла на том, чтобы Вэл и сейчас их брала. Распаковывая пятый за неделю бутерброд с арахисовым маслом и бананом, Вэл смотрела на жирную пиццу своих подруг и думала, что горячие обеды могут стоить несварения желудка.

— А эта твоя подруга сегодня присоединится? — спросила Рейчел с набитым ртом. — Принцесса «Как Ее Имя»? ^[3]

— Лиза?

— Я предпочитаю «Как Ее Имя».

— Должна, — сказала Вэл. — У Лизы нет телефона, так что не знаю. Я не могу написать ей.

— О, нет, — Рейчел изобразила притворный ужас. — Принцесса потеряла телефон?

— Лиза не так уж и плоха, — автоматически проговорила Вэл, задаваясь вопросом, так ли она в этом уверена сама.

— Может быть.

— Нет, — возразила Рейчел. — Я никогда не забуду, что она нам сказала.

— Ты про... о, про то, что она назвала нас «милой парочкой»?

— Что? — удивленно спросила Вэл, переводя взгляд с одной на другую, не совсем уверенная, что они говорят серьезно. — Когда это случилось? Вы никогда не говорили мне, что Лиза думает, что вы...

— Лесбиянки? — спросила Линдси, в то же время как Рейчел сказала: — Дайки ^[4]?

Линдси сердито посмотрела на нее.

— Рейчел, это оскорбительно!

— Мы обе знаем, что на самом деле Мисс Штучка думала именно об этом.

— Я уверена, что Лиза не имела в виду ничего плохого, — смущенно сказала Вэл.

— Она спросила, слушаю ли я «Indigo Girls» ^[5].

— И она спросила, играю ли я в лакросс.

— Ты же играла в лакросс, — заметила Рейчел.

— Да, но она этого не знала. Она просто предположила.

Рейчел кивнула.

— Еще она спросила, как мы относимся к Тиган и Саре.

«О боже», — подумала Вэл в тот самый момент, когда поднос с грохотом ударился о

фальшивую деревянную поверхность стола.

— Как вы, парни, всегда так быстро сюда добираетесь? Я шучу, без обид.

Бровь Линдси выгнулась так высоко, что почти исчезла в волосах. Рейчел выглядела так, словно не могла решить, смеяться ей до упаду или оскорбиться. К облегчению Вэл, она ограничилась презрительным фырканьем и откусила большой кусок пиццы.

Лиза с минуту смотрела на нее, потом повернулась к Вэл.

— Знаешь, Джеймс сказал мне, что ты на него злишься?

— Я бы не сказала, что злюсь. Скорее испытываю раздражение.

Вэл объяснила ситуацию, которая произошла в кабинете рисования, стараясь по очереди встретиться взглядом со всеми тремя девушками.

— Думаю, все к лучшему, — закончила она. — Я имею в виду, он выглядел удивленным.

— Ну и придурок, — поддержала Линдси. — Он даже не стоит твоего времени.

Лиза бросила на нее раздраженный взгляд.

— Я поговорю с ним, Вэл. Уверена, что он так не думает.

— А мне кажется да. «Ты носишь форму в школу в дни игр?» Во всяком случае, я бы предпочла опустить всю эту игру в «глухие телефоны». Слишком многое теряется в пересказе.

— Аминь, — подвела итог Рейчел.

— Мальчишки, — согласилась Линдси, кивая. — Разве они способны ничего не забыть?

— Вещи с буквой X перед ними, — предположила Рейчел. — Как X-Бокс. И фильмы с рейтингом X.

— В таком случае, уверена, что они будут в восторге, если мы наденем нашу форму, на свидание.

— И на нас будут пялиться, как на чирлидерш? Нет, спасибо. — Злость во взгляде Лизы стал еще яростней. Она была болельщицей. Словно только что осознав это, Рейчел широко раскрыла глаза, посмотрела на Лизу и невинно сказала:

— Без обид.

— А что насчет того парня, Вэл? Того самого, о котором ты рассказывала нам раньше? Тот, что постарше?

— Да, тот, который назвал тебя восхитительной. — Рейчел захлопала ресницами.

— Кто постарше? — спросила Лиза. — Почему я не... — она замолчала, сосредоточив недобрый взгляд на Вэл. — О, нет. Ты не...

— Все не так, — пробормотала Вэл, съеживаясь под взглядом Лизы.

— О, ты знаешь таинственного парня Вэл, Лиза? — усмехнувшись, спросила Линдси.

— Кто он? — спросила Рейчел. — Мне нужны «где», «когда» и «как», но особенно «где».

— Не говори им, — взмолилась Вэл.

— Почему нет? Если ты не хочешь меня слушать, то, может быть, твои лучшие подружки расскажут тебе, почему Гэвин Мекоцци — плохая компания.

— Какой Гэвин?

— Вот дерьмо, — проговорила Рейчел. — Думаю, тот самый, автор «Списка жертв».

— Нет, — засомневалась Линдси. — Он?

— Кто? — никак не могла взять в толк Вэл.

— Твой парень, Вэл, известен почти всем в школе как парень, написавший «Список жертв».

— Что за список жертв?

— Так называемый список, который пишут школьные стрелки, чтобы не забыть кого собираются убить в первую очередь.

— Очаровательно, — сухо сказала Рейчел.

Вэл побледнела.

— Он действительно его составил?

На этот раз ответила Линдси.

— Не совсем. Это долгая история, но в основном она сводится к эссе, которое он написал для урока английской литературы в прошлом году. По книге Ричарда Коннелла «Самая опасная игра», что задавали читать.

— Это небольшой рассказ об одном потерпевшем кораблекрушение парне, которого выбросило на берег к сумасшедшему старому болвану, который к тому же оказался бывшим охотником. И знаешь, что? Он решил, что обычная охота потеряла свою привлекательность...

— Охота ради убийства зверей, — добавила Линдси для Вэл.

— Ага, — сказала Рейчел. — Так вот, он... граф Золофт...

— Зарофф.

— Золофт, Зарофф, какая разница. Граф Зарофф решает, что отныне он будет охотиться на людей, так как они — единственный достойный вызов, оставшийся для него.

— Парень со «Списком жертв» — я имею в виду Гэвина, извини — сказал кое-что интересное об этой книге.

— Ага, интересное, вроде как «напугать до чертиков людей».

— Учительница выставила его эссе на всеобщее обозрение. Она сказала, что оно потрясающее, и именно такое, за которое смело можно поставить высший балл, и бла-бла-бла, но все знали, что его повесили потому, что школа хотела доказательств, на случай, если он действительно что-то подобное вытворит, что они не ответственны или вроде того.

— Что-то вроде перестрелки в школе, — уточнила Рейчел.

— О чем было эссе? — спросила Вэл.

— В общем, это была действительно жуткая работа о том, каковы шансы выжить у той или иной группы школьников, если они попадут в подобную ситуацию, — объяснила Лиза, перехватывая разговор, — ботаники, болельщицы, участники театрального кружка, спортсмены...

— Значит, это не список жертв, — сказала Вэл. — Я имею в виду, это жутко, но это не похоже на то, что он действительно всерьез рассматривал такое...

— «Болельщицы, вероятно, погибнут первыми, — произнесла Лиза, — потому что, несмотря на свой природный атлетизм, они никогда не знали, каково это — по-настоящему бегать». Это прямая цитата. Его эссе висит на стене моего класса. Я прочитала часть — и вынуждена была остановиться.

— Я тоже кое-что читала, — кивнула Линдси. — Он написал, что наиболее вероятно, что выживет какой-нибудь из застенчивых, тихих ребят, которых никто не подозревает, потому что его или ее «очевидная слабость» заставит их недооценивать, тем самым увеличивая его или ее шанс использовать одно из своих естественных преимуществ.

— Что, черт возьми, пробудило в тебе интерес к этому психопату? — поинтересовалась Лиза. — Потому что я думала, что мы уже все обсудили. Он тебе что-то сказал?

— ...восхитительна, — вполголоса произнесла Рейчел. Линдси ударила ее по руке.

Вэл пожалела, что у нее нет с собой чего-нибудь холодного. Она покраснела, как помидор.

— О боже, Вэл, — простионала Лиза. — Он прожует тебя и выплюнет.

— Может, и не выплюнет, — усмехнулась Рейчел. — Нет, если ему понравится ее вкус.

Линдси ударила ее еще раз, сильнее.

— Ой! Только не рукой для лакросса. Это чертовски больно!

Лиза сердито посмотрела на них.

— Вэл, веришь ты мне или нет, он причинит тебе боль. Я не хочу смотреть, как это происходит.

— Эй, может быть, он действительно неплохой парень, — сжалась Рейчел, увидев расстроенное выражение лица Вэл. — Я имею в виду, что Стивен Кинг, несомненно, душка и посмотрите на все это запутанное дерьмо, которое он пишет.

«Но Гэвин не такой уж хороший», — в отчаянии подумала Вэл. Он сам так сказал.

Она чувствовала себя так, словно заявила вслух перед всеми: я та девушка, которой нравится парень, написавший «Список жертв», — то же самое, что оказаться в ловушке в комнате без дверей.

* * *

Когда миссис Кимбл спросила:

— Как дела в школе, Вэл? — она немного встревожилась, когда ее обычно болтливая дочь ответила ворчанием. — У тебя был плохой день?

— Бее, — произнесла Вэл.

— Бее?

— Старшая школа — это отстой. — Вэл сморщила лицо. — Все такие... такие поверхностные.

— О, Вэл. Ты говоришь так, будто узнала что-то новое. Средняя школа не сильно изменилась с тех пор, как я была девочкой, и думаю, что она осталась почти такой же с тех пор, как вообще появились государственные школы.

— Все равно отстой.

— Многие вещи в мире таковы, и мы ничего не можем сделать с девяноста девятью процентами из них.

Вэл скрестила руки на груди.

— Не могу дождаться колледжа.

— Что ж, боюсь, тебе придется еще подождать, — сухо сказала мать, — так что я бы посоветовала тебе проводить время как можно лучше.

(Я думаю, что ты восхитительна).

Вэл колебалась.

— Кое-что хорошее сегодня все-таки случилось.

— О? И что это было?

— В школе есть один мальчик, и я думаю... я действительно думаю, что могу ему нравиться, — Вэл снова нахмурилась. «Нравиться» — не совсем подходящее слово. Это было слишком просто. Слишком легко.

Слишком невинно.

Миссис Кимбл искоса улыбнулась ей.

— О, это замечательно, детка. Это тот самый, о котором ты мне рассказывала? Тот, с кем Лиза играет в сваху?

— «Играет» в сваху? Вроде как притворяется? — Вэл нахмурилась еще больше. — Нет. Джеймс — придурок.

— Ясно.

Тишина.

— Так кто же этот новый таинственный парень? Лиза познакомила тебя с ним?

Вэл топнула ногой.

— Мама! Я могу найти мальчиков и без помощи Лизы!

— Не топай! И я не говорила, что ты не можешь. — Ее мать выглядела обиженной.

— Ты подразумевала это.

— Боже, какая ты сегодня чувствительная.

Вэл уставилась вперед, на машину, застрявшую перед ними. После школы движение всегда было отвратительным. На бампере машины была наклейка «Мой ребенок — почетный студент Дерринджера». Водитель, однако, добавил еще одну часть, полную иронии, которая гласила: «И все, что я получил, только этот дурацкий стикер».

Она могла поспорить, что родители ребенка даже не догадывались, насколько это мерзко.

— Да ладно тебе. Не сердись. Выкладывай. Я умираю от любопытства.

Вэл испытывала искушение помучить ее еще немного — она все еще злилась из-за предположения матери, что она не может найти мальчиков сама, в основном потому, что это начинало выглядеть так, как будто это могло быть правдой, — но Вэл была слишком взволнована, чтобы долго молчать, и энтузиазму матери оказалось трудно сопротивляться после резкого скептицизма Лизы.

Ей удалось продержаться еще один квартал, пока она не выпалила:

— Он выпускник.

Выжидательная улыбка матери исчезла.

— О... боже. Значит, ему восемнадцать. Это довольно много.

«И тебе тоже».

— Всего на четыре года старше. Мы учимся в одной школе!

— А в следующем году он будет учиться в колледже, а ты, маленькая мисс, все еще будешь в старшей школе. — Она закатила глаза, увидев выражение лица дочери. — Ладно, я поняла. Мы обсудим это позже. Значит, он выпускник. И это все, что ты о нем знаешь?

— Он в моем классе по искусству.

— Мм-хм-м.

— Он работает в «Петвилле».

Миссис Кимбл приподняла бровь.

— Мам!

— Я ничего не говорила, — возразила миссис Кимбл.

— Ты смотрела на меня.

— О, Вэл, ради бога. Я смотрела на тебя? Сколько тебе лет?

Повисла тишина.

— Ну что, мисс Обида? Как зовут этого мальчика?

Вэл не ответила.

— Мы должны называть его ММ, как Мистический мальчик?

— О боже, какой ужас! Его зовут Гэвин. Гэвин Мекоцци.

— Звучит по-итальянски.

— Возможно потому что так и есть.

— В детстве я знала одного итальянца, — задумчиво произнесла мать. — Он был дальним родственником мафиози. Он часто хвастался этим. Это сводило девушек с ума — это, и то, что он был похож на молодого Эдуардо Версатеги. Он еще ездил на «Харлее», насколько я помню, и носил кожаную куртку «Феррагамо».

— Гэвин не из мафии.

— А чем же тогда занимается мистер Мекоцци в свое свободное время?

На это Вэл могла ответить, к ее облегчению.

— Он играет в шахматы. Он гроссмейстер.

— Ну! Это, конечно, впечатляет. Твой дядя играет в шахматы. Я тебе это когда-нибудь говорила? Он называл их «интеллектуальным спортом». — Микроавтобус въехал на подъездную дорожку. Вэл выскочила из машины, перекинув рюкзак через плечо. — Твой отец тоже играл, хотя Чарльз никогда не был так хорош, как Эрл.

— Я помню. Папа пытался учить меня, когда я была маленькой.

— Неужели? Ах да, я совсем забыла. Кажется, все это было так давно. — Роясь в сумочке в поисках ключей, она небрежно спросила: — Что Лиза думает об этом Гэвине?

— Лиза глупая. Совсем как Джеймс.

Как только мать открыла дверь, Вэл сразу же направилась в свою комнату. Первым делом она переделалась из школьной одежды во фланелевые пижамные штаны и майку. Вторых, стоило смыть макияж, который уже начал ощущаться жестким и зудящим. Третьих, она собиралась сесть за компьютер и оставаться там до тех пор, пока ее не позовут на ужин или пока она не устанет настолько, чтобы вздремнуть на кровати.

Джеймс наконец решил послать ей сообщение. Заголовок был озаглавлен просто: «Прости». Как оригинально. Вэл удалила сообщение, не читая. Она знала, что если прочтет его, то либо пожалеет Джеймса, либо разозлится еще больше, чем уже злилась, и в любом случае, скорее всего, она сама поступит глупо.

Кроме того, он, вероятно, извиняется только потому, что его заставила Лиза.

Вэл была лучшей подругой Лизы, еще до того, как Лиза познакомилась с кем-то еще в школе, и ее возмущал тот факт, что Лиза в последнее время так тесно общалась с Джеймсом. Тем более что она была совершенно уверена, что они вдвоем болтаются вместе гораздо чаще, чем с ней.

Не то чтобы она хотела тусоваться с такими глупыми людьми, но они могли хотя бы предложить.

У нее было еще одно сообщение, помимо Джеймса. Вэл немного выпрямилась. Опять от того чудака в викторианском наряде.

«Чего ты хочешь? И как далеко ты готова зайти, чтобы получить это?»

Сообщение было отправлено в 4:21 утра.

Мысль о том, что мужчина, лежащий без сна посреди ночи, думает о ней и о том, чего она хочет, вызывала у нее тошноту — тошноту и немного странного возбуждения, что не могло не пугать.

«Оставь меня в покое, — написала она. — Почему ты все время беспокоишь меня?»

Ответ последовал мгновенно.

«Потому что ты меня завораживаешь».

«Что за странные вещи ты говоришь. Я завораживаю тебя?»

«Помимо всего прочего».

Вэл помедлила. «Всего прочего?»

«Джентльмен никогда не расскажет».

«Тогда зачем ты это делаешь, урод?»

Он не ответил. Вэл вздохнула с облегчением, и начала отвечать на другие сообщения от людей, с которыми действительно хотела поговорить. Люди, которые не были уродами. Она отправила комментарий одной из своих подруг по тренировкам о следующей встрече, и когда экран обновился, ее ждало еще одно уведомление о сообщении.

«Потому что ты прекрасна, когда бежишь — и это заставляет меня сильнее хотеть преследовать тебя». — Снова вспыхнул красный флажок. — «Кстати, ты так и не ответила на мой вопрос».

Его вопрос? Она в замешательстве прокручивала сообщения, пока не наткнулась на первое, что он ей прислал. Чего она хочет и как далеко пойдет, чтобы получить это?

Она нажала кнопку блокировки и отвернулась от ноутбука.

Прямо сейчас ее единственным желанием было, чтобы ее большая, глупая жизнь начала обретать немного больше смысла.

— Одна из самых сложных частей работы с натуры — это превращение живого, дышащего существа в неживое. — Говоря это, мисс Уилкоккс обошла комнату и поставила на каждую парту по деревянному манекену. — Это неживые, не дышащие предметы, но я хочу, чтобы вы на мгновение притворились, что они живые, и изобразили их в статических и динамических позах.

Вэл подняла куклу, поправляя ее конечности так, чтобы казалось, будто она бежит. Несколько других учеников позволяли себе гораздо более откровенные вольности с манекеном, особенно Джеймс, который пихал куклу рукой между ног и издавал такие звуки, что его соседи по парте непристойно ржали.

Гэвин, напротив, спокойно изучал манекен, который делил с девочкой, имени которой Вэл не знала. Он сложил конечности фигурки в позе мольбы, руки были подняты к небу. Девочке это явно не нравилось, хотя было ли это потому, что она, как и Вэл, считала эту позу зловещей, или она возмущалась тем, что он взял куклу под свой контроль, или просто у нее проблемы с изображением конечностей, было неясно.

На английском миссис Васкес показывала экранизацию «Тита Андроника», поэтому, после того как Вэл пришла и получила отметку «присутствует» в списке, ее отправили в библиотеку готовить доклад.

Она не была в школьной библиотеке с начала года, и запах старых книг показался ей невыносим.

— Здравствуйте, мисс Баннер, — робко сказала она библиотекарше.

Мисс Баннер раздраженно шикнула на нее и сунула скрепленную стопку бумаг, даже не потрудившись ничего объяснить. Вэл с опаской взглянула на листочки. На самом верху, подчеркнутое несколько раз, было написано «Не разговаривать». Дальше шел список литературы для ее доклада.

Эмили Абернати уже сидела за одним из дальних столиков, держа перед собой «Грозовой перевал». Ее светлые волосы были скреплены заколкой, и она была одета в один из тех сарафанов и водолазку, которые Вэл не видела лично с 1997 года. Ей почти хотелось заглянуть под стол и посмотреть, есть ли на Эмили, подходящие леггинсы с принтом.

— Привет. — Эмили подняла глаза и застенчиво улыбнулась, отчего Вэл почувствовала себя неловко из-за своих нелестных мыслей. — Ты тоже не смотришь фильм?

— Думаю, что нет. — Она посмотрела на «Грозовой перевал». — Это для нашего класса? Я думала, что мы не будем читать его еще неделю или две.

— Использую его в своем эссе, — объяснила Эмили. — Я взяла тему о мести и предательстве в семьях и о том, как они разрушают важнейшие основы семьи, уничтожая все вокруг. Я уже поговорила с миссис Васкес, и она сказала, что не против.

«Уверена, что она так и сделала» — Вэл отогнала эту мысль, ужаснувшись собственной стервозности.

— Звучит действительно... интересно. Не сомневаюсь, ты получишь пятерку, — поспешно добавила она.

— Надеюсь, что так. Это будет нелегко, потому что мне не очень нравится эта пьеса. — Эмили нахмурилась, глядя на свой экземпляр «Тита Андроника». — О чем ты пишешь свой доклад, Вэл?

— Я не знаю. Пока как-то не думала об этом.

А потом она подпрыгнула, когда мисс Баннер, неуклонно подкрадывавшаяся к ним все это время, шикнула на них.

Вэл неохотно переключилась на учебник, жалея, что Эмили сказала, в чем заключается ее идея. Теперь Вэл могла думать только о мести — что, в свою очередь, заставило ее задуматься, не является ли внезапный интерес ее преследователя чем-то вроде мести. Но от кого? И за что? Или она слишком много анализировала?

Нет. Между ее собственной ситуацией и пьесой имелась какая-то связь. Она размышляла об этом на беговой дорожке, не обращая внимания на возбужденную болтовню Рейчел и Линдси о предстоящей поездке французского клуба в Париж. Тит Андроник хотел отомстить, как сказала Эмилия, но и кое-что еще. Миссис Васкес упоминала об этом на уроке, хотя, на самом деле, скорее в качестве незначительной детали.

— Ты сегодня такая тихая, — заметила Линдси. — Думаешь об определенном человеке?

— Не поощряй ее, — предупредила Рейчел.

— Я просто пытаюсь проявить интерес.

— Конечно, а под «попыткой проявить интерес» ты подразумеваешь «вынюхивание информации».

— Вэл, скажи ей, что я просто проявляю беспокойство, — запротестовала Линдси.

— Нет, скажи ей, что у нее уже нос вырос как у Пиноккио.

— Вэл, скажи ей...

— Я размышляю о своем докладе, — сообщила Вэл им обеим. — Именно об этом я и думаю.

Линдси и Рейчел обменялись взглядами.

— Все еще хочешь проявить интерес? — спросила Рейчел.

— Нет, пожалуй, обойдусь, — проговорила Линдси. — Я и так знаю о докладах больше, чем хотелось бы.

И они безмятежно вернулись к своему разговору, который заставил Вэл вспомнить тему лекции, которая вылетела у нее из головы.

Бессилье женщин.

Миссис Васкес сказала, что изнасилование и увечья Лавинии символизируют полное и абсолютное бессилие, поскольку Лавиния лишена возможности говорить за себя в самом пугающем буквальном смысле. Она перестала быть личностью и превратилась в объект. Безмолвный. Беспомощный.

В первый раз, когда они прочитали этот отрывок в классе, Вэл стало так тошно, что она попросилась в туалет. Однако вместо того, чтобы пойти туда, она стояла в проходе между своим классом и соседним, пытаясь прогнать из головы эти ужасные образы, пока ветер охлаждал пот на ее коже. Было бы лучше, если бы все написанное в книге являлось просто выдумкой, если бы люди не оказывались способны быть такими больными, безжалостными и жестокими, но это не фантазии, и это действительно происходило — и это делало злобных психопатов гораздо более пугающими, чем любое чудовище.

Вэл вспомнила об этом, когда открыла свой шкафчик и оттуда посыпался каскад лепестков розы, зловонный запах их сладости почти удушал своей мощью. Красные лепестки, присыпанные звездообразными соцветиями белого жасмина.

— О боже, — выдохнула она, в ужасе глядя на цветы. Её шкафчик ведь был закрытым.

Она быстро схватила лепестки в горсть и выбросила их в мусорное ведро, заметив при

этом, что они оставались свежими и даже не начали увядать. От этого наблюдения у нее по рукам побежали мурашки. Она уставилась в темноту, боясь, что увидит нечто, и еще больше боясь того, что не увидит.

И тут она услышала металлический звук, который заставил ее резко отпрянуть к своему шкафчику. Это был просто скрип дверных петель, когда дверь распахнулась чуть дальше от ее бешеных жестов. Но не это привлекло ее внимание. Ее взгляд оказался прикован к внутренней стороне двери — точнее, к тому, что там находилось.

В металле, вырезанное жестоким клинком и еще более жестокой рукой, было одно слово. Одно слово, и все же его скрытый смысл исчислялся тысячами.

МОЯ.

Дрожащей рукой она провела по букве «Я». Металлические края были рваными и рассекли ей палец, оставив капельку крови на букве. Боль разрушила заторможенность и сонливость, которые чувствовала Вэл, и внезапно она перестала чувствовать себя отстраненной от ситуации. Это не фантазия, это все реально — и это только что стало смертельным.

Вэл сжала пальцы в кулак, пряча кровь, и закричала так громко, как только могла:
— Тренер Фримен!

* * *

Тренер Фримен посочувствовала ей, но она мало что могла сделать. По понятным причинам в раздевалках не висели камеры наблюдения, хотя некоторые из них имелись на входе. Она использовала аптечку первой помощи для пореза на руке Вэл и предложила ей новый шкафчик и комбинацию, но в остальном Вэл оказалась в значительной степени сама по себе.

Что безусловно неприятно, но не неожиданно. Если он достаточно ловок, чтобы проникнуть в ее шкафчик, она не видела причин, почему бы ему не быть достаточно хитрым, чтобы избежать поимки.

Наблюдал ли он за ее реакцией? Смаковал ее? Ответ, похоже, был утвердительным, потому что, когда Вэл вернулась домой, измотанная и немного вспотевшая после прогулки от автобусной остановки, ее ждало еще одно сообщение.

«Это было не очень вежливо».

Письмо было отправлено всего несколько минут назад.

«Что именно?» — Она печатала, понимая, как это глупо, но ничего не могла с собой поделать.

«Так бездушно распорядиться моим подарком».

«Подарок? Это нельзя назвать подарком. Это был вандализм».

«Могу заверить тебя, моя дорогая, что я не какой-нибудь садовый негодяй».

Холодок скользнул вниз по ее позвоночнику. Ни один старшеклассник так не говорил.

«Ты ходишь в мою школу? — Она подождала. — Вы учитель?»

«У каждого есть что-то, чему он хотел бы научить».

Это значит «да»? Или нет? В любом случае, это не обнадеживало.

«Почему ты все время беспокоишь меня?»

«Потому что есть кое-что, чему я хотел бы тебя научить».

«Тому, как вести себя как жуткий извращенец? Оставь меня в покое, — написала она. — Я не хочу НИЧЕМУ у тебя учиться».

Вэл сглотнула, ее глаза были прикованы к экрану, пока она ждала ответа.

Ей не пришлось ждать долго.

«У тебя нет выбора».

Вэл взвизгнула и заблокировала его. Этого не могло быть на самом деле. Такие вещи случаются только в фильмах ужасов и жутких пьесах. Верно?

Появилось еще одно сообщение от другого пользователя, но с той же картинкой.

«Ты не можешь убежать от меня, Валериэн. Я хочу тебя — и очень скоро собираюсь поймать. Чтобы посадить тебя в клетку. Чтобы ты стала моей. Навсегда».

«ПЕРЕСТАНЬ МНЕ ПИСАТЬ».

Сообщения продолжали поступать словно в насмешку.

«И кто знает, Вэл...»

— Мама!

«Возможно, со временем ты даже обнаружишь, что не хочешь сопротивляться моему контролю».

— В чем дело, Вэл?

«В конце концов, доминирование может быть очень мощным афродизиак».

— Этот парень... — Вэл едва могла говорить, — этот парень продолжает посылать мне сообщения.

Миссис Кимбл нахмурилась, обеспокоенная, но и озадаченная.

— Ты его заблокировала?

— Да, но он не останавливается. Я боюсь — вещи, которые он мне посылает, они, ну, страшные. Смотри... — Вэл указала на экран, откинувшись на спинку стула, чтобы мать могла прочитать сообщение. Она подумала, что ее сейчас вырвет.

— О боже, — воскликнула миссис Кимбл. — Я позвоню твоему отцу...

— Нет! — закричала Вэл. — Не надо! Я не хочу, чтобы папа это видел. Не показывай ему!

— Хорошо, Вэл, но... — она положила руки на плечи дочери, — когда это началось? Неужели это случилось в первый раз?

— Кто-то испортил мой шкафчик в школе, — фыркнула она. «И наблюдает за мной, когда я бегаю». Но она не сказала этого, потому что знала, что ее мать позвонит тренеру Фримен и заберет ее из команды. И помимо класса Искусств и ее собственного ограниченного круга общения, тренировки в значительной степени составлял всю ее социальную жизнь. — Это... это моя вина, как ты думаешь?

— Нет, не знаю. Похоже, он не совсем нормальный. Но больше не отвечай ему. Глупо с твоей стороны было это делать. Он, вероятно, воспринял это как поощрение, — мрачно добавила она, — такие мужчины так думают.

— Тогда что мне делать?

— Не обращай на него внимания, и он потеряет интерес.

— Но что, если он пошлет мне еще одно сообщение?

— Заблокируй его. Даже не достаивай ответом или оправданием. Просто продолжай блокировать. И если он создаст новую учетную запись, чтобы беспокоить тебя, заблокируй и ее.

Вэл мрачно уставилась на экран.

— Хорошо... — «Но не думаю, что это поможет».

— И смени фотографию в профиле, — добавила миссис Кимбл. — Я тысячу раз говорил тебе, Валериэн, что она не подходит для твоего возраста. Посмотри на себя — полуголая.

— Но это всего лишь моя спортивная форма, — возразила Вэл. — Она прикрывает больше чем тот же купальник.

— Не спорь со мной. Просто смени картинку и, ради бога, не отвечай ему.

* * *

Верная своему слову, миссис Кимбл не показала отцу Вэл сообщения с Фейсбука. «Вероятно, потому, что у нее нет доступа к моему аккаунту», — подумала Вэл, но она слышала, как родители обсуждали это после обеда обеспокоенным шепотом. Без нее. Они говорили о Вэл так, словно даже не жили с ней под одной крышей.

«Нет. Хуже. Как будто ситуация меня не касается. Это моя жизнь. Это происходит со мной!»

В конце концов она заперлась в своей комнате и позвонила Лизе, злится та или нет. Вэл нужно поговорить об этом с кем-нибудь ее возраста, иначе она чувствовала, что сойдет с ума. Она предпочла бы Рейчел или Линдси, но по тем же причинам боялась говорить с ними. Они были старше и более зрелыми. Они могли подумать, что она глупа и наивна, раз связалась в эту историю, и Вэл не хотела, чтобы они думали о ней плохо.

Лиза ответила после первого же гудка.

— Уходи, мама! Это мне звонят! Алло? Вэл?

— Привет. Мне хотелось поговорить. Ты не против?

— До тех пор, пока ты не ждешь, что я буду хихикать над Гэвином вместе с тобой, как легкомысленная школьница.

— Лиза, не будь стервой, это важно, и если ты не можешь быть серьезной, я повешу трубку!

— Я просто предупредила. Но в любом случае, — продолжала она, — что ты хотела мне сказать?

— Какой-то подонок преследует меня, и я не знаю, кто и почему. Он всегда посылает мне сообщения о том, как сильно он хочет, я не знаю, владеть мной, и сегодня он вломился в мой шкафчик, наполнил его цветами и вырезал слово «моя» на двери ножом. — Голос Вэл дрогнул — Я думаю, что еще он наблюдает за мной на беговой дорожке, но не могу сказать маме, иначе она может позвонить тренеру и сказать, что я больше не буду тренироваться. Мне страшно, Лиза, и я не знаю, что делать.

— Боже, — едва дыша произнесла Лиза, — и ты понятия не имеешь, кто это?

— Нет, — сказала Вэл.

Лиза прищелкнула языком.

— Это как что-то из фильма. Помнишь его...

— Это не кино, Лиза, и я волнуюсь, потому что он, кажется, знает очень много о моем расписании и о целой куче других вещей обо мне. Я действительно начинаю думать, что он может что-то сделать. Попробует что-нибудь. Понимаешь?

— Прости. — Задумчивое молчание. — Я знаю! Я скажу Джеймсу, чтобы он пообедал с нами. Он большой.

— Меня пугает не время обеда, — объяснила Вэл, — а когда я одна.

— Ох. Хорошо. Ты не думала, что это может быть твой поклонник? Чокнутый.

— Лиза...

— Ладно. Хорошо. Это не он. Кто же тогда? Чего он хочет? И почему от тебя?

Вэл прижала колени к груди и откинулась на пушистую подушку.

— Хотела бы я знать.

— Я бы все равно поговорила об этом с Гэвином. Послушала бы, что он ответит и будет ли вести себя виновато. Он тот, кого я подозреваю.

— Ты так говоришь, потому что он тебе не нравится.

— Да, не нравится, и тебе тоже не должен.

— Лиза! — Вэл закрыла глаза. — Послушай. Я позвонила тебе еще и, потому что хотела попросить о помощи.

— Помощи в чем?

— Ты всех знаешь. Ну... почти всех. Во всяком случае, всех в нашем классе. Наверняка, ты сможешь выяснить вдруг кто-то на меня злится? Я даже не знаю, с чего начать.

— О, точно. Ну конечно!

Вэл с ужасом представила себе, как Лиза смотрит в увеличительное стекло, словно гротескно-подростковая версия Нэнси Дрю в джеггинсах.

— Только никому не говори, — быстро добавила она. — Я не хочу, чтобы кто-нибудь знал. Я серьезно. Если ты кому-нибудь расскажешь, я перестану быть твоей подругой.

— Но что, если кто-то захочет узнать, почему я задаю странные вопросы?

— Не будь слишком очевидной.

— Тебе легко говорить, — по голосу Лизы Вэл догадалась, как та закатила глаза. — Я сделаю все, что в моих силах.

— Спасибо...

— Знаешь, твой преследователь напоминает мне Эрика из «Призрака оперы».

— Из фильма? — спросила Вэл, тут же вспомнив о Джерарде Батлере.

— Нет. Из книги. Он был гораздо более зловещим в книге. Менее романтично, трагично и грустно. У него даже была камера пыток.

— Знаешь, ты действительно не заставляешь меня чувствовать себя лучше!

— Прости. Просто думаю, что это странное совпадение. Я имею в виду, Призрак хотел Кристину, потому что думал, что у нее красивый голос, верно? Этот парень хочет тебя, потому что считает, что ты прекрасно выглядишь, когда бегаешь. — Лиза помолчала. — Странно, действительно, как парень мог взять невинное хобби и включить его в какую-то извращенную фантазию о сексе и спасении, понимаешь?

— Это жутко, — произнесла Вэл тоненьким голоском. — Мне это не нравится. За мной все время следят. Или я чувствую себя такой. В любом случае все так же плохо. Я скучаю по ощущению безопасности, когда я одна.

— Эй, «Призрак Оперы» закончился довольно счастливо.

— Это не кино, Лиза! И даже если бы мой преследователь выглядел как Джерард Батлер, я бы все равно взбесилась.

— Не думаю, что тебе стоит об этом беспокоиться, — сказала Лиза. — Я имею в виду, что он наверняка не похож на Джерарда Батлера. Скорее всего, он грубый ботаник с маленьким членом.

Вэл, не попрощавшись, повесила трубку. Она позволила Лизе перезвонить ей три раза,

прежде чем соизволила снять трубку и извиниться.

Мисс Уилкокс даже не было там, когда Вэл вошла в класс, и все же дверь оказалась широко открыта. Наверное, из-за уборщицы. Строго говоря, ученикам не полагалось оставаться в классе одним без учителя, но Вэл была уверена, что ее никто не видел, а даже если бы и видел, она всегда могла сказать, что учитель вышел только на секунду или что, по ее мнению, уборщица считается преподавателем — разве нет?

Она села за пустой стол, вдыхая запах краски. Что еще важнее, ей требовались время и тишина, чтобы обдумать, как она собирается поговорить с Гэвином. У нее было такое чувство, что фраза «Привет, это ты преследуешь меня на Фейсбуке?» не сработает.

Может быть, ей стоит просто спросить его, есть ли у него страничка на Фейсбуке и пользуется ли он ею.

«Ты занимаешься косплеем? Может участвуешь в исторических реконструкциях? Тебе нравится надевать жуткие костюмы, пугая до чертиков своих одноклассников?»

Разве не все ее идеи ужасны? Она не умела манипулировать. Если бы Гэвин был виновен, он бы сразу понял, к чему она клонит, а это плохо. Если не виновен, он бы просто подумал, что она ненормальная, и этого ей тоже не хотелось.

Радуюсь, что никто не видит ее смущения, Вэл поставила рюкзак на стол и погрузилась в тишину. Без музыки, которую так любила ставить мисс Уилкокс, Вэл могла сосредоточиться на деталях, которые она обычно игнорировала, потому что в большом классе всегда занималось много народа. Кисловатый привкус краски, резные блоки деревянных изделий, то, как они заставляли лучи света падать кружевными узорами на пол. Пылинки в воздухе ловили и отражали ранний утренний свет, искрясь, как горящие угли, и напоминая Вэл о волшебной пылице.

Магия.

Искусство в некотором смысле являлось магией. Каждый рисунок словно окно в создавший его разум.

Вэл вытасила свой альбом для рисования из холщовой тюрмы и порылась на дне рюкзака, пока не нашла свои линеры и угольные карандаши. Дорогие, большинство из них, но разница в качестве от обычных ручек и карандашей была необычайной.

Первый рисунок в альбоме Вэл был ее самой ранней попыткой сделать набросок: очень грустное животное, которое напоминало лошадь, но на самом деле она рисовала Шоколада, черного лабрадора ее соседа. Если бы это зависело от нее, она бы скомкала рисунок и выбросила его, но мисс Уилкокс сказала, что выбрасывать неудачные рисунки запрещено.

«Иначе как ты можешь быть уверена, что не сделаешь этого снова? — спросила она, поймав Вэл, пытающуюся вырвать страницу. — Оставь. Учись на этом».

Поэтому уродливое изображение, частично вырванное из альбома, продолжало оставаться в рюкзаке Вэл, чтобы портить всю ее коллекцию и смущать каждый раз, когда она смотрела на него. Она показала язык собаке-лошади, у которой тоже высунулся язык, и стала листать страницы — цветы, руки, ноги, дерево — пока не добралась до наброска, над которым хотела поработать.

На этом рисунке, также незаконченном, был старый склад, который располагался на краю города. Миссис Кимбл думала, что здание являлось бельмом на глазу, и его стоило заменить на новое с сверкающим фасадом, вроде того, что недавно отремонтировали в

центре города, и теперь оно выглядело настолько привлекательно, что «Сплетник Дерринджера» называл его «лучшим сооружением на западном побережье».

Но Вэл нравилось старое здание, каким бы обветшалым оно ни казалось. Осыпающаяся черепица крыши и заколоченные окна придавали ему характер; это здание, которое можно сфотографировать для Инстаграм, а затем отметить вдохновляющей цитатой. Ей также нравился ее рисунок, несмотря на его недостатки. Может быть, он и не обладал таким очарованием, как насыщенная фотография, но он принадлежал ей и содержал в себе часть Вэл.

Она выбрала один из самых острых карандашей и начала чертить в траве тени ржавой ограды. Почувствовала, что кто-то сидит за столом недалеко от нее, и наблюдает издали, но не поднимала глаз. Она была слишком поглощена попыткой восстановить в памяти это сочетание тени и света, цвета и контраста.

— Светотень.

Слово легко слетело с языка говорившего.

Вэл подскочила, и весь красный цвет, который исчез всего несколько минут назад, снова залил ее лицо, когда она поняла, кто сидел рядом с ней. Гэвин стоял, опершись на руку, и смотрел, как она рисует, хотя его взгляд вернулся к ее лицу, когда она остановилась.

— То, что ты там делаешь. Так называется. — Он кивнул на ее рисунок. — Светотень. Контраст света и тьмы. Я не хотел тебя напугать. Ты испортила свой рисунок.

Вэл выругалась, увидев каракули, которые нечаянно нацарапала на листе.

— Сотру, — пробормотала она, работая ластиком, надеясь, что он поможет. — Я удивлена, что ты помнишь.

— Всего две недели назад у нас было подобное задание.

Ох, он прав. Вэл перестала тереть. Дерьмо.

— С другой стороны, я — помощник учителя. Это моя работа — помнить.

— Помощник учителя? — Она посмотрела на его альбом, потом на его лицо. — Точно. Теперь я припоминаю, что ты говорил мне в...

Подождите. Значит ли это, что он оценивал ее работу? Она вспомнила все задания, которые сдавала, и попыталась вспомнить, были ли они глупыми или неубедительными. Боже, он, вероятно, считал ее полной идиоткой; она не могла придумать, что сказать.

— Тебе все еще разрешено посещать это курс? — спросила она наконец.

— Я рисую для развлечения. Я уже дважды выбирал рисование — больше не могу, если хочу получить высокий общий балл.

— О. — Она уставилась на свои белые веснушчатые руки, испачканные углем. Светотень. Теперь она не забудет.

Внезапный шум у двери заставил обоих подростков поднять головы вверх. Мисс Уилкоккс, которая всегда смутно напоминала Вэл мисс Фриزل из «Волшебного школьного автобуса»^[6], не могла тихо войти в комнату. Ее светлые вьющиеся волосы, закрепленные пластиковой заколкой в форме ромашки, развевались от быстрого шага.

Она поставила свою потрепанную сумку на обычное место за столом и вставила в проигрыватель один из своих компакт-дисков с инструментальной музыкой. Класс наполнили свирели и лютни, и у Вэл не хватило духу продолжать разговор.

— Доброе утро, — пропела учительница. — Вы двое сегодня рано.

Вэл с ужасом поняла, что до того, как мисс Уилкоккс вошла, они с Гэвином были единственными людьми в классе.

— Гэвина, я знаю. А ты... Валери?

— Валериэн. Вэл.

— Вэл, — согласилась мисс Уилкоккс. — По крайней мере, эту часть я знала. Тот скетч с маленькими котятами был просто замечательным, Вэл. С начала семестра ты так преуспела.

— Спасибо.

— Надеюсь, ты подумаешь о том, чтобы пойти в мой продвинутый класс.

Вэл напряглась, почувствовав на себе оценивающий взгляд Гэвина.

— Посмотрим. У меня много, хм, обязательных занятий.

— Конечно, спешить некуда. У тебя еще много лет впереди. И для справки, мистер Мекоцци, я почти закончила с вашим рекомендательным письмом. Три запечатанных экземпляра и один для вашего личного удовольствия.

— Вы очень добры.

— Какая вежливость. Это похоже на комедию хороших манер. — Мисс Уилкоккс посмотрела на дверь. — Надеюсь, другие ученики проявят вашу предусмотрительность, придя пораньше. Сегодняшнее задание будет довольно трудоемким. Вполне возможно придется продолжить на завтрашнем уроке. Если хотите, можете начать прямо сейчас.

— Что нужно делать? — спросила Вэл.

— Так как мы работали с деревянными фигурами на прошлом уроке, я подумала, что было бы неплохо попробовать изобразить живых людей сегодня, — Вэл кивнула и открыла чистую страницу в своем альбоме. Звучало достаточно невинно.

— О, но тебе понадобится партнер. Вы будете рисовать кого-то из этого класса, так что, я полагаю, вам все-таки придется подождать. — Ее глаза остановились на мальчике рядом с Вэлом. — Если только... Гэвин, ты не против быть сегодня партнером Вэл?

— С удовольствием, — торжественно произнес он, вставая.

— Я не хочу беспокоить...

— Ничего страшного, — заверила ее мисс Уилкоккс. — Правда, Гэвин?

— Без проблем.

— Вот, видишь? Почему бы вам двоим не выйти на улицу? Там свет лучше. Сегодня чудесный день.

Вэл вздохнула с облегчением. Ей не придется иметь дело с Джеймсом. Она боялась, что он спросит ее о своем все еще непрочитанном сообщении на Фейсбуке и выставит полной лицемеркой. Теперь она сможет избегать его еще один день.

Ей пришлось бежать рядом с Гэвином, чтобы не отставать от его широких шагов. Это заставило ее почувствовать себя одной из тех надоедливых маленьких собак, кусающих за пятки.

— Какой у тебя рост? — спросила она.

— Метр девяносто пять, — ответил он.

Вокруг них толпились ученики, дожидаясь последнего звонка. Вэл попыталась найти тихое место, где они могли бы рисовать; это давало ей хороший повод не смотреть на него.

— Ты есть на Фейсбуке?

— Ты меня искала?

Она опустила голову.

— Нет. Я имею в виду... мне просто интересно.

Гэвин покачал головой.

— У меня нет времени на такую ерунду.

Прозвучало как отповедь. «Может быть, я ему все-таки не интересна». Гэвин казался рассеянным, его взгляд был отстраненным. «По крайней мере, можно смело предположить, что он не мой преследователь».

Но она не могла не почувствовать некоторого разочарования.

— Где бы ты хотела рисовать меня?

— Как насчет лужайки между зданиями шестьсот и семьсот? Там интересный свет. Я могу заняться тобой возле дерева.

Она пожалела о своих словах, как только они сорвались с ее губ. Глаза Гэвина расширились, а затем он откинул голову назад и рассмеялся. Не один из тех тихих сардонических смешков, которые так раздражали ее в кафе, а откровенный хохот.

— Прекрати, — отрезала Вэл, стараясь не заикливаться на том, как сексуально он смеется. — Это не то, что я имела в виду.

Его смех немного утих, и он весело произнес:

— Я так и понял.

— Хорошо.

— Я удивлен, что ты разговариваешь со мной.

Вэл и сама себе удивлялась.

— Что ты имеешь в виду?

— Разве твоя подруга не предупреждала держаться от меня подальше?

Что ж, это оказалось неожиданно. Она была сбита с толку.

— Почему тебя это волнует? Ты не очень-то хорошо с ней обошелся.

— Люблю знать, что люди говорят обо мне за моей спиной.

Тогда это делало его единственным в своем роде. Она пожала плечами.

— Она пыталась.

— Не сработало?

— Предпочитаю разбираться во всем сама.

Он повернул голову в ее сторону; хорошо это или плохо, но ей удалось привлечь его внимание. Ленивая улыбка ползла по его губам, как паук, и казалась одновременно пугающей и соблазнительной.

— Любопытство может быть очень опасной вещью, моя дорогая.

«Моя дорогая?»

— Почему? Хочешь сказать, что она права? И теперь ты собираешься пугать меня?

— Предупреждая? — Его губы снова изогнулись в обычном подобии улыбки, и она подумала, не было ли то, что она видела — или думала, что видела, — не более чем иллюзией, вызванной тенями, отбрасываемыми на его лицо завесой листьев. — Думаю, лучше позволю, о, как ты там сказала — заняться мной возле дерева.

Вэл не решалась заговорить. Не желая класть блокнот на слегка влажную траву, она жонглировала своими принадлежностями для рисования, пытаясь найти наиболее удобное положение. В конце концов она села, сложив ноги крест-накрест, чтобы держать альбом на коленях.

Гэвин прислонился к стволу дерева лицом к ней, вытянув длинные ноги. Он согнул одну из них, чтобы положить руку, и подразнивая сказал:

— Как ты хочешь меня?

Эти слова снова заставили ее лицо вспыхнуть — господи, он же ведет себя как придурок, пытаясь вот так нарочно вывести ее из себя — и она раздраженно ответила:

— Расслабленным. Естественным.

— Это необязательно взаимоисключающие вещи.

— Тогда так, как тебе удобно.

Вэл приготовилась к еще большему флирту и поддразниванию. К ее облегчению, он сказал только:

— Могу я это сделать. Не против? — Не дожидаясь ответа, он снял очки и осторожно положил их на землю рядом с собой, прежде чем снова занять свое место. Его глаза закрылись, дыхание замедлилось, а поза изменилась. Она не могла сказать, как — едва заметная перемена, — но тем не менее существенная, потому что он больше не выглядел прежним...

Легкий ветерок прошелестел по траве, взъерошив его волосы и оставив рябь на белой рубашке. Под расстегнутым воротником она разглядела какую-то подвеску из тяжелых серебряных звеньев. Гэвин смотрел на нее из-под полуприкрытых век, и, хотя можно было подумать, что он совершенно доволен этой равнодушной расслабленностью, все его тело, казалось, вот-вот придет в движение.

Он был впечатляющим.

Слишком необычная внешность, чтобы считаться красивой в классическом смысле, но все равно привлекательная. У него было такое лицо, которое заставило бы ее мать кивнуть и со знанием дела сказать: «С возрастом он станет еще интересней».

Вэл сглотнула и опустила глаза в свой альбом, больше не в силах поддерживать визуальный контакт. Не сейчас, когда он так на нее смотрит.

Вскоре у нее появились довольно четкие очертания его тела. Широкие плечи, тонкая мускулистая шея. Она смотрела на него по частям, слишком боясь увидеть целое. Высокие скулы. Римский нос. Гэвин рассеяно блуждал взглядом по дереву, наблюдая за маленькими воробьями, прыгающими в ветвях наверху, но в остальном выглядел жутко спокойным. «Но настороже, — подумала она, — почти как хищник в состоянии покоя».

Глупая мысль. Но затем его взгляд снова вернулся, и она почувствовала, как сердце тревожно затрепетало, когда какой-то врожденный страх отозвался на ее тревожное восприятие Гэвина.

(Разве твоя подруга не предупреждала тебя?)

Почему он говорил ей такие вещи? Неужели он не знал о слухах? Конечно, знал. Он и сам это признавал. Так зачем же тогда он заговорил об этом? Чтобы вывести на чистую воду?

Или поймать на лжи?

— У тебя загадочное выражение лица, Вэл.

— Вовсе нет. Не разговаривай.

— Что-то не так?

— Все отлично. Я просто думала о том, что должна сделать.

— Возле дерева?

— Нет, — ответила сердито Вэл и покраснела. Это было слишком близко к истине. — Хватит болтать.

— Ты очень легко краснеешь, — заметил он, потягиваясь и заставляя ткань рубашки туго натягиваться на груди движением, которое казалось слишком грациозным и рассчитанным, чтобы быть случайным. — Знаешь, сопротивляться довольно трудно.

И не только ему. Казалось, вся слюна у нее во рту испарилась. «Он мне действительно

нравится. О боже. Это плохо».

— Думаю, нам лучше вернуться в класс, — заметил он, все еще наблюдая за ней с удивлением.

— Но звонок еще не прозвенел, — возразила Вэл.

— Он будет через секунду.

Оглушительный рев прорезал внутренний двор, заглушив его последнее слово. Она посмотрела на него.

— Как ты это сделал?

— Магия.

— Действительно.

— Волшебник никогда не раскрывает своих секретов. Могу я взглянуть на рисунок?

Она проклинала каждого ирландского предка, подарившего ей эту способность легко краснеть по любому поводу.

— Когда все будет готово. Волшебник никогда не раскрывает своих секретов. — Она повысила голос, передразнивая его.

Гэвин улыбнулся.

— Вполне справедливо.

Она смотрела, как он берет очки и поправляет их на лице.

— Так что же ты рисуешь? Раз не можешь взять этот класс снова. Ты можешь рисовать все, что хочешь?

— В пределах разумного, — ответил он, — хотя я стараюсь следовать плану урока вместе со всеми.

Вэл с трудом в это верила. Он не производил на нее впечатления человека, соблюдающего правила. Или следующего за чем-либо, если уж на то пошло.

— Что ты рисуешь? — повторила она вопрос, — для собственного развлечения?

— В основном животных.

— А что еще?

Он искоса улыбнулся ей.

— Шахматная доска, которую мисс Уилкоккс использовала в своей лекции по светотени.

— Ты рисовал? — запинаясь, спросила она. — Я думала, это сделал профессионал, правда.

— Я играл. — Он признался в этом так же небрежно, как другие мальчики признавались в увлечении спортом. — Это было легко.

Вэл поймала себя на том, что качает головой в знак согласия, и сдержалась. Она не должна знать, что он мастер.

— Шахматы или рисование?

Его улыбка стала еще шире.

— И то и другое.

— Ты рисуешь людей?

— Обычно нет.

— Значит, иногда.

— Когда нахожу объект, который вызывает у меня интерес, тогда да. Но я предпочитаю животных. Они не страдают неуместной склонностью к позированию, и с ними гораздо легче работать. Однако следующий урок станет исключением из моего правила.

— По какому случаю?

— Я буду рисовать тебя.

— Меня? — прозвучало как визг.

— Мы поменяемся местами, помнишь? — Он вложил ей в руку карандаши, которые она забыла в длинных травинках, и легонько сжал их пальцами. — Теперь моя очередь прижать тебя к дереву или к другой подходящей поверхности.

Вэл в этот момент вдруг поняла, на что похожа жизнь радиатора.

— Осторожно, — проговорил Гэвин. — Если ты и дальше будешь так краснеть, я захочу сделать больше, чем просто нарисовать тебя.

И с этим замечанием он повернулся, оставив ее стоять там, во дворе, который медленно начал заполняться студентами, пока она смотрела в его удаляющуюся спину. Его слова прозвучали как предложение. И еще как угроза. Вот тогда-то Вэл поняла, что она в беде: ведь ее действительно не пугал любой из вариантов.

По дороге в школу Вэл чувствовала себя крайне неудобно. Выходные дали ей достаточно времени, чтобы накопить сомнения, в первую очередь посеянные Лизой, а теперь они пустили корни и прорастали, просачиваясь так глубоко в ее мозг, что, подобно сорнякам, она не могла быть полностью уверена, что совсем от них избавилась.

Был ли Гэвин ее преследователем?

Неужели ее преследователь хочет причинить ей боль?

Хотел ли Гэвин причинить ей боль?

Сомнения преследовали ее — бесконечное множество вопросов, каждый из которых был ядовитым и злобным, как гидра. И, как с гидрой, казалось, что как только Вэл удавалось избавиться от одного, так на его месте появлялись еще несколько.

Стала бы она так быстро подозревать Гэвина, если бы он был популярен?

Нет, популярные ученики склонны думать, как большинство. Это делало их менее интересными, менее захватывающими, но еще и менее склонными преследовать других людей — или причинять им боль.

Делать ей больно.

Вэл потеряла живот и откинулась на спинку сиденья. Она отказалась от завтрака в это утро, чтобы утащить одну из газировок с лимоном своего отца в надежде, что что-то безобидное и знакомое поможет успокоить ее желудок.

Но этого не произошло.

Она обнаружила, что в классе рисования никого нет, кроме Гэвина, который сидел за учительским столом и что-то печатал на компьютере.

— Что ты делаешь? — спросила она.

— Просто вбиваю кое-какие оценки и все такое, — неопределенно ответил он. — Ты готова мне позировать?

Вэл сделала глоток газировки. Пузырьки жалили ее потрескавшиеся губы.

— Разве мы не должны подождать? Миссис Уилкоккс, я имею в виду?

— Я говорил с ней сегодня утром.

— Ох. Ладно. — Вэл взяла свои вещи, чувствуя на себе его взгляд.

— Тебе так просто не уйти. — Он встал из-за стола и потянулся. — Между прочим, ты выглядишь по-другому. Немного подавленной. С тобой все в порядке?

— Плохо себя чувствую.

— Хм. — Он придержал для нее дверь. — Тогда я постараюсь не перенапрягать тебя.

Они прошли через двор. Она поймала себя на том, что оглядывается по сторонам, гадая, заметили ли присутствующие ее и Гэвина вместе. Никто, кого она могла видеть, не наблюдал за ними, и она знала, что, вероятно, никто и не будет, но присутствие рядом с ним делало Вэл гиперчувствительной ко всему. Особенно к нему. Даже если она решила не подчиняться им, предостережения Лизы все еще звучали в ее голове достаточно ясно.

(Я бы все равно подняла этот вопрос с Гэвином. Послушала бы, что он скажет и будет ли вести себя виновато. Он тот, кого я подозреваю).

Он определенно не вел себя виновато. Он вообще не выдавал никаких эмоций. Даже различные слухи, предметом которых он был, казалось, не волновали его. Вэл никогда прежде не встречала человека, который был бы так отстранен от мыслей и поступков других

людей. Способен ли кто-то вроде него вообще выглядеть виноватым или чувствовать вину?
(Он пугает людей).

Несмотря на ее заявления об обратном, Вэл очень сильно зависела от мнения других, и, несмотря на всю вежливость и обаяние Гэвина, вокруг него собралось что-то темное, как будто он был эпицентром надвигающейся бури.

Он пугал ее, и все же она не могла оставаться в стороне.

— Возле дерева? — Его голос прорезал ее мысли, как горячий нож масло.

— Хм, давай. — Гэвин привел ее в то же самое место, что и она раньше. Вэл следовала за ним так слепо, что даже не заметила. «Я даже не видела, куда мы идем».

— Стоя или сидя?

— Мне кажется лучше сидя, раз ты сказала, что плохо себя чувствуешь. — Он внимательно посмотрел на нее, потом постучал карандашом по блокноту. — Снимай пальто.

— На улице прохладно.

Когда она произнесла эти слова, ветерок зашелестел листьями и ее волосами, словно соглашаясь. Зима давно уже уступала место весне, но очень неохотно.

— Я не могу рисовать тебя такой закутанной, — сказал Гэвин, присаживаясь примерно в шести футах от нее, его собственное пальто развевалось позади него, как пара черных крыльев, и добавил:

— Я же не просил устраивать стриптиз для меня.

— Я ничего такого не говорила, только то, что здесь холодно!

— Твои мысли написаны на твоем лице. — Он помолчал. — Ух, Вэл, какой интересный у тебя алый оттенок.

Она стянула пальто и отбросила его в сторону.

— Ну вот, — прорычала она. — Удовлетворен?

— С тобой, всегда, — своим нежным ответом он заставил ее почувствовать себя неловко за то, что она позволила эмоциям взять верх, словно она ребенок. Он мимолетно улыбнулся и начал рисовать.

Вэл закрыла глаза и постаралась не шевелиться. Она так нервничала, что у нее дрожали руки. Она переложила их на колени, где это было бы менее заметно. Несмотря на солнце, воздух был прохладным, и в тени тутового дерева становилось все холоднее и холоднее.

— Не двигайся, — сказал он, когда она вздрогнула.

Было забавно, насколько легко делать это дома, когда ты мечтаешь у окна или читаешь хорошую книгу, но как тяжело не шевелиться в присутствии кого-то, кто заставляет тебя чувствовать себя... странно. Не помогало и то, что он чувствовал себя гораздо спокойнее, чем она.

Гэвин усадил ее к тому же дереву, но так, чтобы ее ноги были согнуты под скромным углом, а голова слегка откинута назад. Она решила закрыть глаза, так как у нее вряд ли получится изобразить тот пристальный взгляд, которым он одарил ее в прошлый раз, но Гэвин, казалось, не считал это препятствием для своего наброска — слава богу.

— Откиньте голову назад, — попросил он, — а потом немного в сторону. И перестань ерзать.

Она крепче сжала руки на коленях.

— Красивая, — Вэл подумала, что ей послышалось, настолько тихо это было произнесено.

После того, что казалось вечностью, но не могло длиться больше девяноста минут, он

проговорил:

— Я уже почти закончил.

Все ее тело, казалось, вздохнуло с облегчением. Она вскочила слишком быстро и немного споткнулась, только чтобы почувствовать его руку на своей спине, прямо у основания позвоночника. Его глаза казались темными из-за тени от солнца.

— С тобой все в порядке?

От него пахло розами, сандалом и мальчиком.

— Гм...

Рука, обнимавшая ее за талию, напряглась.

— Хочешь посмотреть?

— Посмотреть? — Что-то явно не так с ее слухом.

— Вот.

О, этот рисунок.

Она всмотрелась в альбом, не совсем уверенная, что ожидала увидеть. Эта неопределенность наполнила ее сомнением, граничащим со страхом, и была настолько сильной, что у нее перехватило дыхание. Но в альбоме оказалось всего лишь простое изображение ее, сидящей под деревом, сделанное мягкими линиями угольного карандаша. Хотя в этом своем наброске он запечатлел какую-то непривычную часть Вэл. Что-то, что стирало грань между тем, кем она была, и тем, кем он хотел ее видеть, между разумным и чувственным, между фактом и вымыслом.

Она подняла глаза, взволнованная.

— Так вот как ты меня видишь?

— В этот момент — да, — ответил он.

И что-то в этой фразе заставило ее задуматься, хотя она проговорила:

— Хорошо.

— Будет лучше, если он будет раскрашен, но думаю, что цвет твоих волос будет трудно передать на бумаге.

Волосы у нее на затылке встали дыбом.

— Вэл? Ты побледнела.

Ее беспокоило солнце. Затемняя его лицом, солнце становилось черным.

Должно быть, она закрыла глаза, потому что, открыв их снова, обнаружила, что лежит на земле. Лицо Гэвина нависало над ней, он смотрел с любопытством, но бесстрастно. Конечно, это не могло быть правдой, потому что, заметив ее взгляд он улыбнулся и погладил ее по щеке.

— Ты на мгновение потеряла сознание.

Она поднесла руки к пульсирующим вискам.

— У меня кружится голова.

— Мм-хмм.

— Так вот почему у меня звенело в ушах? Такое ощущение, что они набиты ватой. —

Она сунула палец в ухо и слегка пошевелила им, но он снова опустил ее руку.

— Похоже, у тебя случился приступ паники.

— Приступ паники? — повторила она. — Но я не паниковала...

— Простого беспокойства может быть достаточно. О чем ты думала?

— О моем преследователе.

— О ком?

Ее горло сжалось, когда она подняла глаза. Выражение его лица не изменилось.

— Меня кто-то преследует. Он действительно больной. Посылает мне всякие сообщения...

— О чем?

Было ли за этим единственным словом нечто большее, чем просто невинное любопытство?

— Сексуальные штучки. — Она отвела взгляд. От одной мысли об этом ее тошнило. — Я не хочу об этом говорить.

— Что ты ела сегодня утром?

Она моргнула.

— Хм. Ничего. Только вода — с лимоном.

— А. Лимонный сок снижает кровяное давление, — объяснил он. — Это в сочетании со стрессом. Я несколько не удивлен, что ты упала в обморок. На самом деле, поразительно, что ты продержалась так долго.

Вэл не чувствовала себя удивительной. Она чувствовала себя полной идиоткой.

— Полагаю, ты не хочешь возвращаться в класс.

Она согласилась.

— А поскольку мы уже опаздываем на второй урок, — он расстелил пальто на земле, — почему бы не отдохнуть здесь? Я вижу, ты уже собрала свои вещи. Это немного упрощает дело.

— Ты не спросишь, не хочу ли я пойти к медсестре?

— А ты хочешь?

— Нет, но...

— Тогда это не имеет значения. — Он откинулся назад. — Ведь так?

Вэл уставилась на него. Он был таким странным.

— Разве тебе не нужно идти на занятия?

— Биология. Они не будут скучать по мне.

— Ох. — Ветер поднял прядь ее волос. Она нетерпеливо отбросила ее в сторону. — У меня английская литература.

— Что проходите?

— «Грозовой перевал». Мы только что закончили с «Титом». — Вэл позволила своему тону передать ее впечатления от пьесы.

— Тебе не понравилось?

— А тебе?

— О да. Это одна из моих любимых пьес Шекспира. «Надеемся без псов и без коней, мы лакомую лань загнать верней». Язык довольно красивый.

— Фу, нет, это ужасно, — Вэл перекадилась на бок. — Почему ты так говоришь?

— Хм?

— Ты говоришь, как один из персонажей книг, которые мы читаем на уроке литературы.

— Это комплимент или оскорбление?

— Это странно. — Она покачала головой. — Нормальные люди так не говорят.

— Думаю, мы уже установили, что я не такой, как другие.

— Я не настолько хорошо тебя знаю, чтобы утверждать.

— А ты бы хотела? Узнать меня лучше?

Она скользнула по нему взглядом, а затем отвела глаза.

— Я не знаю. — От их разговора ей становилось холодно и неудобно. Когда он цитировал эту пьесу, ей казалось, что она находится в свободном полете, между невесомостью и смертельным падением.

Гэвин придвинулся ближе, и она замерла, когда грубые подушечки его пальцев коснулись ее нижней губы.

— Почему бы тебе не посмотреть на меня?

Она неохотно подчинилась.

— Не знаю.

— Сомневаюсь, — Он заскользил вниз пальцами по ее подбородку. — Я в курсе, что обо мне говорят. До меня доходят те же слухи, что и до тебя. — Она напряглась, когда он легонько сомкнул руку сзади на ее шею. — Некоторые из них даже правдивы. — Его голос, который все это время звучал все тише, перешел на шепот.

Вэл снова попыталась разорвать зрительный контакт, но при его словах с тревогой посмотрела на него.

— Какие именно?

— Я опасен.

— Да?

— Очень.

Она облизнула губы.

— Например, для меня?

— Особенно для тебя, — Он посмотрел на нее сквозь прикрытые от солнечного света глаза.

— Может быть, мне не помешает немного опасности, — неуверенно проговорила она.

— А если я скажу, что хочу причинить тебе боль? — В его голосе звучало любопытство, заинтересованность.

Солнечный свет на ее коже превратился в паутину золотистого льда.

— Сделать мне больно?

Он наклонился, затем, на мгновение поймав ее нижнюю губу зубами, придвинулся ближе и поцеловал. Вскоре ее голова откинулась так далеко назад, что шея слегка выгнулась.

— Тебя ведь никогда раньше не целовали?

Вэл тихонько ахнула, когда он двинулся вниз по ее горлу, и она почувствовала, как его зубы впились в мочку ее уха. Это заставило ее вздрогнуть, и она услышала его хриплый смех.

— Ты такая невинная. — И шипящие звуки его слов неприятно защекотали кожу, когда он прошептал ей на ухо. — Ты должна бежать от меня, пока можешь.

Она слишком тяжело дышала, и, к ее огорчению, не только от страха.

— Или что?

Улыбка, которой он одарил ее, когда отстранился, была как стрела в ее сердце.

— Я тебя поймаю.

* * *

Каждый раз, когда Вэл смотрела в эти графитовые глаза, ее охватывало волнение. Но это лишь бледная тень ошеломляющей реакции, которую она испытывала, когда заглянула в

глаза Гэвина по-настоящему. При воспоминаниях о их сегодняшней встрече ее желудок сжимался.

Она все еще чувствовала его губы, мягкие, теплые и грубые, на своих.

— Почему ты так смотришь на свой альбом?

— Н-не почему! — Вэл захлопнула его, быстро улыбнувшись Лизе. — Просто набросок. Лиза сморщила нос.

— Ты ведешь себя подозрительно.

— Я не веду себя подозрительно!

— Если бы ты не вела себя подозрительно, ты бы не захлопнула так поспешно альбом, — заявила Лиза. — Просто чтобы ты знала, Джеймс сегодня будет обедать с нами и примет на свой счет, если ты будешь вести себя странно после того, как ты вела себя раньше.

— Почему Джеймс сядет с нами?

— Из-за твоего преследователя, помнишь? Разве ты не говорила совсем недавно, что хочешь, чтобы рядом находился большой, сильный мужчина, который защитит тебя во время обеда?

— Нет, — проскрежетала Вэл. — Это были твои слова. Ты так сказала. Почему ты не предупредила меня, что он появится?

— Только потому, что знала, что ты закатаешь истерику. Даже не думай о побеге. Будь большой девочкой.

Вэл сунула альбом в рюкзак и обиженно откусила бутерброд.

— Ты ужасна.

— Джеймс такой же мой друг, как и ты. Это нелегко соблюдать интересы вас обоих. — Вэл пробормотала что-то недовольное и саркастическое, что Лиза предпочла проигнорировать. — Кстати, а где эта ужасная парочка?

— Рейчел и Линдси во Французском клубе.

— О-ля-ля, — Лиза наклонила голову, отчего ее волосы идеальным водопадом упали на одно плечо. — Розовый Париж.

Вэл подавилась бутербродом.

— Лиза! Ради всего святого...

— О, смотри, — проговорила она, искусно обрывая Вэл, — там Джеймс. Привет Джеймс!

Джеймс помахал в ответ, немного нервничая от внимания, которое вызывали маниакальные махания Лизы.

— Привет. — Он сел напротив Лизы, по диагонали от Вэл. Одарил их легкой улыбкой, прежде чем приступить к своей индейке с подливкой.

Вэл с отвращением поглядела на коричневую жидкость. Она не доверяла блюдам, пропитанным соусом.

Или людям, которые их ели.

— Как жизнь?

Вэл, мрачно потягивала свой сок, предоставив ответ Лизе. Последняя посмотрела на Вэл с легким раздражением, прежде чем сказать:

— Я получила тройку в этом паршивом эссе по английской литературе. Очевидно, концовка книги отличается от концовки фильма. Упс.

Джеймс скорчил гримасу.

— Ненавижу, когда такое случается. Но ты ведь отличница?

— Это не значит, что я не ленюсь, — проговорила Лиза, закатывая глаза.

— Что это была за книга?

— «Призрак Оперы». Я ее уже почти закончила, но тут вышла новая серия «Сплетницы», и мне, конечно, пришлось смотреть ее, но было уже поздно, и я заснула. Поэтому я просто посмотрела концовку фильма на Ютубе на своем телефоне, пока мама везла меня сегодня утром в школу.

Вэл продолжала пить сок. Это казалось безопаснее, чем комментировать.

— Что девчонки находят в этом сериале?

— Это хороший сериал!

— Моя бывшая заставляла меня смотреть его, и я никогда не видел в этом смысла. Кучка богатых девушек, сидящих и болтающих о том, откуда взялись их туфли. Слабый сериал.

— В нем не надо искать никакого смысла, — рассердилась Лиза. — Это просто забавно.

— Может быть, для тебя забавно. А ты, Вэл? — спросил Джеймс. — Ты тоже увлекаешься этим мусором?

— О, Вэл выше этого, — сказала Лиза, прежде чем Вэл успела ответить. — Она и парень со Списком жертв, по-видимому, предпочитают — ой! Вэл, какого черта? Это блин больно!

Вэл ударила ногой свою предполагаемую подругу под столом.

— Ты же обещала!

— Я не думала, что ты имеешь в виду Джеймса, — запротестовала Лиза, потирая голень.

— Когда я сказала «никому не говори», я имел в виду никому!

— Парень со Списком жертв? — вмешался Джеймс. — Этот странный старший? Тот, кто, как все думали, собирался взорвать школу? Ты встречаешься с ним?

— У него есть имя.

— Ага, а еще он поставил мне двойку с минусом за мой промежуточный художественный проект. Так что мне все равно.

— Он ассистент преподавателя в твоем классе? — спросила Лиза, бросив взгляд на Вэл.

— К сожалению.

— Что ты нарисовал?

— Мой мяч и перчатку. Он сказал, что рисунку не хватает глубины. Я подумал: «Какого хрена? Это мяч и перчатка». Они просто предметы. Слава богу, теперь мы перешли на людей.

Он снова повернулся к Вэл.

— Эй, где ты была сегодня? И вчера тоже? Я тебя не видел.

— На улице. Мисс Уилкоккс разрешила мне начать работу пораньше.

— О... — Джеймс нахмурился. — Но для выполнения задания нам ведь требовались партнеры?

— У меня был напарник.

— Но все остальные были... — он замолчал, и на его лице появилось понимание. — О.

— О? — Глаза Лизы расширились. — Стоп... Список Жертв — это твой напарник?

— Гэвин, — холодно поправила Вэл.

— Ясно. Так вот почему ты смотрела в свой альбом. У тебя там есть его изображение? — сказала она торжествующе, мельком взглянув на покрасневшее лицо

Вэл. — О, я хочу посмотреть.

— Прекрати, Лиза.

— Он тебе позирует? — Лиза помолчала. — Голым?

Вэл спрыгнула со скамейки и выдернула рюкзак, когда Лиза игриво схватила его.

— Я сказала, прекрати! Оставь меня в покое!

Лиза опустила руку.

— Вэл...

— Почему ты меня так достаешь? — спросила Вэл, полностью игнорируя Джеймса. —

Ты что, ревнуешь?

— Вовсе нет! Я просто думаю, что ты слишком торопишься во всей этой историей с

Воздыхателем.

— Я заметила, — сказала Вэл, — и твои предостережения становятся очень, очень раздражающими.

— Да ладно, Вэл, — сказал Джеймс. — Лиза не хочет ничего плохого. Она просто дразнится.

— Ну, мне не нравится такое поддразнивание. И она знает, что мне это не нравится.

— Прости меня за то, что я забочусь о тебе, — проговорила Лиза, — и не хочу, чтобы ты пострадала.

— Тогда не лезь, — отрезала Вэл. — И к твоему сведению, Гэвин был не кем иным, как джентльменом — «в своем роде» — и до сих пор ты вела себя гораздо более обидно и подло, чем он. Так почему бы тебе не сделать всем нам одолжение и не заняться своими делами?

— Может быть, я так и сделаю, — обиженно сказала Лиза.

— Впервые в жизни, — съязвила Вэл.

— Ух ты, — сказал Джеймс. — Это действительно жестко, Вэл.

Она посмотрела на него, затем на Лизу, потом развернулась и пошла прочь. Один из них крикнул ей вслед, но она не обернулась, боясь, что они увидят слезы, сверкающие в ее глазах, если она это сделает. Не поднимая головы, она направилась в ближайший туалет.

Люди всегда говорили ей: «Вэл, ты должна постоять за себя!» — Они говорили, что, настояв на своем, она будет чувствовать себя хорошо. И в каком-то смысле так оно и было. Она испытала дикое удовлетворение, увидев, как широко раскрылись глаза Лизы, с уважением — и, возможно, немного со страхом.

Но больше всего от этого Вэл тошнило.

Шли дни, но время не могло смягчить гнев Вэл. Она доверяла Лизе, пыталась поделиться с ней своими страхами, а та предала ее — и ради чего? Глупой шутки? Вэл знала, что Линдси и Рейчел было любопытно почему Лиза перестала появляться за их столом, но они никогда не поднимали эту тему. Наверное, боялись смотреть в зубы пресловутому дареному коню. Их неприязнь к Лизе и презрение к Джеймсу, конечно, не секрет.

В те дни, когда Рейчел и Линдси посещали Французский клуб, она проводила время с Гэвином во дворике под деревом, где они рисовали друг друга — и где он впервые ее поцеловал. Она сидела с ним и после школы, и перед уроком Искусств, если они оба освобождались пораньше.

Вэл все ждала, что он снова поцелует ее или пригласит на свидание, но он этого не делал. Гэвин, казалось, был вполне доволен тем, что, расслабившись мог прислониться к стволу дерева, или даже просто лежать на траве и прижимать ее к себе, слегка обхватив руками ее живот под рубашкой.

Должна ли она пригласить его на свидание? Он, конечно, не был застенчивым и порой вел себя так, что она начинала нервничать. Вэл не хотела, чтобы он думал, что она в отчаянии, но еще боялась, что он решит, что она будет довольствоваться только объятиями и поцелуями.

— У тебя сегодня тренировка? — Его бархатный голос прозвучал в ее ушах.

— Да, — подтвердила Вэл.

Он погладил ее ногу через джинсы.

— Я думаю, тебе это нужно.

«Не поспоришь», — подумала она и вздохнула, прислоняясь к нему спиной.

— Ты должна как-нибудь побегать со мной, — пробормотал он.

— Если догонишь, — пошутила Вэл с легкостью, которая ее удивила.

— Там, где мне не хватает скорости, я компенсирую выносливостью.

Вэл подавила желание закатить глаза. Из-за таких разговоров и начинают бегать на длинные дистанции.

— Ты тренируешься? Все еще занимаешься стрельбой из лука?

— Не помню, чтобы говорил тебе об этом, — сухо проговорил он.

Лицо Вэл вспыхнуло.

— О...

— Ты следишь за мной, — сказал он, слегка сжимая ее. — Как же мне теперь спать по ночам?

— Я только воспользовалась Гуглом, — горячо возразила она. — Я бы никогда...

— Успокойся. Все в порядке. Я не возражаю, если ты интересуешься моей персоной. На самом деле, нахожу эту идею очень привлекательной. — Он посмотрел на нее. Вэл была слишком смущена, чтобы встретиться с ним взглядом, не говоря уже о том, чтобы ответить. Улыбнувшись, он продолжил: — В ответ на твой вопрос — нет. Я больше не участвую в школьном клубе лучников. Я бегаю. Плаваю. Качаюсь. Да, и играю в шахматы, конечно.

— Интеллектуальный спорт, — заметила Вэл.

— Да, вполне. Хотя бег не лишен своих достоинств. Предположительно, аэробная активность увеличивает образование новых синапсов^[7] — и вот ты здесь. Держу пари, ты

выглядишь потрясающе, когда бегаешь.

Последнее его замечание словно укол...

(Скажи мне, почему ты бежишь? Догоняешь? Или убегаешь?)

— Приходи как-нибудь посмотреть на нас.

(Я бы многое отдал).

— Возможно, я так и сделаю.

(Чтобы узнать).

* * *

Бег — это восхитительно.

Вэл призналась себе в этом позже, на беговой дорожке. Ей нравилось ощущение собственного тела, когда она рассекала воздух. Были моменты, после того, как она набирала хорошую скорость на треке, что она почти чувствовала, как будто невидимые крылья разворачивались за ее спиной, давая дополнительную скорость.

Она не могла винить Гэвина за его интерес, особенно после того, как ясно дала понять, что бег для нее важен. Джеймсу, конечно, не стала бы. Она должна быть польщена, правда.

К черту ее преследователя.

К черту Джеймса.

К черту Лизу.

Прошла ровно неделя после ее ссоры с Лизой. Блондинка игнорировала ее и в школе, и на Фейсбуке, и до сих пор не предпринимала никаких попыток примирения. Очевидно, ожидалось, что она, Вэл, первой пойдет на поклон. Так всегда случалось в прошлом. Но, не в этот раз.

Она перевела дыхание. Боль пронзила ее бок, заставив слегка пошатнуться. После часа бега она начала уставать. Свинцовая тяжесть поселилась в ее икрах, а в горле стоял комок.

Со вздохом, похожим на хрип, Вэл подбежала к фонтанчику. Это был грубый кран, висевший над деревянным желобом, наполненным гравием, но все, что имело значение, так это то, что вода была холодной и не слишком напоминала на вкус нерастворенный цинк. Она сделала большой, жадный глоток, подставив ладони под ровную струю воды, чтобы сполоснуть вспотевшее лицо.

— Вэл, ты вся пылаешь, — выдохнула Линдси. — Есть причина?

Вэл опустила руки, отчего лишняя вода с громким плеском пролилась на гравий.

— Гнев, — проговорила она, отдышавшись. — Лиза злится на меня по какой-то глупой причине. И я тоже злюсь на нее. Я думаю.

— Думаешь? — Рейчел, которая присоединилась к ним и услышала начало разговора, приподняла темную бровь. — Хочешь сказать, что не уверена?

— Нет, я в замешательстве. Но еще разочарована и немного опечалена. Мы давно дружим.

— Эй, если она готова пожертвовать вашей дружбой из-за чего-то настолько глупого — она видите ли расстроилась, что ты не хочешь встречаться с ее драгоценным Джеймсом? — Рейчел фыркнула. — Это говорит о ней больше, чем о тебе. Она не твоя сутенерша.

— Ага, совершенно верно, — поддержала Линдси, вытирая лоб тыльной стороной махровых браслетов. — Она мне никогда по-настоящему не нравилась.

— Как дела с Ним... с этим Гэвином? Он все еще ведет себя прилично?

Вэл напряженно посмотрела на Рейчел, но та видимо не имела ввиду ничего такого.

— Все хорошо. Он, гм, очень дружелюбен. Мы иногда болтаем в классе Искусств.

Хотя в последнее время это случалось редко.

У нее не было номера его телефона, а у него не было странички на Фейсбуке, поэтому она действительно общалась с ним только в школе. Иногда Гэвин вообще не разговаривал с ней на уроке, и Вэл все время боялась, что он совсем потеряет интерес и в конце концов забудет о ней.

Эта мысль заставила ее почувствовать себя ужасно одинокой. Без Джеймса и Лизы в ее жизни Вэл вдруг болезненно осознала, как узок круг ее общения.

— Вы уже целовались? — поинтересовалась Линдси.

— Гм, ну... да.

— И как он? — усмехнувшись, спросила Рейчел.

— Не знаю, — Вэл покраснела. — Я никогда раньше никого не целовала.

— Ой, ты покраснела? Ты такая милая. — Рейчел погладила ее по голове. — Ну разве она не прелесть?

— Еще какая, — согласилась Линдси. — Просто следи, чтобы Гэвин держал руки при себе, если ты этого не хочешь. Мы его побьем, — она ударила кулаком по ладони. — Если он будет плохо с тобой обращаться.

— Удачи тебе с этим, Чудо-женщина, — съязвила Рейчел.

Капля воды упала на нос Вэл. Она поморщилась, подумав, что это капелька пота. Потом еще одна, когда она подняла голову, прямо в глаз, и она заметила, как темнеет небо. Тучи, черные, как чернильные кляксы, накатывали, заслоня робкий зеленоватый свет, пробивающийся сквозь облачный покров. На трех девушек подул пронзительно холодный ветер, и Вэл из разгоряченной быстро превратилась в замерзшую.

— Боже, как холодно, — Вэл, дрожа, потерла голые руки. — Похоже надвигается сильный шторм.

Линдси показала язык облакам.

— У нас, в Канзасе, такое небо не означало ничего хорошего.

— Не знала, что ты раньше жила в Канзасе.

— Я тоже. — Рейчел скосила глаза на Линдси. — Засранка. Я думала, мы лучшие подруги. Что еще ты мне не рассказала?

— Это не то, что я люблю рассказывать людям. Упоминание о Канзасе заставляет их думать, что я деревенщина или что у меня есть кузены из числа кровных родственников. — Она закатила глаза. — Как будто они не стали бы так же нервничать, если бы их спросили об их садах с марихуаной на заднем дворе и соседях-кинозвездах.

— Это просто глупо, — произнесла Вэл.

— Я не думаю о кровных родственниках, — услужливо подсказала Рейчел. — Я думаю о Волшебнике из...

— Закончи это предложение, и ты покойница, — предупредила Линдси.

— Давайте, девочки. — Тренер хлопнула в ладоши, и все трое подняли головы. — В раздевалку, быстро. Сейчас начнется ливень.

— Ну, ты же слышала тренера. Давай прыгать, Тотоска. Мы больше не на легкоатлетическом поле.

Рейчел взвизгнула, когда Линдси бросилась к ней. Они вдвоем зигзагами побежали под

дождем, хихикая и крича, пока пробирались через своих усталых товарищей по команде.

Вэл рассмеялась, а затем виновато замолчала, как будто почувствовала, что ей не позволено это делать. Она посмотрела на темные тучи, нависшие сзади, и на темные трибуны. Это было жутко. Ей казалось, что за ней наблюдают, но там никого не было. Во всяком случае, она ничего не увидела.

Удивительно.

Но когда она добралась до своего шкафчика, там оказалось чисто. Никаких цветов. Никаких стихов. Никаких надписей.

Она тихо вздохнула с облегчением и закинула рюкзак на плечо. «Нет смысла переодеваться в обычную одежду», — подумала она. Та просто промокнет, а она уже вспотела. Вэл вытащила телефон из кармана спортивной куртки и набрала домашний номер, но никто не ответил.

Неужели у ее матери сегодня что-то случилось? Нет, она не давала Вэл денег на автобус.

— Давай, — проговорила она, снова набирая номер. — Мама, какого черта? Возьми трубку.

Но линия упрямо оставалась занята.

— Черт побери, — Вэл плюхнулась на скользкие от дождя ступеньки школы, и ее мокрые волосы упали ей на глаза. «И что мне теперь делать?» Она начала звонить Линдси, надеясь, что ее подруга еще не уехала слишком далеко от кампуса, когда к тротуару подкатил белый «Камаро».

Окно опустилось, и знакомый голос произнес:

— Вэл?

Она вскочила, отбрасывая волосы с лица.

— Гэвин? Откуда ты взялся?

— Задержался в классе искусств. Помогал мисс Уилкокс. — Он замолчал. — Ты кого-то ждешь?

— Мою маму. Я заболею, если она не приедет в ближайшее время.

— Она уже в пути?

— Нет, — ответила Вэл. — Я не могу до нее дозвониться.

— Я мог бы тебя подвезти, — осторожно предложил он.

Она почувствовала укол страха и еще чего-то, похожего на предвкушение.

— Я живу на другом конце города. Наверное, тебе совсем не по пути.

— Да, но ты можешь подождать у меня дома, если хочешь. Наверняка есть кто-то еще, кому ты можешь позвонить, чтобы тебя забрали. — Когда она заколебалась, его улыбка превратилась в усмешку. — Я не кусаюсь, Вэл. Правда. Только, если меня об этом попросят.

Даже дождь не мог охладить ее лицо.

— Ладно, — пробормотала она.

— Залезай. — Он протянул руку и открыл для нее замок — ручной. Боже, эта машина такая древняя. Она открыла дверцу и скользнула на сиденье, чувствуя, что с нее капает вода на обивку и пол. — Я все промокла...

— Ничего страшного. — Он включил обогреватель.

Внутри машины было чисто и тепло, пахло кожей, кофе и лосьоном после бритья. Вэл немного расслабилась от успокаивающей смеси ароматов и стянула с себя куртку, держа ее перед горячим потоком воздуха, бьющим из приборной панели. Ее кожа была холодной и мокрой там, где соприкасалась с влажной тканью. Она снова вздрогнула и поймала его

взгляд на своей спортивной майке.

Вэл прижала рюкзак к груди.

— Еще раз спасибо.

— Не за что, — сказал он.

От тишины ей стало не по себе. Гэвин не слушал музыку, и, если не считать стука дождя и рева обогревателя, было тихо.

— Надеюсь, это не странно, — выпалила она.

— Странно? — Его взгляд метнулся к ней и вернулся к дороге.

— Ты все еще ничего обо мне не знаешь. К твоему сведению, я могу быть психопаткой.

Он улыбнулся, но продолжал смотреть прямо перед собой.

— Я рискну.

— Я могла бы быть даже серийной убийцей, — продолжала она, осмелев, желая рассмешить его.

Он рассмеялся.

Гэвин жил недалеко от холмов, практически в предгорьях, в одном из больших домов. Он нажал кнопку на своих ключах, и дверь гаража распахнулась. Когда он въехал внутрь, Вэл не могла не заметить, как там чисто. Ее отец убил бы за такую спартанскую аккуратность.

— Здесь такой порядок, — сказала она, слегка крутясь. — Твой отец прибрался?

«Ох, подожди. У него нет отца», — вспомнила она. Или, по крайней мере, он нем нигде не упоминалось. Она чуть было не извинилась, но потом вспомнила, что ей не положено этого знать.

— Я сам навожу порядок, — сказал он, — спасибо. Это удобно, парковаться внутри. Не нужно промокать.

Она кивнула и перекинула куртку через руку. «Идиотка, — упрекнула она себя. — Он возненавидит тебя».

Гэвин открыл дверь, ведущую в дом. Комнаты были большие, но пустые. Она уставилась на то, что, как она предполагала, было гостиной, лишенной всего, кроме двух кресел, книжной полки, дивана и шахматного столика.

— Твоя семья не слишком помешана на телевидении, да? — спросила она.

— Я живу один.

— Ох. — Она моргнула, когда до нее дошел смысл этих слов. — О боже, мне так жаль!

— Они не умерли. Я просто не живу с ними. Уже давно. С тех пор, как мне исполнилось шестнадцать.

Вэл не сразу заговорила.

— Я думала, должно исполниться восемнадцать...

— Чтобы жить одному? — закончил Гэвин. — Технически, да. Но всегда есть исключения. Скоро ты это поймешь. Проходи, присаживайся. Я пойду заварю чай. Здесь холодно.

Вэл присела в ближайшее к шахматам кресло и снова попыталась дозвониться. Линия все еще была занята. Она положила телефон на край стола и покачала головой. Жить одному с шестнадцати лет? Она и представить себе не могла. Это звучало так одиноко. Неудивительно, что он такой странный! Ее родители не были идеальными, но она даже не представляла, с чего начать без них.

(его семья сумасшедшая)

Был ли он одним из этих... как это называется? — эмансипированные

несовершеннолетние?

Гэвин вернулся в комнату и протянул ей дымящуюся чашку чая, поставив свою на стол, прежде чем сестра напротив Вэл. Он перевел взгляд с доски на ее лицо.

— Ты играешь? — спросил он, делая глоток чая.

От чашки пахло пьянящим и сладким ароматом. «Мята», — подумала она.

— Нет.

Он поставил чашку на стол.

— Я могу научить тебя. Хочешь?

Вэл уставилась на маленькую армию фигурок. Их было так много.

— Если только ты сам хочешь меня научить.

— С удовольствием, Вэл. На самом деле, игра довольно простая, как только ты поймешь, как они двигаются. Маленькие, круглые — это пешки, — он поднял одну из низкорослых фигур, составляющих первый ряд, — они могут двигаться только на одну клетку вперед за раз и всегда бьют по диагонали. За исключением первого хода, где у них есть выбор перемещения на две клетки — и при взятии на проходе^[8], где пешка может захватить другую пешку, которая также продвинулась вперед на две клетки.

— Пешка на проходе, — проговорила Вэл.

— Точно. Шахматные фигуры по большей части привязаны к полю, но сейчас мы не будем об этом беспокоиться, — добавил он, заметив ее замешательство. — Те, что выглядят как голова лошади, называются кони, и они двигаются в форме буквы Г, перемещаться могут в любом направлении, которое ты пожелаешь. Остроконечные — это слоны. Они двигаются и бьют по диагонали. Похожие на замки называются ладьями и могут перемещаться как по горизонтали, так и по вертикали. Они также могут быть использованы при обороне, так называемой рокировке в тандеме с королем. Мы доберемся до него через минуту после того, как обсудим его прекрасную супругу.

— Супругу? — тупо повторила Вэл.

Он поднял черную королеву.

— Да. Супруга. Королева, пожалуй, самая сильная фигура в игре. Она может двигаться, как ладья и слон вместе взятые, контролируя большие участки доски и помещая их под свою власть.

Вэл смотрела, как он кладет фигурку.

— А что может делать король?

Губы Гэвина скривились.

— Боюсь, не очень много. Как и королева, он может двигаться в любом направлении, но его сфера действия ограничена только одной клеткой. Он скорее похож на прославленную пешку.

— О, — выдохнула Вэл.

— Ну что ж, — он постучал по доске, — попробуем?

Вэл играла белыми. Она не хотела, но Гэвин настоял, и она тут же принялась за игру. Несколько раз она двигала фигуры не в ту сторону, а когда пыталась провести рокировку, то спутала ладью с ферзем. Каждый раз, однако, он бесстрастно исправлял ее ошибки, и когда она поняла, что он не собирается смеяться над ней, Вэл начала получать удовольствие.

Во многом шахматы походили на видеоигры, в которые она играла дома на различных консолях. Есть правила, и их нельзя нарушать. Иногда, правда, можно использовать их в сочетании друг с другом и играть на поле в свою пользу — но в шахматах не было чит-

кодов⁹¹ для дополнительных шахматных фигур или бонусов.

Впрочем, с таким же успехом Гэвин мог и жульничать. Он был хорош. Очень хорош. Невероятно хорош. Даже будучи новичком, она могла это сказать. Он плел сложные ловушки, на так много ходов вперед, что, оглядываясь назад, безобидный ход пешки вдруг казался предвестником гибели.

Не прошло и десяти ходов, как она уже потеряла столько же фигур.

— Убегаешь от меня? — поддразнил он, когда Вэл была вынуждена отступить. — Так скоро?

— Ты все равно победишь, — запротестовала она.

— О, мне кажется, я уже победил, моя дорогая. — Он проник в ряды ее фигур и захватил одну из ее ладей, одновременно убедившись, что она не сможет спасти другую. — Я просто играю с тобой сейчас, — Он некоторое время изучал ладью в своей руке, прежде чем отложить ее в сторону.

— Зачем ты так? Это не очень приятно.

— Тогда не позволяй мне с такой легкостью пользоваться твоим положением. — Он лишил ее еще одной фигуры.

Она сердито посмотрела на него.

Он спокойно ответил на ее взгляд, его губы изогнулись в усмешке.

— Что бы ты сказала, если бы узнала, что я мог поставить тебе мат и закончить игру еще десять ходов назад?

— Я бы сказал, что ты меня разыгрываешь.

— Возможно. А может, и нет. Насколько ты уверена? Достаточно, чтобы поспорить?

Напряженный взгляд его глаз заставил ее дрогнуть.

— На что поспорить?

— Насколько уверенно ты себя чувствуешь?

— Д-довольно уверенно.

— Неужели?

— Да?

— Ну, в таком случае... ты ошибаешься.

— Что? — Ее взгляд скользнул по доске. — Я не вижу, как...

Он передвинул коня, который все это время стоял в углу, забытый и безобидный. По крайней мере, она так думала.

— Шах и мат. — Он взял свой чай и отхлебнул, пока она смотрела на доску. — Хорошо, что мы не играли на деньги, да?

Она, должно быть, выглядела слишком удивленной, потому что он поставил свою чашку и сказал:

— Хорошая игра. — Когда Гэвин взял ее руку в свою, она была теплой, почти горячей, от кружки чая, которую он держал. — Ты хорошо сражалась, — и его хватка на мгновение усилилась, прежде чем он отстранился, — поверь мне; я играл с лучшими — я знаю.

— Каково это?

— Волнующе. — Она наблюдала, как он смотрит в окно. Небо стало менее угрожающим, и Вэл смогла разглядеть блеклые сумерки, выглядывающие сквозь просветы в темных, как джинсовая ткань, облаках. — Наверно, тебе стоит позвонить домой, — добавил он, словно вспомнив.

Вэл взглянула на свой телефон и сильно удивилась. О боже, уже 19:13. Ее мать будет

ужасно волноваться. Скорее всего, она уже в панике. Как время пролетело так быстро, а она этого не заметила? Она рискнула взглянуть на Гэвина, убравшего доску, и нашла ответ на свой вопрос.

Ее ноги немного дрожали, когда она встала с кресла, после того как так долго сидела неподвижно. Она набрала свой домашний номер. Вызов прошел с первого же гудка.

— Алло? — Голос матери звучал встревоженно.

— Эм, мам? Это я, Вэл... я закончила тренировку.

— Вэл? Что случилось? С тобой все в порядке? Я так волновалась. Пыталась дозвониться до тебя почти полдюжины раз, но ты не отвечала.

Вэл взглянула на историю звонков.

— У меня нет пропущенных, а мой телефон все время был включен.

— Должно быть, это из-за грозы, — сказала мать Вэл, — молния повредила один из телефонных столбов и вызвала скачок напряжения в нескольких кварталах отсюда. Где ты сейчас? Все еще в школе?

— Н-нет! Не беспокойся. — Гэвин все еще расставлял фигуры, не глядя на нее, но это не означало, что он не слушал. — В гостях, — закончила она, поворачиваясь и усаживаясь на подлокотник кожаного кресла, не заметив довольной ухмылки, которая появилась на его лице при этих словах.

— У Лизы?

— Нет.

— У кого-то из команды?

— Мама, у меня есть друзья и за пределами трека, — она дала матери адрес и добавила: — Ты легко найдешь. Он живет в большом доме с белыми ставнями в конце улицы.

Пауза.

— Он?

Ох-ох.

— Это тот самый мальчик, о котором ты рассказывала мне в машине? Выпускник?

В ее устах это слово звучало как «старик».

— Все совсем не так, как ты думаешь. Он просто...

— Сейчас не время и не место — это обсуждать. Ты, твой отец и я поговорим позже, юная леди.

— Но я не делала...

— Я уже в пути. Буду там через пятнадцать минут. Будь готова.

Телефон замолчал. Вэл уставилась на него.

— Проблемы?

— Нет, — Вэл закрыла лицо руками. — Ох, может быть. Не знаю.

— Надеюсь, это не из-за того, что я за тобой присмотрел.

Вэл не совсем понимала, что значит «присмотрел».

— Моя мама — «надоедливая» защитница.

— А, понятно. Поэтому она решила, что ты и я, — он стоял перед ней, и она даже не слышала, как он подошел, — играем в другую игру. В этом все дело?

Вэл нервно сглотнула.

— Это, гм... да. Наверно.

— Потому что, признаюсь, эта мысль приходит мне в голову. — Он сделал еще один шаг ближе, так что оказался между ее свисающих ног. — Время от времени. — Ласка его все

еще теплых рук на ее талии и близость прикосновения кожи к коже заставили Вэл вздрогнуть; несмотря на их тепло, его пальцы, казалось, оставляли за собой дорожки инея. — Сейчас.

Отчаянное желание в его глазах испугало ее. Вэл казалось, что она балансирует на краю зияющей бездны, в одном неверном шаге от падения в темные воды. И когда она его сделает, интересно, всплывет или утонет? Теперь она точно тонула, едва дыша.

— Знаешь, ты такая красивая. Я всегда так думал. Дикая и бесхитростная.

Правда? Она не думала, что эти слова описывают ее — совсем нет. «Он собирается поцеловать меня», — решила Вэл, наблюдая, как он смотрит на нее, и подавляя иррациональное желание сбежать. Я действительно думаю он хочет.

Если это любовь, то Вэл чувствовала себя совсем не так, как она представляла, идя по тонкой грани между страстью и ужасом. Как в «Ромео и Джульетте». Или «Грозовом перевале». И Вэл оцепенела от кипящих в ней страстей.

— Я самая обычная. — Она облизнула губы. — Во мне нет ничего особенного. Совсем ничего.

Его взгляд упал на ее губы.

— Покажи мне, — проговорил он, и, сталкиваясь зубами и губами, они поцеловались, и дождь на ее коже, казалось, запылал. Гэвин закинул ее руки, которые были прижаты к его груди, как будто пытаюсь оттолкнуть, на свою шею, притягивая ближе. Его собственные руки вернулись к ее талии, вычерчивая спирали, завитки, царапая руны огня на коже.

Комок льда в горле, казалось, растаял, просочился в живот и закипел, как горячий мед, наполняя легкие головокружительным паром, который удушал, хотя и опьянял. Его губы исчезли с ее губ, и Вэл почувствовала, щетинистую щеку, царапающую ее шею, и шершавый, как наждачная бумага язык, когда Гэвин поцеловал то место, где быстрее всего билась жилка.

Дыхание Вэл участилось, и она почувствовала слабость, как кролик, не знающий, замереть ему или бежать. Он укусил ее, и она почувствовала, как его язык прошелся по коже, пробуя оставленные им следы, прежде чем вернуться к ее рту.

— Мне нравится, как ты касаешься меня руками.

Дрожь пробежала по ее спине, сильная как разряд электричества от чувства вины. Она запуталась пальцами в его волосах, мягких словно мех. Быстро убрала руки с его головы, как будто обожглась — и в каком-то смысле так оно и было. Вэл не могла припомнить, чтобы когда-нибудь так прикасалась к нему. Слишком грубо, слишком собственнически, слишком...

Как он.

Да, собственнически. Это было подходящее слово. Он вел себя так, словно она принадлежала ему. Вэл это не понравилось.

Не понравилось?

Его губы коснулись выреза ее рубашки, и он нетерпеливо дернул ее зубами, Вэл чуть не потеряла равновесие. Если бы он не держал ее, она бы свалилась головой вниз с подлокотника кресла, и это все равно казалось менее опасным, чем оставаться в его объятиях еще мгновение.

— Перестань, — попросила она, — пожалуйста. Мама приедет, а я не...

— Не хочешь, чтобы она увидела, как ее Красная Шапочка общается с волком?

Вэл напряглась.

— Не говори так. Мне не нравится, когда ты говоришь подобные вещи.

— Как бы мне хотелось, чтобы ты увидела, хотя бы на мгновение, то, что вижу я, когда на тебя смотрю. — Она вздрогнула, когда он сделал шаг назад, потому что на секунду испугалась, что он не собирается ее отпускать, и порыв холодного воздуха заполнил пространство, где раньше ее согревало тепло его тела. Он все еще держал ее, хотя и на расстоянии, и после короткой паузы даже этот контакт прекратился. — Можно сказать, что ты пробуждаешь во мне зверя, — усмехнулся Гэвин.

Комната, казалось, слегка закружилась.

— Ты не волк.

— Для волка охота это инстинкт, он не испытывает угрызений совести. И я тоже. По тем же самым причинам я мог бы спросить тебя, почему ты бежишь. Ты не олененок — и все же ведешь себя как преследуемое животное.

Ее кожу покалывало.

— Это даже близко не одно и то же.

— О, но это так. Потому что я тоже пробуждаю в тебе зверя. — Он провел костяшками пальцев по ее шее, повторяя след, который его губы оставили всего несколько минут назад. — Хм. У тебя тут будет отметина. Рыжие так легко ранятся...

Она откинула голову назад.

— Ты когда-нибудь наблюдаешь за мной? Я имею в виду на стадионе, когда бегаю.

— Ты когда-нибудь замечала, чтобы я следил за тобой?

— Это не ответ на мой вопрос. — Она схватила куртку и застегнула ее до самого горла. — Я серьезно.

— Я тоже, — раздался звонок в дверь. — Я открою, — сказал он, понимающе улыбаясь. — Моя дорогая.

Моя дорогая? Или мой олененок?^[10]

Она удивилась, как он мог говорить так спокойно, когда ее колени были в шаге от того, чтобы подкоситься.

Глава 9

«Арктический холод» — вот подходящее словосочетание, чтобы описать поездку на машине домой. Вэл сидела на заднем сиденье, а застывшие головы ее родителей на передних сиденьях были внушительны, как каменные статуи. Она закрыла глаза и откинулась на подголовник, пытаясь прогнать ледяное, неловкое молчание. Пытаясь разобраться в собственном внутреннем хаосе — в этом поцелуе — в сбивающих с толку и пугающих словах Гэвина...

Гэвин оказал ее матери прием, достойный королевы, представился, предложил ей чай, кофе, даже умудрился отвесить учтивый поклон, который, хотя и не смягчил гнева миссис Кимбл, но заставил приподнять бровь и почти улыбнуться.

После вежливого отказа она холодно сказала:

— Двигайся, Вэл.

Надутая, она пошла в машину, униженная тем, что ее мать командует в присутствии мальчика. Но не настолько униженная, чтобы не оглянуться. И когда она это сделала, то увидела, что Гэвин тоже наблюдает за ней. И в тот момент, когда дверь за ним закрылась с аккуратным щелчком, ей показалось, что он подмигнул.

Как только они подъехали к дому, Вэл выскочила из автомобиля и открыла дверь своим ключом. Перепрыгивая через две ступеньки, она протопала в свою комнату. Ее мысли были сумбурными, лихорадочными, но далеко не такими плохими, как эмоции. Она сорвала с себя мокрую спортивную одежду и отбросила ее в сторону с удивившей ее мстительностью. Когда она натянула на себя теплый флис, он странно ощущался на холодной, липкой коже, и заставлял дрожать еще сильнее.

Раздался стук в дверь.

— Вэл, это папа. Мама ждет тебя на кухне. Она хочет поговорить с тобой наедине.

Пауза.

— Сейчас, Вэл.

Дерьмо.

Она вошла в ярко освещенную кухню, охваченная дурным предчувствием. Ее мать переоделась, и ночная рубашка в фиолетовую клетку делала ее очень худой и хрупкой. В отличие от Вэл, миссис Кимбл была блондинкой, и ее тонкая кожа стала прозрачной и сухой как папиросная бумага от чрезмерного загара и курения в подростковом возрасте.

Услышав шаги Вэл, мать подняла голову. Ее лицо казалось напряженным. Она не стала ходить вокруг да около.

— Что на тебя нашло, раз ты решила, будто это хорошая идея?

Вэл села на край кухонного стула, подальше от матери.

— Линия была занята.

— И ты не могла подождать в школе?

— Шел дождь... и было холодно.

— Значит, ты села в незнакомую машину с незнакомым мужчиной?..

— Он ходит в мою школу!

— ...и пошла к нему домой, выпив все, что он тебе дал...

— Чай, — перебила Вэл. — Это был всего лишь чай!

— А что, если бы он добавил туда наркотики? — спросила ее мать. — Что тогда?

«Он этого не сделает. Он хотел бы, чтобы я находилась в сознании».

Мысль, пришедшая ей в голову непрошеной, испугала Вэл.

— Ты хотя бы понимаешь, почему мы с твоим отцом так волновались? Я не знала, где ты. Он не знал, где ты. Этот мальчишка мог отвезти тебя куда угодно. Он мог бы... — Ее губы сжались, и она не смогла закончить мысль. Обхватила кружку с чаем так сильно, что побелели костяшки пальцев, но, заметив пристальный взгляд дочери, осторожно поставила ее на стол. — Я беспокоюсь за тебя, — проговорила она. — Ты так молода.

Вэл позволила себя обнять. Она почувствовала, что все обойдется.

— Гэвин не сделал бы ничего подобного, — проговорила она, хотя в глубине души совсем не была в этом уверена. Потому что теперь у нее возникли сомнения на его счет. Она засомневалась.

— Я признаю, что у него, по крайней мере, хорошие манеры, — неохотно сказала ее мать. — Он очень вежливый мальчик, очень формальный, но это ничего не говорит о том, какой он человек.

— Мисс Уилкоккс он нравится.

— Некоторые из самых жестоких людей в мире рождались с даром убеждения. Они могли очаровать птицу прямо в небе, только чтобы сломать ей крылья. И ни один мужчина, хороший или злой, не предлагает милостей просто так — тем более незнакомцам или молодым девушкам. Не без ожидания чего-то взамен.

Взгляд матери заставил Вэл поежиться.

— Мы просто одноклассники.

— Это он так думает? Или ты?

— Это правда.

— Ты покраснела, — заметила миссис Кимбл. — Это наводит меня на мысль об обратном.

Услышав молчание Вэл, она вздохнула.

— Ладно. Тогда отправляйся в свою комнату.

* * *

На следующий день Гэвин растянулся на их обычном месте, лежа в траве, не боясь испачкать свой белый свитер. Рядом с ним стояли два стакана с кофе.

— Что это? — удивленно спросила она.

— Это самое меньшее, что я могу сделать. Надеюсь, с тобой не слишком сурово обошлись.

— Не слишком, — пробормотала Вэл, чувствуя себя немного попугаем. Она упала на траву.

— Твоя мать?

— Да, — подтвердила Вэл. Она отхлебнула кофе, который он ей дал. Лесной орех. Неужели она говорила, что любит фундук? Вэл не могла вспомнить, но ей казалось, что нет.

— Ты совсем на нее не похожа.

— Я похожа на свою двоюродную бабушку Агнес, — пояснила Вэл. — Со стороны отца. Могу я задать вопрос?

— Ты только что это сделала, — лениво ответил он.

Вэл была не в настроении для игр.

— Почему ты беспокоишься обо мне?

Гэвин перекатился на бок, чтобы посмотреть на нее.

— Потому что мне нравится беспокоиться, — сказал он. — О тебе.

— Нет, я имею в виду... — Вэл подыскивала слова, чтобы объяснить свои бесформенные сомнения. Их оказалось много, и они были расплывчаты. — ... почему я? — наконец решилась она. — Что ты во мне нашел?

— А. Это совсем другое. — Он провел пальцами по подвеске на шее, затем по цепочке к застежке сзади. Со вздохом расстегнул ее и позволил металлическим звеньям обвиться вокруг его пальцев, как змея. — Чем вызван этот вопрос?

— Мне просто любопытно.

— Любопытство очень опасная вещь.

— Почему?

— Потому что, — он позволил подвеске выскользнуть из пальцев и закачаться, как маятник, — оно приводит людей к ответам, которые им могут не понравиться. Возможность — вот что я вижу в тебе. Помимо всего прочего.

Ее глаза, следившие за гипнотической дугой цепи, внезапно остановились на его лице.

— Возможность для чего?

— Для меня.

— Я не понимаю.

— Я очень разборчив. Во всем, но особенно в женщинах. Есть черты, которые мне абсолютно необходимы, и ты, моя дорогая, обладаешь многими из них. Достаточно сказать, что я крайне заинтересован. Никому еще не удавалось так завладеть моим вниманием, как тебе.

— Что, например? — настаивала Вэл. — Какие черты?

Гэвин сел.

— Красота. Невинность. — Он притянул ее ближе. — Покорность.

— А как насчет интеллекта?

— О да. Это необходимо.

— Доброта? Сострадание?

— Ты могла бы обойтись и без них, — он сделал паузу. — Любопытство. Вот это мне больше всего нравится.

— Ты только что сказал, что любопытство опасно.

— Я тоже наслаждаюсь опасностью, — прошептал он, и Вэл почувствовала холодный укус металла на своей коже. Она посмотрела вниз как раз вовремя, чтобы увидеть, как он застегивает цепочку на ее запястьях.

— Что ты делаешь?

— Ты мне не доверяешь, Вэл? — Его голос, мягкий, как смерть, звучал в ее ушах. Она вздрогнула.

Нет. Она не доверяла. Нисколько. Это осознание взволновало и испугало ее, когда он поднялся на ноги и собрался уйти. «Что он делает? Куда он направляется?» Она услышала шорох травы, когда он обошел ее сзади. Вэл попыталась заглянуть через плечо, но он рукой закрыл ей глаза. Она дернулась.

— Что ты...

— Ш-ш-ш. Я открою тебе один секрет. — Его губы коснулись ее уха, вызвав дрожь

ощущений на этой стороне лица, и Вэл обнаружила, что уклоняется от чистой интимности его жеста. — Ты умеешь хранить секреты?

Не понимая как реагировать, она сказала:

— Да, но...

— Иногда мне кажется, что во мне больше звериного, чем человеческого.

Вэл напряглась.

— Это глупо.

— Разве? Мы все были раньше дикарями. Само собой разумеется, что некоторые из нас сохранили звериных черт больше, чем другие. Человечество — это клетка, и наши пуританские чувства сдерживают нас как решетка. Мы ограничены нашим собственным разумом и интеллектом, и все же большинство из нас даже не понимает этого.

— Ты говоришь ужасные вещи. Развяжи меня, — запротестовала она. — Мне это не нравится.

— Нет, это не так, не правда ли? — выдохнул он. — Ты похожа на полудикое животное, которое все еще боится узды. «Плени и властвуй, ибо мне не быть свободным, если ты не покоришь...». Но свобода — это все равно иллюзия.

Эти строки...

— Донн, — выдохнула она.

— М-м-м... И... «Любовь ведет порою нас тропинкой узкой. Волк подчас по той тропе идти боится», — Его губы коснулись впадинки под ее ухом. — Это Байрон. Распутник, но довольно красноречивый для такого грубого и низкого человека. Хотя красоту так часто можно найти в самой глубине упадка. — И уже совершенно другим голосом, он кротко спросил. — В котором часу ты обещала матери вернуться домой?

— Сейчас. Отпусти меня прямо сейчас.

— Я доставляю тебе неудобства?

Да.

Она почувствовала, как его палец скользнул между ее кожей и цепью.

— А может быть, ты боишься, что кто-нибудь увидит тебя такой рядом со мной?

До сих пор такая возможность даже не приходила Вэл в голову.

— О боже, — прошептала она. Гэвин позволил ей бороться с видом высокомерной снисходительности, которая испугала ее. Затем, когда она уже готова была заплакать, он протянул руку, чтобы расстегнуть застёжку. Вэл, не теряя времени, попятилась от него, ее сердце бешено колотилось, ладони вспотели.

— Не сердись на меня, — она вздрогнула, когда он потянулся, чтобы погладить ее по щеке. — Я не смог удержаться, чтобы не поддразнить тебя.

В его голосе звучало раскаяние, но выражение его глаз... все это было неправильно.

— Я должна идти, — проговорила она натянуто.

— Ты злишься.

Его глаза пусты.

— И испугалась.

Там ничего нет. Ничего, кроме теней.

— Нет, — возразила она, и это прозвучало так же неубедительно вслух, как и в ее голове.

— Я отвезу тебя домой, — как ни в чем не бывало, проговорил он.

И поскольку Вэл не смогла придумать вежливого способа отказать ему, чтобы не

обидеть, она позволила. Двигатель гудел в тишине, потрескивая от напряжения, сродни электрическому. Хотя Гэвин не сводил глаз с дороги, она чувствовала, что ни одно ее движение не ускользало от его внимания.

Его слова клубились в ее ушах, как пар, даже сейчас, такие же темные, как страхи в глубине ее сердца.

(Иногда мне кажется, что во мне больше звериного, чем человеческого).

* * *

Гэвин высадил ее у дома, наградив долгим поцелуем, от которого у нее онемели губы. Вэл пробормотала что-то невразумительное на прощание и сбежала в дом, заперев за собой дверь. Сердце бешено колотилось, и она все еще чувствовала на запястьях жало его подвески: холодный металл, согретый человеческой кожей.

Вэл бросила рюкзак на кровать и грубо расстегнула молнию. Схватила первую попавшуюся тетрадь, папку с записями о здоровье и зеленую гелевую ручку, в которой осталось всего четверть чернил.

На пустом листе она провела зеленую линию, разделив бумагу на две колонки. Одну она подписала Гэвин, другую — Преследователь. Мелким почерком она записала все, что знала об этих людях, и не останавливалась, пока не заполнила весь лист.

Сходство между ними оказалось ужасающим.

Но что это значило для нее? Человек, который посылал ей послания, пугал ее до глубины души. Потому что Вэл подозревала, что он считает ее вовсе не человеком, а животным — нет, еще хуже: вещью, которой можно владеть, с которой можно играть, с которой можно шутить, а потом выбросить, как только она сломается.

С самого первого сообщения Вэл начали сниться кошмары о том, как ее подловят одну, в темноте. Она не была уверена, что такой мужчина может сделать с ней, но знала достаточно, чтобы понять, что ей это не понравится.

Впрочем, это говорило в пользу Гэвина, потому что до сих пор он не сделал ей ничего плохого. На самом деле. И ее тоже тянуло к нему. Когда он поцеловал ее, земля, казалось, ушла у нее из-под ног.

С другой стороны, Гэвин знал, что ее ждали домой к назначенному времени, оба раза.

Что бы он сделал, если бы ее не ждали в ближайшее время? Отпустил бы он ее?

Все кусочки подозрений соединялись с гораздо большей легкостью, чем ей бы хотелось. «Я не должна даже думать об этом. Я сама себя пугаю».

Каждый раз, закрывая глаза, Вэл чувствовала его дыхание на своей шее, это твердое, настойчивое давление на ее губы — и это смутное ощущение, что он охотится за ней, как за оленем в лесу. Темный охотник.

Родители ушли обедать, оставив ее варится в своих страхах, как мясо в кастрюле. Вэл умоляла их взять ее с собой, как будто ей четыре года, а не четырнадцать, не желая оставаться одной в их большом доме со слишком большим количеством дверей и окон.

Ее отец закатил глаза.

— Очень смешно, Вэл.

Ее мать, казалось, понимала, что Вэл не шутит, но она тоже сказала «нет».

— Столик заказан на двоих, а не на троих, — объяснила она, — и во время ужина там

так много народу, что они, скорее всего, не смогут найти тебе другого стула. И кроме того, я уверена, что ты не хочешь застрять со своими воркующими родителями.

Все, казалось бы, лучше, чем эта изоляция.

Поэтому она заперла все двери и закрыла все жалюзи. Рядом с ней на столе лежал кухонный нож. Ее мать забыла про него — это был тот самый, с болтающимся лезвием и поцарапанной рукояткой, которым никто не пользовался.

Вэл знала, что должна придумать план, чтобы найти правду за всем этим, потому что в данный момент она могла только подозревать. И хотя боялась ошибиться, еще больше она боялась оказаться права. Гэвин знал, кто ее друзья, где она живет, какие у нее привычки и хобби. Если он был ее преследователем, то обладал более чем достаточной информацией, чтобы представлять серьезную угрозу. И сколько вообще может быть старшеклассников, говорящих так, словно они из девятнадцатого века?

К тому же он процитировал стихотворение Джона Донна. Вэл показалось, что он ждал какой-то реакции. Вроде узнавания.

Наверняка должны быть какие-то зацепки.

Может у него дома?

Она могла бы сказать, что хочет еще один урок шахмат, а потом найти предлог, чтобы осмотреться. На всякий случай она могла бы даже взять с собой нож. Но это означало бы, что она готова использовать его, а Вэл никогда в жизни не причинила вреда ни одной живой душе...

На следующий день была суббота.

Вэл неподвижно лежала на кровати, глядя, как ветви деревьев отбрасывают на стены ее комнаты тени, похожие на волнистую паутину. На ночном столике расположились: нож, фонарик, два энергетических напитка и детектив про Нэнси Дрю.

Не то чтобы она верила, что Преследователь придет за ней в ее собственный дом. Едва ли. Но каждый скрип и стон дома заставлял Вэл замирать и задерживать дыхание. Только когда родители, хихикая и слегка навеселе, вошли в дверь, Вэл выключила фонарик и позволила своему измученному телу расслабиться.

А потом начались кошмары.

— Вэл? — Кто-то легонько постучал в дверь. — Валериэн?

Она не ответила. Просто закрыла глаза. «Сейчас уже светло. Я в безопасности — дайте мне отдохнуть».

Дверь со скрипом отворилась. В щель заглянула с озабоченным лицом мама.

— Вэл, ты... ох. Было так тихо, я думала, ты еще спишь. Разве ты не спустишься вниз?

— Нет.

— Но я приготовила завтрак.

— Я не голодна. Не хочу есть.

— Дорогая, ты не спускалась все утро. — Наблюдая за тем, как миссис Кимбл оглядывала спальню, словно ища следы наркотиков или разврата, Вэл обрадовалась, что не забыла перед сном спрятать нож за тумбочку. — С тобой все в порядке?

— Я поем позже.

— Это не ответ на вопрос. Ты заболела? — Холодная рука матери прижалась ко лбу Вэл. — Ты немного горячая.

— Я просто устала.

— Может стоит отвести тебя к врачу?

— Нет. — Доктор не обнаружит никаких проблем. Если только не вскрыет ей голову и вены, чтобы увидеть, насколько Гэвин отравил ее мысли и кровь.

— Принести тебе что-нибудь?

— Может быть, суп... и чай.

Мать нахмурилась еще сильнее.

— Да, конечно. Какой?

— Ромашковый и куриную лапшу... пожалуйста.

— Ладно. Я принесу на подносе, — бросив последний взгляд, миссис Кимбл ушла.

Вэл наклонилась к кровати и положила ноутбук на одеяло. Она вошла на Фейсбук. Было четыре новых сообщения. Зная, что это плохая идея, но не в силах ничего с собой поделать, она щелкнула красный флажок.

Одно было от Лизы и состояло из одного слова: «Привет».

Еще одно прислала Рейчел:

«В пятницу ты выглядела немного расстроенной. Ты в порядке? Это ведь не из-за того парня? Просто дай нам знать, кому надрать задницу, и мы позаботимся об этом. Извини, это была Линдси. Но серьезно, с тобой все в хорошо? Напиши нам. ХОХ»

Два сообщения от ее преследователя. Одно пришло ночью:

«Скоро, моя дорогая, ты научишься любить свое заточение».

А другое сегодня утром:

«Ты чувствуешь узы, которые связывают нас? Чувствуешь, как они сжимаются? Потому что я да, и они такие тугие, что у меня едва получается дышать».

Значит, их двое.

* * *

Наступило воскресенье.

В то утро сообщений не было, но «с глаз долой» не обязательно означало «из сердца вон». Не тогда, когда он думал о ней, отсчитывая дни, пока не заполучит Вэл.

Мать ворвалась в комнату, как обычно, будя ее, решив положить конец безделью Вэл в постели.

— Одевайся, — сказала она тоном, не терпящим возражений. — Поедешь со мной. Будь готова через десять.

— Хорошо, — не стала спорить Вэл.

Миссис Кимбл отвезла Вэл в ближайший «Старбакс», а сама отправилась за продуктами, оставив дочку с недвусмысленным приказом «развлекаться». Вэл мрачно уставилась в меню и в конце концов заказала фраппучино с высокой шапкой ванильных сливок — но он оказался слаще, чем она ожидала, и у Вэл не хватило духу его допить.

Пока сливки на ее напитке таяли, а Нэт Кинг Коул напевал в динамиках о разбитом сердце, Вэл достала из сумки свой блокнот и изучила список, составленный несколько дней назад. Теперь он казался глупым, дурацким, равносильным детской черно-белой логике. Вломиться в его дом? Найти доказательства его вины? В каком мире это хорошая идея?

Вэл сделала глоток и поморщилась. В дополнение к тому, что кофе был слишком сладким, теперь он стал водянистым. Следующий день — понедельник. Если она не сделает этого сейчас, может быть уже слишком поздно. Если Гэвин был ее преследователем, она хотела знать. Вэл не хотела, чтобы ее схватили. Она не хотела играть главную роль в его извращенных фантазиях. Она хотела быть... Ну, она еще не решила, но не такой.

Когда мать вернулась, чтобы забрать Вэл, она была разочарована, обнаружив дочь такой же угрюмой, как и раньше, в компании дорогого — и очень растаявшего — напитка. Она чуть было не спросила Вэл, что случилось, но вспомнила недавно прочитанную в Интернете статью, в которой говорилось, что дети, когда на них давят, только глубже погружаются в свой страх от злости.

Не то чтобы миссис Кимбл считала Вэл озлобленным ребенком. Совсем наоборот. Она была очень милой девушкой — даже чересчур сладкой, как напиток, который держала в руке (миссис Кимбл попробовала сделать глоток, прежде чем выбросить, и ей показалось, что она уже чувствует, как ее пломбы тают. Придется напомнить Вэл, чтобы она дважды почистила зубы). Когда Вэл была ребенком и другие дети на детской площадке иногда били ее лопатой или ведром, она никогда не отвечала им тем же. Она просто плакала, как будто вера в то, что кто-то действительно хочет причинить ей боль, была слишком ужасна, чтобы ее вынести.

Так было всегда. Вэл была хрупкой. Умная, милая и красивая, но нежная, как тепличный цветок. И хотя миссис Кимбл была благодарна своей очаровательно наивной дочери, которая в молодости смотрела на мир скорее, как ребенок, ей иногда хотелось,

чтобы Вэл была сильнее и, хотя она чувствовала себя плохо из-за этой мысли, еще и менее красивой. Люди срывали только красивые, сладко пахнущие цветы. Те, что с шипами, оставались нетронутыми.

Визг шин заставил миссис Кимбл ударить по тормозам.

— О боже, Вэл, этот мальчишка только что подрезал меня на красный свет. — Она просигналила водителю. — Свет был красный!

В ответ миссис Кимбл получила поднятый вверх средний палец.

Какое неуважение! Мать Вэл возмущенно вскрикнула. Заметив наклейку на бампере «Старшая школа Дерринджера», миссис Кимбл язвительно спросила:

— Ты знаешь этого парня?

Вэл подумала, что Лиза, возможно, встречалась с ним пару раз. Потрепанный, плохо покрашенный в желто-зеленый цвет, пикап «Тойота» был вполне узнаваем. Но Лиза, надо думать, встречалась со многими парнями, и Вэл в конце концов сбилась со счета. Она покачала головой. Ее матери не нужно знать ничего из этого. В последнее время оказалось так много вещей, которые ее матери не нужно знать.

— Я каждый день благодарю свою счастливую звезду за то, что ты не такая, — когнитивный диссонанс между ее утверждением и предыдущими мыслями заставил миссис Кимбл почувствовать себя виноватой, особенно когда Вэл не сводя глаз с окна, продолжала смотреть куда-то вдаль, так далеко, что у ее матери осталось отчетливое впечатление, что она никогда ее не догонит.

После паузы она спросила:

— Повеселилась? — Стараясь не смотреть на подтаявший напиток.

— Да.

— Я очень рада.

И каждая знала, что другая лжет, но ни одна не имела ни малейшего представления, почему.

* * *

Наступил понедельник.

Вэл надеялась немедленно покончить с ситуацией, которой так боялась весь уик-энд, но судьба, похоже, сговорилась против нее. На этот раз Гэвин опоздал, и Джеймс занял свободное место рядом с ней.

— Привет, Вэл. Давно тебя не видел.

Конечно, он «видел ее». Разве они не вместе занимались в классе Искусств? Она вытащила блокнот из рюкзака и издала неопределенный звук.

— Значит, вы с Гэвином сейчас встречаетесь?

Вэл пожала плечами.

— Я не знаю.

Глаза Джеймса сузились.

— Что значит «не знаешь»? Вы либо встречаетесь, либо нет.

Мисс Уилкоккс спасла ее от необходимости отвечать, выбрав именно этот момент, чтобы войти в класс. На ней было пурпурное цыганское платье, шифоновый шарф и улыбка, которая выглядела значительно теплее, чем у большинства учеников класса.

— Ну! Доброе утро, Вэл, Джеймс. Хорошо провели выходные?

Джеймс, довольный тем, что нашелся активный слушатель, заговорил о футболе и поездке на пляж. Его звонкий, чересчур громкий голос резал уши Вэл, как нож.

— А ты, Вэл? — спросила учительница. Она устанавливала сегодняшнюю модель — пластиковый игровой набор в форме замка, кремово-белый, усыпанный блестками, и прозрачными синими секциями, которые выглядели так, как будто их можно было осветить изнутри светодиодами. Она выключила свет и улыбнулась Вэл. — Сделала что-нибудь хорошее?

— Гуляла с мамой, — коротко ответила Вэл. Но из-за того как она улыбнулась, произнося это, мисс Уилкокс поймала себя на мысли, какая Вэл милая, застенчивая девушка. А потом в класс просочились другие ученики, и любые другие мысли или заботы мисс Уилкокс о Вэл быстро исчезли за мыслями и заботами о других учениках, которые составляли ее класс.

Однако она замечала, что между Вэл и ее помощником зарождаются отношения. Она видела их вместе во дворе, до или после школы. Мисс Уилкокс нравился Гэвин. Он был вежлив, заботлив и избавил ее от необходимости проверять большое количество работ, взяв это на себя. Но в улыбке мальчика было что-то холодноватое, и она забеспокоилась, не слишком ли он «быстр» для такой застенчивой девушки.

Но это опять-таки не ее дело, а кроме того, у нее имелись тридцать два ученика, с которыми она должна заниматься. Если мать девочки не звонила, чтобы пожаловаться, она, должно быть, не видела никаких проблем в этих отношениях, и не дело мисс Уилкокс вставать между родителями и детьми. Только, когда студенты курили сигареты в задней комнате или убегали с дорогими масляными красками, которые она была вынуждена держать под замком, их родители ставились в известность.

Джеймс подождал пока мисс Уилкокс отойдет подальше, прежде чем повернуться к Вэл и спросить:

— Ты и Лиза, вы помирились?

С чувством вины Вэл поняла, что так и не удосужилась ответить ни Линдси, ни Рейчел, ни Лизе. Она прикусила губу, пожала плечами и сказала:

— Спроси ее.

— Я так и сделал. Она посоветовала спросить тебя.

— Почему меня?

— Потому что это ты все еще сходишь с ума.

Ради бога.

— Я не...

Дверь класса открылась, и вошел Гэвин. Его кожа была немного бледнее, чем обычно, а темные тени под глазами намекали на бессонные ночи. Он посмотрел в ее сторону, затем на Джеймса, и на его лице появилось самое ужасное выражение, когда он повернулся и сел в другом конце класса, рядом с девушкой, которая выглядела очень смущенной его диким видом.

— ...схожу с ума, — запоздало закончила Вэл. О боже.

— Что ты нашла в этом парне? — продолжал расспрашивать Джеймс.

Вэл не могла ответить. Потому что она поняла, что совсем не знает себя. И после того, как ей было дано ощутить горечь мыслей, скрывающихся за этим совершенно прозрачным фасадом, по ее спине пробежал холодок, такой же холодный и ощутимый, как стакан

ледяной воды, льющейся на спину. Вэл пожалала плечами, стараясь не дрожать.

— Вэл?

Она еще немного покусала губу и вернулась к замку, который медленно появлялся в ее альбоме. Во рту появился медный привкус крови, густой и вязкий, напоминающий старые монеты. Ее желудок взбунтовался, и она только успела сказать:

— Я не знаю.

Неужели Гэвин слизывал эту кровь в зоомагазине?

С ним что-то не так?

Я в опасности?

— Лиза очень беспокоится о тебе. Она велела передать тебе это.

Вэл подняла глаза.

— Почему она сама мне не сказала?

— Она пыталась. Но в последнее время тебя здесь не было. — И он обвел взглядом класс.

Ох.

Вэл чувствовала тяжесть взгляда Гэвина, горячего и неизменного, как сухой жар печи. Джеймс прав. Возможно. Она работала над очертаниями замка, зарисовывая башенки, сложную конструкцию решетки и избегая смотреть на обоих парней. Нет, он, конечно, прав.

Джеймс бросил на нее разочарованный взгляд, но, получив в ответ подчеркнутое молчание, оставил ее одну, а когда прозвенел звонок, ушел, не попрощавшись. Вэл никогда не придавала большого значения мнению Джеймса, поэтому удивлялась, как его молчаливое неодобрение могло вызвать такую волну вины в ней сейчас.

Мисс Уилкокс ворчала над грязным рабочим местом Джеймса, но улыбнулась рисунку Вэл.

— Хорошее использование перспективы.

— Спасибо, мисс Уилкокс, — улыбка, но безошибочный румянец удовольствия появился на ее щеках, перекрывая на мгновение чувства отчаяния, вины и тревоги, которые смешались, чтобы сформировать спектр туманных эмоций из ее собственной внутренней палитры. — Кажется, когда я была маленькой, у меня тоже был такой набор.

Мисс Уилкокс снова улыбнулась; это была грустная улыбка.

— Он принадлежал моей маленькой дочке. Она тоже выросла.

На мгновение одна и та же невысказанная мысль повисла между ними, как капля воды, цепляющаяся за край. Все намного проще, когда ты молод. Затем мисс Уилкокс легкомысленно пожалала плечами и начала приводить в порядок грязные столы.

Если бы только Вэл могла так легко избавиться от собственных чувств.

Гэвин воспользовался моментом, чтобы приблизиться, его шаги были твердыми и уверенными. «Как будто, — она не могла не подумать, — в его сознании он уже владеет мной».

— Доброе утро, — он наклонился над столом и поцеловал ее, заставив Вэл широко распахнуть глаза. Она взглянула на мисс Уилкокс, но та ничего не заметила.

— Я ... э-э ... привет, — проговорила она и чуть не пнула себя. Ее голос звучал так, словно она перебрала гелия. — Чего ты хочешь?

— Только поздороваться. — Он помолчал. — Надеюсь, ты в порядке.

Вэл побледнела.

— Да, в порядке.

— Хорошо. Ты так странно себя ведешь в последнее время. Я беспокоюсь.

В его словах сквозила угроза, но кому? И какая? Или ей показалось?

— Я в порядке, — повторила она.

Гэвин задумчиво кивнул и отвернулся. «Нет, мне это не показалось». Вэл, уже поднявшаяся на ноги, поспешила за ним.

— Подожди!

Он обернулся.

— Да, Вэл?

Ее имя сорвалось с его губ, как бархат, пропущенный через измельчитель.

— Помнишь, как однажды в дождь ты отвез меня домой? И учил играть в шахматы?

— Это было недавно. — Что-то в его глазах резко изменилось. — Как я мог забыть?

Вэл сглотнула. Скорее пыталась. В горле у нее постоянно вставал комок. «Его глаза», — снова подумала она. Его глаза были прекрасны: текстурированные, серо-металлические с пузырьками оникса и хрусталя, пойманными в двойных озерах его радужных оболочек — но в них не доставало глубины, они казались пустыми, холодными, и ничто, даже густые ресницы, обрамлявшие их, не могли смягчить арктический холод в этом взгляде.

— Я хотела спросить, может быть... как думаешь, ты мог бы поучить меня еще?

Он улыбнулся, и ей захотелось убежать. Это была улыбка человека, который готов съесть и кошку, и сливки, и канарейку.

— Это доставило бы мне огромное удовольствие. Ты можешь прийти завтра, если хочешь, или после моей сегодняшней смены — я заканчиваю в семь.

— Завтра будет отлично, — заставила она себя произнести.

— Значит, завтра. Мне заехать за тобой домой? Около, ну, скажем, пяти?

Она молча кивнула. Если она откроет рот, то испугается того, что вырвется наружу. Или нет.

— Тогда до встречи, — сказал Гэвин.

Выбирать в это утро наряд было бесполезно. Что можно надеть, готовясь к такому противостоянию? Как могут защитить доспехи, если сердце слабо? Обычно Вэл обращалась к матери за советом по моде, но в данном случае она знала, каков будет ответ. Не пытайся противостоять ему. Беги.

Хороший совет. Полный здравого смысла. Вэл не воспользовалась бы им.

Она остановила свой выбор на белой майке на бретелях, зеленом хенли на пуговицах и шортах цвета хаки средней длины, которые придавали ее заднице аппетитный вид. Лиза вообще не одобрила бы такой наряд, если бы не шорты. Она бы заметила, что Вэл выглядит так, будто должна ходить от двери к двери, торгуя экземплярами религиозной «Сторожевой башни». Вэл на всякий случай заплела волосы в косички.

Увидев ее, мать моргнула.

— Ты в этом пойдешь?

— Ага.

Миссис Кимбл, казалось, собиралась что-то сказать. Потом закрыла рот и покачала головой.

— Готова выходить?

«Готова, как никогда». — Вэл кивнула.

— У меня назначен прием у врача, так что сегодня тебе придется ехать домой на автобусе. Нужны деньги на проезд?

— Нет.

— Тогда ладно. — Мать высадила ее у ворот. — Хорошего дня.

Вэл пошла в свой класс, не в силах избавиться от ощущения, что другие ученики смеются над ней. Она сидела в углу класса Искусств, зажатая между двумя незнакомыми девушками, которые продолжали бросать на нее недоуменные взгляды. Вэл старалась не замечать их и провела следующие полчаса, делая вид, что ничего не существует, кроме вазы с фруктами, которую мисс Уилкоккс поставила перед ней для сегодняшнего урока.

Делая набросок, она краем глаза изучала Гэвина. Он не пытался заговорить с ней, что она восприняла как хороший знак. Однако он улыбнулся ей. Она похолодела от того, как улыбка могла сделать его лицо очень красивым и в то же время таким жестоким. А потом она задумалась, не вообразила ли себе эту жестокость, потому что никогда раньше не заикливалась на ней.

«Ты должна рисовать».

Просто Гэвин был само очарование. Вэл никогда раньше не встречала такого мальчика, как он: он был очень зрелым, сильным и загадочным — о, и блестящим. Даже сексуальным, призналась она себе. Но что на самом деле она знала о нем как о человеке? За последние несколько недель она провела с ним больше времени, чем с Лизой, и все же знала его меньше, чем Эмили Абернати.

Нет, еще меньше. Что-то, что не предвещало ничего хорошего.

«Не думай об этом. Рисуй».

Ее плод продолжал выходить кривобоким. Она не могла держать руку ровно. Ластик на ее карандаше был стерт до самого металлического колпачка.

Джеймс то и дело бросал на нее недоверчивые взгляды. Познания Джеймса о моде

могли заполнить наперсток и еще осталось бы достаточно места для пальца, и Вэл начала беспокоиться, что перестаралась. Если Джеймс заметил, то Гэвин почти наверняка обратил внимание, и, в отличие от Джеймса, знал почему она выбрала такой образ.

Вэл впиалась взглядом в рисунок. Глупый Джеймс.

Она вздохнула.

«Нет, глупая Вэл».

Уроки в школе тянулись медленно, как день в чистилище.

Английский прошел не лучше. Эссе Вэл о «Тите Андронике», которое она сделала вместо фильма, миссис Васкес вернула ей, оценив на тройку. Ее тест по «Грозовому перевалу», который они начали читать только на прошлой неделе, принес столь же мрачные шесть из десяти баллов.

Поглощенная мыслями о преследователе и пристальным и недвусмысленным вниманием Гэвина, она не смогла в должной мере сосредоточиться на школьных занятиях. Вэл перепутала цитаты и написала избитый ответ на вопрос, был ли Хитклиф «злым» или «жертвой зла».

Довод Вэл сводился к тому, что Хитклиф не всегда был злым, но он был плохим, и «плохое» спустя какое-то перешло в «худшее», поскольку он постепенно развращался морально отсталой средой поместья, что в конечном итоге привело к его к озлобленности на весь мир.

Учительница посоветовала в следующий раз привести более конкретные примеры и включить цитаты из текста.

Если бы только она писала тест на этой неделе, а не на прошлой. Теперь у нее за плечами имелись более конкретные примеры зла. Она вполуха слушала, как миссис Васкес использовала «Грозовой перевал», чтобы перейти к изучению «Ромео и Джульетты». Она говорила о несчастной любви и испорченных персонажах, настолько не подходящих друг другу, что они не могли быть вместе, несмотря на то, что их тянуло друг к другу, тем самым обрекая свои истории на определенную трагедию. Вэл могла думать только о пяти часах и о том, обрекает ли она себя на неминуемую трагедию. Чем ближе время подходило к пяти, тем больше она начинала подозревать, что так оно и есть. Отправиться к Гэвину домой — плохая идея.

Даже видео о беременности на уроке здоровья (которое заставляло всех мальчиков издавать рвотные звуки, а всех девочек скрещивать ноги под короткими юбками и заявлять, что они никогда, ни при каких обстоятельствах не подвергнут себя такой болезненной и унижительной процедуре, а именно для этого и существует усыновление, большое вам спасибо) не могло оторвать Вэл от ее мыслей, достаточно надолго, чтобы ее затошнило.

«Я идиотка. Надо все отменить».

Но у нее не было его номера телефона — он никогда не предлагал его, а она не спрашивала.

«Почему он не давал его мне? Если бы я что-то значила для него, он бы хотел, чтобы я могла с ним связаться. Ведь даже номер Джеймса есть в моем сотовом».

Автобус высадил Вэл в квартале от ее дома, и она нервничала всю дорогу. Проходя через дверь, она мельком взглянула на себя в зеркало в прихожей и поморщилась, раздумывая, не переодеться ли ей во что-нибудь менее нелепое. Но тогда он поймет, что она сменила наряд ради него, а именно этого она и пыталась избежать с самого начала. Ее лицо в отражении вытянулось.

«Я действительно выгляжу как дурочка. Неудивительно, что все смеялись надо мной».

Она налила себе стакан воды, но не стала пить, и провела следующий час и пятнадцать минут, расхаживая взад и вперед. Ровно в пять часов белый «Камаро» остановился перед домом Вэл. Она написала матери записку на холодильнике, схватила сумку и заперла за собой входную дверь.

Гэвин потянулся, чтобы открыть ей дверь. Он был одет в облегающую кожаную куртку, которую определенно не носил раньше, и она неожиданно поняла, что его руки мускулистые, как на фотографии, где он стреляет из лука, на школьном сайте.

— Добрый вечер, — сказал он. И было ли это ее воображение или в его голосе слышалось предвкушение?

— Привет.

— Мне нравится твой наряд.

— Ты сейчас смеешься надо мной?

Его губы дрогнули.

— Может быть, немного. Сегодня никакой спортивной формы?

Она сглотнула.

— Нет.

— Какое разочарование. — Он включил поворотник. — Я удивлен, что твоя мать разрешила тебе поиграть со мной.

— Что?

— Похоже, я ей не нравлюсь, — Их глаза на мгновение встретились, когда он повернулся через плечо, чтобы подать сигнал.

— Я ей не говорила, — ответила Вэл, сама удивляясь своей смелости. Он не должен был знать о записке, которую она оставила на холодильнике. — Она не знает.

— Непослушная девочка. — И он улыбнулся, как будто находил эту мысль и сопровождавшие ее образы особенно приятными, что заставило Вэл почувствовать себя не такой глупой из-за ножа со сломанной ручкой, спрятанного в кармане ее шорт.

«На всякий случай», — подумала она, чувствуя себя сумасшедшей.

Как и прежде, он припарковался в гараже, хотя дождя не было.

— В этом районе возникли проблемы с вандалами, — объяснил он, хотя она и не спрашивала. — Они разъезжают по окрестностям и воруют всякие мелочи — мелкие воришки.

— Не думаю, что они угонят твою машину.

В тот момент, когда произнесла эти слова, она поняла, как это прозвучало, но вместо того, чтобы выглядеть обиженным, Гэвин рассмеялся. — Возможно, машину и нет, но я храню в ней кое-какие ценные вещи.

— Что, например? Тело?

Он окинул ее оценивающим взглядом.

— Я дилер.

— Наркотиков? — выпалила Вэл.

— Антиквариата. — Он нашел ключ от дома и вставил его в замок. — Я покупаю, продаю и заключаю сделки, — Он толкнул дверь и стал ждать.

Вэл протиснулась мимо, обдумывая его слова. Такое занятие вполне соответствовало его собственнической, стяжательской натуре. Логично, что Гэвин хотел владеть не только людьми, но и вещами. Вероятно, он рассматривал их в том же масштабе. «Если он вообще

преследователь, — строго напомнила она себе, хотя и без особой уверенности. — У тебя еще нет доказательств». Немного подумав, она произнесла:

— Ты слишком молодой.

Гэвин пожал плечами.

— Это заставляет клиентов недооценивать меня.

«Я не совершу этой ошибки», — подумала она.

— Могу я предложить тебе что-нибудь выпить? Кофе? Чай? Воду?

От того, как ее желудок сжимался, стоило только поместить в него что-нибудь, даже жидкость, идея с напитками казалась плохой. Вэл начала было отказываться, но потом поняла, что пока он готовит, у нее появится дополнительное время подумать. — Кофе, пожалуйста.

— Какой тебе принести?

— Гм... без молока. Немного сахара.

— Хорошо. Проходи, присаживайся. — Он сделал широкий жест. — Располагайтесь поудобнее. Я быстро.

Не стоит торопиться.

— Не спеши. — Вэл пыталась улыбнуться. Гэвин ушел, и она смогла вздохнуть свободно. Села за шахматную доску, на которой разыгрывалась партия. У черных осталось больше фигур, но белые загнали короля в угол — даже Вэл, с ее минимальным опытом игры на доске, знала, что это плохо.

Она почти ничего не помнила из предыдущего урока. Большая часть того, что она узнала, вылетело у нее из головы, когда Гэвин поцеловал ее. О боже, этот поцелуй... она едва помнила свое имя. Вэл подавила эту мысль, поморщившись, когда почувствовала, что ее щеки пылают. Она знала, как двигаются фигуры. Примерно. Она вспомнила, что такое рокировка. Почти.

Она имела понятие как целоваться. Немного. Но, как и в шахматах, Гэвин был гораздо опытнее в этой области. Кого он целовал? Если другие девочки в школе разделяют взгляды Лизы на него, ему будет трудно найти ту, которая согласится встречаться с ним. А может, и нет. Он достаточно быстро изменил ее мнение.

«Шахматы. Ты должна думать о шахматах».

Вэл смогла сосредоточиться на фигурах на доске, когда ее мысли немного прояснились. Она думала, что сможет вспомнить основы игры, как только они начнут играть, но это не было самой сложной частью шахмат. Сложная часть шахмат состояла в том, чтобы предугадывать ходы противника и выстраивать подходящую защиту и нападение с учетом специфического стиля игры каждого игрока.

Вэл посмотрела на лестницу. Как попасть на второй этаж, если придется вести партию?

Звук из кухни заставил ее виновато сосредоточиться на доске. На краю стола лежал кожаный журнал. Обложка была потертой, выцветшей и выглядела довольно старой. Что-то из его антиквариата? Она открыла его, бросив быстрый взгляд на кухню, и обнаружила пожелтевшие страницы. Очереди из цифр и букв образовывали большие колонны, которые тянулись на целые страницы. Пролистав их, она нахмурилась. Может это какой-то код? Если так, то ключа нет.

— Это шахматная нотация, Валериэн. Ничего секретного.

Вэл подпрыгнула, и журнал упал на пол с глухим стуком, заставившим ее снова вздрогнуть. Он словно прочитал ее мысли.

— Я не...

— Шпионила? — Он поставил кофе на стол и наклонился, чтобы поднять книгу. Ее реакция, казалось, развлекла его, если судить по улыбке. — Я вижу. Совсем незаметно.

Вэл сложила руки на груди и постаралась выглядеть спокойной.

— Ты записываешь свои игры?

— Да, но это не мои, а отца. Я изучал несколько его победных партий. Он был шахматистом, — небрежно добавил он.

— Был?

Гэвин отложил дневник.

— Мм. И очень хороший, хотя мне кажется, что сейчас я лучше, чем он. Я много практиковался.

— Действительно, — проговорила Вэл. — Как его звали?

— Что-то испанское. Он был из Испании. Предполагается, что мы очень похожи, хотя я могу судить об этом только с чужих слов. — Он положил голову на руку, наблюдая, как она потягивает кофе. — Конечно, шахматы были не единственным талантом, которым он владел в совершенстве, если верить моей матери.

Вэл поперхнулась кофе.

— Но опять же, нельзя полностью полагаться на стереотипы, чтобы сформировать свое мировоззрение. Даже если они в целом верны. Опыт — это все. Ты согласна, Вэл?

Она не могла смотреть на него.

— Я не знаю.

— Хм. Нет, я полагаю, не знаешь. Ну, — его тон немного утратил свою резкость. — Какие предпочитаешь белые или черные?

— Прошу прощения?

— За кого хотела бы сыграть?

— О ... хм ... черные.

— Интересный выбор. — Он повернул доску так, чтобы выбранный Вэл цвет оказался на ее стороне. Поскольку сам он не сделал ни малейшего движения, Вэл расставила фигуры на место. Она не могла избавиться от ощущения, что он испытывает ее, хотя что это за испытание и каковы последствия, она понятия не имела. Он ничего не сказал, когда она закончила, так что Вэл решила, что прошла.

На сегодня.

Но ей хотелось, чтобы он перестал так на нее смотреть.

— Твой ход, — тихо сказал он.

Он передвинул одну из своих пешек. Ту, что стояла перед его королевой. Верно. Белые ходят первыми.

— Ты нервничаешь? — спросил он, когда она дрожащей рукой передвинула пешку перед ладьей. — Всегда такая возбужденная. Возможно, мне не следовало давать тебе этот кофе.

— Нет, я просто волнуюсь.

Он передвинул слона.

— Ты замышляешь что-то коварное, Валериэн?

Вэл снова чуть не поперхнулась.

— Почему ты так говоришь?

— У меня такое чувство, что ты что-то ищешь. — Он поигрывал цепочкой на шее, и,

глядя на нее, Вэл захотелось покраснеть. — Кое-что, что должно меня беспокоить.

Она прикусила губу и, не отвечая, двинула еще одну пешку. Словно ожидая этого хода, он тут же вывел своего коня. Вэл пассивно отомстила, переместив другую пешку, избегая той, которую он поставил раньше. Слегка покачав головой, Гэвин снова передвинул коня, и она уставилась на доску, пытаясь понять, что он делает. Он редко двигал одну и ту же фигуру дважды подряд, если только не собирался атаковать.

«Он нацелился на моего короля? Конечно, да. В этом весь смысл игры. Глупый вопрос».

Вэл взглянула ему в лицо. Он приподнял бровь.

— Да?

— Ничего, — пробормотала она.

Где-то в глубине дома старинные часы проббили час.

— Знаешь, ты так и не ответила на мой вопрос.

Она снова оторвала взгляд от доски.

— Какой вопрос?

— Ты что-то задумала?

— Нет! — воскликнула она слишком высоким голосом.

— Даже на доске, Вэл? — Его губы растянулись в улыбке. — Кстати, ты покраснела.

Вэл закрыла лицо ладонью. Было жарко. Она неохотно передвинула пешку перед своим королем на две клетки вперед, давая королю возможность маневра, если ему придется бежать. Она ни за что не позволит, чтобы его прижали, как в последней игре, которая закончилась так ужасно.

Ей действительно хотелось, чтобы Гэвин перестал на нее смотреть. Это холодное веселье пронзало ее сердце дюжиной ледяных ножей каждый раз, когда их взгляды встречались через стол. Раз или два она ловила себя на том, что смотрит на его футболку, которая в его непринужденной позе оставалась плотно натянута на худощавой груди.

И его одежда, и небрежная поза казались вызывающими в сочетании с тем, на что он намекал ранее о своем отце. Если бы Вэл продолжала думать в том же духе, она могла бы заподозрить, что он пытается соблазнить ее, но она была слишком сосредоточена на том, чтобы попасть наверх.

— Осторожно, — сказал он, когда она потянулась за очередной пешкой.

— Что? Почему?

Он не стал вдаваться в подробности.

И тут она увидела опасность. Она начала двигать ладью, собираясь произвести рокировку, но Гэвин поймал ее за запястье.

— Боюсь, ты не сможешь этого сделать. Я держу тебя под контролем, — он обратил ее внимание на короля, — И ты не можешь спасти ладью. Уже поздно.

Она не могла поверить, что он так быстро заманил ее в ловушку.

Гэвин отпустил ее, довольно улыбаясь.

— Это называется вилка. Выхода нет, так что тебе остается только решить, кем пожертвовать.

Она смотрела на его коня с чувством паники, ее кожу все еще покалывало там, где он коснулся ее, как будто прикосновение Гэвина оставило клеймо. Она передвинула свою королеву, чтобы забрать его коня, и он захватил провинившуюся фигуру своим слоном, поставив черную королеву на свою сторону стола.

— Это был очень плохой ход, моя дорогая. На самом деле, хуже некуда. Ты должна была

позволить мне забрать ладью.

— Я не хотела, чтобы ты забирал их.

Гэвин рассмеялся.

— Ты не можешь защитить всех. Игра ведется не так.

— Я могу попробовать.

— Боже, боже. Такая идеалистка. Тебе стоит научиться быть более хладнокровной, если хочешь победить меня в этой игре.

Вэл передвинул еще одну пешку.

— И что мне делать?

— Быть готовой пожертвовать всем, заплатить любую цену, чтобы победить.

«Думаю, прошло уже достаточно времени. Я выпила более чем достаточно кофе, чтобы сделать перерыв, не вызывая подозрений».

— Звучит довольно жестоко.

— Шахматы — жестокая игра.

Значит, они согласны хоть в чем-то.

— Опять убегаешь от меня, Вэл? — Сердце Вэл остановилось. На одно ужасное иррациональное мгновение она подумала, что он использовал свой интеллект шахматного мастера, чтобы прочесть ее с той же сверхъестественной точностью, какую использовал в шахматной партии. Но нет, он говорил об игре, всегда об игре, двигая свою пешку ближе к той, которую она только что передвинула.

— Конечно, — ответила она. — Ты только что лишил меня королевы.

— Ах, да. Хорошо. Просто помни, — сказал он ей. — Если ты побежишь от меня, я буду преследовать.

Игра продолжалась, она забрала несколько его фигур, он — еще больше. Никакого вопроса, кто победит; вопрос только в том, когда. Гэвин за короткое время захватил обоих коней, слона и ладью. Вэл смотрела на доску слегка остекленевшими глазами, наблюдая за тем, как у нее забирают фигуры одну за другой, а затем резко села.

Его королева была открыта, а ее оставшийся слон находился в идеальном положении, чтобы взять ее.

Была ли это ловушка? Лицо Гэвина, когда она посмотрела на него, ничего не выражало. Идеальное бесстрастное лицо; он, вероятно, обыграл бы ее и в этой игре. Должно быть, это ловушка. Он был слишком хорош, чтобы совершить такую ошибку. И все же ей было интересно. Потому что каждый, даже мастер, может совершать глупые ошибки...

И тут она увидела это.

Пешка, простая пешка, которую он протащил на ее сторону доски несколько ходов назад. В то время она не обращала на нее особого внимания, так как была очень занята отражением атак на более важные фигуры, и пешка неуклонно продвигалась все это время. Если она возьмет его королеву, пешка превратится в любую фигуру, и она проиграет. Если она возьмет его пешку, он захватит ее слона, и она проиграет.

У нее просто не осталось вариантов. В любом случае, это был шах и мат.

Именно тогда в ней что-то щелкнуло, и она уставилась на доску, превратившуюся для нее в подобие минного поля, куда не ступи везде смерть. Ее преследователь тоже любил такое систематическое уничтожение, преследуя ее с жадностью, граничащей с садизмом.

Вэл потянула себя за край футболки.

— А где у тебя ванная?

Ее вопрос заставил его снова рассмеяться. Более легкий смех, чем раньше, менее угрожающий, что заставило ее задуматься, не вообразила ли она зловещие черты, которые приписывала ему. Но Вэл знала, что это не так, и не была уверена, что пугало ее больше: его переменчивый темперамент или его способность скрывать это.

— Средняя дверь, — сказал он, закидывая руки за голову. — Второй этаж. Не задерживайся.

(Если ты побежишь от меня, я буду преследовать).

Комнаты наверху были так же по-спартански убраны, как и внизу. Несмотря на относительно большой размер дома, Гэвин, похоже, не интересовался личными вещами. За первой дверью был шкаф, пустой, если не считать нескольких зимних пальто и горстки чистящих средств.

Следующая дверь оказалась обещанной ванной, которая была безупречно — почти одержимо — чистой. Она закрыла дверь с громким стуком, который наверняка донесся бы вниз по лестнице.

За третьей дверью находился кабинет. Должно быть, первоначально это была спальня, потому что боковая дверь соединялась с соседней комнатой, которая на самом деле была спальней. Сдвоенные спальни.

Вэл огляделась. Половину стены занимал старинный письменный стол, сделанный из ароматного дерева, напоминавшего средневековый лес. Стул, стоявший перед ним, был анахронично современным. На полках стола стояли старые книги, некоторые из которых она узнала (в том числе эту ненавистную пьесу «Тит Андроник»), другие были загадкой.

У дальней стены расположился стеклянный шкаф с настоящими бабочками, все они давно умерли. Сердце Вэл дрогнуло, когда она посмотрела на обмякшие, украшенные драгоценными камнями тела с серебряными булавками, аккуратно пронзающими их грудные клетки, и она обхватила руками собственный живот в бессознательном сочувствии.

Клочки бумаги под каждым образцом изящным почерком обозначали род. Голубянка карликовая была бабочкой голубого цвета, которая, казалось, была сделана из кружева с проушинами. У перламутровки селены были крылья, яркие и прекрасные, как витражи. Переливница ивовая была большой красивой бабочкой с усыпанными звездами крыльями цвета индиго. Там было много других, и теперь Вэл увидела, что на футляре внизу той же рукой была надпись: «Бабочки Европы».

Почерк был похож на тот, что она мельком видела в шахматном журнале, заглавная буква «Б» с такими же острыми крючковатыми разрезами посередине. Значит, эта коллекция тоже унаследована от отца Гэвина? Каким жестоким человеком он должен был быть, чтобы убивать таких беспомощных, невинных существ. Она провела пальцем по раме и отвернулась, не в силах больше смотреть на них.

Повернувшись, она снова оказалась лицом к столу. Жалость к бабочкам в некотором смысле успокоила Вэл, придав ей достаточно уверенности, чтобы преодолеть чувство вины. Она села в кожаное кресло и принялась рыться в ящиках стола. Там было много канцелярских принадлежностей, художественных принадлежностей и связок бумаг, похожих на финансовые отчеты.

«А чего ты ожидала? Письменное свидетельство его вины? Нет, не совсем, но что-то более полезное, чем... — она взглянула на бумажку, — дурацкие налоговые декларации». Вэл подалась вперед, чтобы положить бумаги на место, и потеряла равновесие, ее колено резко коснулось ящика. Боль была мгновенной и вызвала слезы на ее глазах, и она протянула

руку, чтобы заглушить стук.

Погоди-ка, а почему он так дребезжит? Там не было ничего, что могло бы издать такой звук.

Она снова заглянула в ящик, отодвигая бумаги. В этот момент дно приподнялось на несколько сантиметров. Ложное дно. У его ящика фальшивое дно. Вэл оглянулась через плечо и, затаив дыхание, подняла доску.

Дневник. Он прятал дневник, похожий на тот, что лежал внизу, но более новый и менее потертый, а под ним — альбом для рисования, который она никогда раньше не видела, чтобы он приносил в класс. Она отложила альбом в сторону и удивленно заморгала, прочитав слова: «Сегодня я видел, как спаривались львы», написанные почерком, похожим на почерк в коллекции бабочек, но более изящным.

Значит, это не шахматный журнал. Это был настоящий дневник. Его.

Вэл снова взглянула на дверь, затем раскрыла страницы и начала читать.

Сегодня я видел спаривающихся львов.

Не в реальной жизни, а на уроке биологии. Учитель показал нам еще одно видео. Поскольку он потеряет работу в конце этого года, полагаю, он не видит смысла сильно напрягаться. Ни в чем. Я заметил, как он пьет в машине перед уроком, да еще из фляжки. Думаю, он знает, что я знаю. Как еще объяснить, что я совсем ничего не делаю, и все же мои оценки никогда не опускаются ниже пятерки?

Итак, львы.

Сексуальное образование подается нам, исходя из того, что ученики этой школы не проводят свои собственные независимые исследования по этому предмету на ночной основе. Хотя это не объясняет, почему глава в учебнике читается скорее, как отказ от секса, чем как учебное пособие.

Как бы то ни было, секс между людьми не может быть показан в классе, поэтому считается, что спаривания животных вполне достаточно. Лошади. Обезьяны. Собаки. Нам пришлось пережить целый зверинец. Но потом появились львы, и я сразу понял, что эта пара будет другой.

Самка рычала, подняв шерсть, когда они кружили вокруг друг друга. Самец набросился на самку и прижал ее к земле своими мощными передними лапами. Она пыталась бороться. С рычанием самец вонзил зубы в ее горло, усиливая давление, пока львица не опустила голову на лапы в знак покорности. Затем он опустился на нее и не спеша взял свой заслуженный приз.

В пыльном солнечном свете африканской саванны они оба казались отполированными идолами.

Интересно, каково это — иметь такую власть над женщиной? Чувствовать ее под собой, такую же красивую, золотую и прекрасную, как солнце, наполовину желающую, наполовину сопротивляющуюся? Знать, что ты держишь ее за горло? Я хотел бы получить такой опыт.

Но я хочу кого-то необузданного — кого, как дикого жеребенка, я могу сломать и переделать так, как захочу. Для правильного подчинения необходима некая мягкость, в сочетании со скрытой чувственностью. Такие женщины невинны, но только потому, что им нужен кто-то, способный обеспечить освобождение, которое они в противном случае не смогли бы найти самостоятельно.

Я изучал первокурсницу в моем классе искусств, которая кажется многообещающей. Она занимается легкой атлетикой. Однажды я увидел ее, когда она сидела на трибуне и заканчивала набросок рисунка — даже не помню, что там было изображено, настолько был поражен тем, как она бежала.

Она выглядела такой дикой и свободной там, на треке. Мне потребовалось мгновение, чтобы узнать в ней скромную девушку со странным именем, которая всегда молчит. А еще спортивная форма обнажала ее тело, на которое у меня никогда прежде не было причин обращать внимание. Но сейчас я определенно заинтересовался.

Кто бы она ни была, я хочу ее.

И я рисовал ее, хотя она этого не знает. Я нарисовал нас вместе, окутанных мраком в классе биологии — я в образе льва, она львица, ее голова повернута в сторону, чтобы обнажить для меня горло. Я одел ее в шкуры ее добычи, когти, зубы и кости различных

жертв были нанизаны на ожерелье, которое тяжело висело у нее на груди.

Себе я нарисовал мех. Черный, а не золотой, чтобы лучше охотиться среди теней. Кровь размазалась по моим рукам и груди, одной рукой я обхватываю ее шею, другой запутался в ее волосах. И все это время мои штаны становились все теснее, а дыхание участилось настолько, что я был вынужден покинуть класс.

Она пробуждает во мне такие сильные чувства, что порой я не знаю, что буду делать. Думаю, могу причинить ей боль, если подойду слишком близко. Потому что мысль о том, чтобы охотиться на нее, вызывает у меня такой же трепет, как у мужчин, которые гоняются за лисицей по лесу. А потом я размышляю о своих планах на будущее и о том, как такая девушка может разрушить их, если меня поймают.

Но что, если она хочет, чтобы ей причинили боль? Что, если, как кремень поджигает трут, я смогу уговорить ее вспыхнуть? Гореть для меня, и только для меня? И я помню, как эта девушка бежала против ветра, и знаю, что пути назад нет. Я — ее будущее, а она — просто моя.

* * *

Ее зовут Валериэн. Имя ей подходит, но, с другой стороны, я и не ожидал меньшего.

В некоторых культурах верят, что знание чьего-то имени — его истинного имени — дает власть над душой этого человека. Я не склонен к суевериям, но это интересное чувство. Знание ее имени, безусловно, дает мне доступ к большей информации и возможности использовать ее с поразительным эффектом.

Мне нравится видеть, как близко я могу подойти, прежде чем она заметит мое присутствие. Бывают моменты, когда ее глаза, кажется, встречаются с моими, и бывают моменты, когда она чрезмерно рассеяна. Сегодня, например, я мог бы протянуть руку и схватить ее. Я мог бы просто молча наблюдать за ней.

Но в душе я джентльмен и поэтому оставил ей подарок. Красная роза — символ страсти. Меня так и подмывало оставить ей веточку свежего жасмина, но это показалось мне безвкусным. Возможно, и к лучшему, учитывая тот отказ, с которым было встречено мое подношение.

Интересно, что она решила сохранить стихотворение. Сентиментальность — или осторожность? Я подозреваю последнее, но мне забавно думать о ней как о романтической девушке, которую так легко соблазнить красивыми словами и пустыми обещаниями.

* * *

Мои наблюдения дали мне гораздо больше, чем я ожидал. Должен признаться, что очень доволен тем, что видел до сих пор. Очень доволен.

Эта ее подруга вызывает некоторое беспокойство. Она видит меня насквозь — или думает, что видит. Во всяком случае, она видит достаточно, чтобы понять, что ей это не нравится. Умная девочка. Она тоже хороша собой, но холодна и жестока — и слишком коварна. Вряд ли она вообще заслуживала моего времени и внимания, хотя ее дерзкий ответ был весьма занятным. Действительно, Список ненависти.

Когда они вдвоем ушли, я изучал котят, пытаюсь понять, что же в них нашла Вэл, что так ее удерживало. Может быть, ее привлекают невинность и беспомощность? Эта мысль заставляет меня улыбнуться, потому что именно это в ней и держит меня в плену.

Котенок оскалил клыки, когда поднял его для осмотра. Я держал его подбородок высоко, чтобы он не мог укусить или пошевелить головой, глядя прямо в его большие голубые глаза, пока ждал, когда он перестанет шипеть и сопротивляться. В конце концов он потерял интерес кусать меня, и когда его маленькое тело успокоилось, я ослабил хватку. Он осторожно обнюхал мои пальцы и, слегка опустив глаза, потерся щекой о костяшки. Я послушно, хотя и рассеянно погладил его.

Она хорошо ладит с животными. Я это видел. Она может уговаривать бродячих полосатиков из кустов, брать еду из ее рук и даже, при случае, позволять ей гладить их мех. Они не боятся ее, как боятся меня, и все же в своей грубой манере она излучает смутную атмосферу компетентности, которая одновременно неосознанная и грозная. Защитница. Я подозреваю, что именно это заставляет животных так безоговорочно доверять ей.

Внезапное щекочущее ощущение вернуло меня в настоящее. Котенок забеспокоился и начал извиваться, пытаясь перелезть через мою руку. Когти, которые ранили Вэл, были убраны, но это скоро изменится. Маленькое существо начинало терять терпение. Я в последний раз погладил его, прежде чем опустить рядом с остальными.

В ней есть свежесть, которая действительно напоминает мне цветы — Вэл, я имею в виду. Не котенок. И кожа у нее, должно быть, такая мягкая, такая нежная, раз ее так легко ранить. Я могу с легкостью обхватить ее запястье пальцами и между ними все еще останется место. Кости ее запястья такие хрупкие, что можно с легкостью различить быстро стучащий пульс, такой же ускоренный как взмахи крыльев колибри.

Из-за меня? Я удивлен.

* * *

Я заказал наряд выпускника. Не могу поверить, что мне осталось меньше трех месяцев в этом скучном месте. Подумываю о том, чтобы подать заявку на программу по поведенческой науке о животных или, возможно, даже психологии. Меня забавляет, как все находятся под ложным впечатлением, что их мысли и эмоции непрозрачны, когда на самом деле по их телам можно с легкостью все прочитать.

Я с нетерпением жду, когда смогу их разочаровать.

Этот мальчик, например. Он так явно хотел произвести на нее впечатление, заставить чувствовать себя плохо. Достаточно плохо, чтобы согласиться на второе место, если его отошлет другая девушка, которую он обхаживал, гораздо менее красивая, но гораздо более доступная.

Я чуть не рассмеялся, когда его план провалился, и он оказался отвергнутым. И я наблюдал, как взгляд его глаз постоянно метался к ней на протяжении всего урока. Как будто он задавался вопросом, не сделал ли он глупый выбор и находил ответ довольно плохим.

Да, она выглядит очень соблазнительно в зеленом, не так ли? Я тоже так думаю. Этот цвет придает ее глазам отчетливый кошачий блеск и подчеркивает сочную, красную зрелость ее губ. У нее великолепный рот. Когда думаю обо всех возможностях, обо все том,

что я мог бы сделать с ней, я чувствую слабость.

Как, наверное, и ты, когда наблюдал за ней. И сожалел.

Но ведь ей больше не придется довольствоваться тобой? Уже нет.

Я видел, как ты смотрел на меня. Пристальный взгляд считается агрессивным в животном мире. Это заставляет меня задуматься, не хочешь ли ты встретиться со мной лицом к лицу. Из-за женщины, не меньше. Очень уместно, но совсем не мудро. На самом деле, я действительно не думаю, что ты вообще хочешь со мной связываться. Но ты можешь попробовать. Человеческому роду было бы неплохо избавиться от твоих генов.

О, Вэл, что ты со мной делаешь? Давненько я не чувствовал себя таким живым. Таким готовым. Таким нетерпеливым. Я сделаю все, чтобы удержать это чувство внутри. Все, что угодно.

* * *

Я чувствую, что могу убить. Чувствую, что мне это может понравиться. И знаю, что это должно меня пугать, но это не так. Это меня возбуждает. Я словно нахожусь в «пещере Платона», наблюдаю за теньями и полон желания охотиться за тем, что их отбрасывает. Закрываю глаза, и по ночам мне снится кровь.

* * *

Ты ведь подозреваешь? Не уверена, что именно — пока нет, — но подозреваешь. Я сомневаюсь, что ты сможешь догадаться, хотя ты всегда, кажется, способна удивить меня. Ты даже не представляешь, как я был близок к тому, чтобы поймать тебя на этой невинной маленькой оплошности. Как же мне тяжело играть роль кавалера-джентльмена. Не то чтобы я возражал. Признаюсь, немного отвлекает. Но у меня всегда была склонность к театру. Полагаю, это делает тебя моей инженю.

Но подозреваю, что в тебе есть и что-то от роковой женщины. Зачем еще ты пытаешься вычислить своего преследователя, если не для того, чтобы удовлетворить свои низменные инстинкты? Я видел, как ты смотришь на меня, когда думаешь, что я не вижу. Это не был невинный взгляд. Ты раздевала меня своими чарующими зелеными глазами.

Интересно, ты позволишь мне поцеловать тебя сейчас? Ласкать тебя? Ты позволишь мне связать тебя? Ты уже позволила мне прикоснуться к тебе. Интересно, как далеко ты меняпустишь, прежде чем мы перейдем черту?

* * *

Я устаю работать с одними и теми же темами снова и снова. Даже Вэл не может удовлетворить меня — во всяком случае, на холсте. Мисс Уилкоккс предложила мне попробовать свои силы в абстрактном искусстве. Я чуть не рассмеялся. «Абстрактное искусство» — это яркое противоречие, оксюморон.

Но я не мог этого сказать. Для мисс Уилкоккс у меня тоже есть роль. Поэтому я отметил

ее мудрость, хотя и сделал себе пометку не обращать на ее слова внимания.

Возможно, стоит разыграть шахматную партию в самый решающий момент. Давненько я не думал о шахматах. Создать игру из ничего — думаю, я мог бы это сделать. Я храню свои старые шахматные журналы в ящике стола. Попробую объединить лучшие игры, чтобы создать поразительно блестящее произведение...

Но с изюминкой. Возможно, придется пустить кровь пешке. Я должен подумать об этом.

* * *

Я отказывал себе в удовольствии смотреть, как она бежит, смакуя предвкушение и позволяя ему достичь кульминации, а затем насладится ее видом, как прекрасным вином. Признаюсь, я боялся, что эффект от встречи с ней постепенно уменьшится при повторном контакте, но мои опасения кажутся необоснованными. Тем не менее, это не тот опыт, который можно растратить впустую.

Последние события, однако, заставили меня почувствовать себя вправе получить немного украденного удовольствия. Сегодня получил от Нее письмо, в котором Она спрашивала, когда я планирую приехать. Я был крайне недоволен, так как, по-моему, ясно дал понять, что не намерен возвращаться в Нью-Джерси.

Однако Анна-Мария выходит замуж, и это событие, похоже, требует моего присутствия. Она самая нелюбимая из моих сестер. В ней слишком много от нашей суки-матери. Любой мужчина, достаточно глупый, чтобы открыться ее когтям, вполне заслуживает своей участи. Возможно, мне придется уехать.

Я наблюдал за ней — Вэл, а не за моей сестрой — из тени под трибунами. Пустые стаканы, картонные коробки и потушенные сигареты валялись у моих ног. Было что-то восхитительное в темноте, в гниении, когда они противопоставлялись Вэл, бегущей под дождем. Что-то настоящее. Мои слова были правдивы, когда я говорил ей раньше, что не люблю позировать.

Рядом со мной она ведет себя по-другому. Робко, пугливо — почти испуганно. Так забавно и совсем не похоже на девушку, которую я вижу на беговой дорожке: яростная, решительная, уверенная. Несмотря на ее мягкий темперамент, эта скрытая сторона ее натуры заставляет меня подозревать, что она будет свирепой любовницей, когда мне удастся затащить ее в свою постель.

Я легко представляю, как ее ногти впиваются мне в плечи, как она с силой прикусывает мою губу, как хрипло кричит...

Я расстегнул ремень.

Вот почему я скрываюсь в тени. Не от стыда, а, чтобы спокойно смотреть, наблюдать и делать все, что мне заблагорассудится. Невидимо. Неслышно. Но совсем рядом. Я бы солгал, если бы сказал, что перспектива быть пойманным меня несколько не забавляла. Помимо всего прочего.

Ох, Вэл.

* * *

На несколько драгоценных мгновений она попала в мои сети. Она очень неоднозначно отнеслась к своему заключению, что меня не удивило. Однако ее постоянная настороженность по отношению ко мне, несмотря на все мои усилия, сработала. Она более проницательна, чем я думал, и я не могу не уважать ее за это еще больше. Она дрожит, как бабочка, когда оказывается в моих объятиях.

* * *

Вэл захлопнула дневник. Она не все прочитала, но не хотела продолжать. С нее достаточно. Более чем достаточно. Она с ужасом посмотрела на дневник. Ее руки вспотели. Она вытерла их о шорты, отчего ткань потемнела, и пролистала страницы альбома.

Волна головокружения накрыла ее, когда она узнала свое собственное лицо, смотрящее на нее со страницы. О боже. Она бросила альбом обратно в ящик и закрыла его. Вэл не могла вспомнить, как дышать. Эти рисунки не могли возникнуть из-под руки здравомыслящего человека.

— Вэл?

Все походило на сцену из фильма ужасов, когда голос Гэвина эхом разнесся по залу. Она услышала стук, всего через несколько дверей, и закрыла рот, чтобы подавить крик, когда дверь ванной открылась, а затем так же быстро захлопнулась. Он шагал по коридору с целеустремленной уверенностью.

«Он знает».

Вэл зажала дневник под мышкой и направилась к двери в соседнюю спальню. Она тихо закрыла ее за собой, изо всех сил стараясь сдержать громкий всхлип, угрожающий вырваться из ее рта. Безрассудное решение для безрассудной ситуации.

Реальность для Вэл быстро превратилась в кошмар.

Когда дверь кабинета открылась, она с ужасом подумала: «Я закрыла ящик?» Она честно не могла вспомнить — чтение дневника и его содержание стерли ее разум настолько, что превратили его в чистый лист. Защуршали бумаги. Тошнота Вэл нарастала. Она не слышала, как Гэвин открывал ящик.

«О боже, тогда он знает. Он знает, что я знаю. И он убьет меня, чтобы сохранить свою тайну... Нет, не убьет. По крайней мере, не сразу. — Образы из альбома затопили ее голову. — Хуже».

— Я знаю, что ты рядом, Вэл.

Она уставилась на шкаф в его спальне.

— У тебя есть кое-что, принадлежащее мне.

Он играл с ней, как кошка с мышью. Наслаждаясь ее ужасом, купаясь в нем. Что ж, она не собирается ждать, пока он найдет ее как в какой-нибудь кошмарной игре в прятки. Она бросилась к шкафу и едва успела закрыть за собой дверь, как дверь кабинета распахнулась.

Что-то зазвенело у нее за спиной, когда она пробиралась к задней стенке. Приглушенный вакуум в шкафу усилил звук, превратив его в поразительный гонг. Она машинально потянулась, чтобы успокоить его, и резко вдохнула, когда поняла, что держит. Наручники. Металлические наручники.

Вэл ударилась спиной о стену, и одно из пальто упало на нее, обдав сандаловым ароматом лосьона после бритья или геля для душа, которые он так любил. Под пальто она

замерла, дрожа и прижимая дневник к груди. Гэвин совершенно безумен.

Дверь шкафа открылась. Одежда была отброшена в сторону, и свет вспыхнул с другой стороны пальто, когда содержимое шкафа было открыто невидимым глазам. Вэл не дышала. Она хотела проверить, убедиться, что все ее тело закрыто, но пошевелиться означало бы смерть.

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...»

Она закричала, когда почувствовала, что ее поднимают в воздух вместе с пальто, а затем снова, с новым чувством страха, когда Гэвин сдернул пальто с ее головы, и она поняла, где находится.

— Ты, кажется, заблудилась, — мягко сказал он, хотя в выражении его лица не было ничего мягкого.

Вэл попятилась и подпрыгнула, когда ее спина задела деревянную спинку кровати. Гэвин смотрел на нее долгое, ужасное мгновение, а затем поднял дневник, выпавший из ее онемевших пальцев. Он пролистал страницы со странной улыбкой на лице, прежде чем отбросить книгу. Она упала на пол с глухим стуком, который заставил Вэл снова подпрыгнуть.

— А может быть и нет, — произнес он, наклонив голову в ее сторону, — может быть, ты искала что-то... что-то конкретное.

— Я не...

— Давай не будем играть в игры, Вэл. Мы оба знаем, что ты читала дневник, но ты совсем не подумала о том, что может быть это я захотел, чтобы ты его нашла.

Она напряглась.

— Я его не читала.

— Тогда почему ты так боишься? Я никогда не давал понять, что хочу причинить тебе вред. На самом деле я приложил немало усилий, чтобы произвести прямо противоположное впечатление.

Ей потребовалось мгновение, чтобы заговорить.

— Пожалуйста, не делай мне больно.

— Не смотри на меня так. Это тебе не поможет.

— Я никому не скажу. Просто отпусти меня, и я никому ничего не скажу.

— Знаешь, у тебя такие мягкие губы... и красивый рот. Твой первый поцелуй был действительно очень приятным, хотя тот поцелуй в моей гостиной оказался более запоминающимся. Если у тебя получится еще лучше, я отпущу тебя прямо сейчас.

— И все?

Ей хотелось поверить, но она не верила ни в малейшей степени. Звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой, и опыт подсказывал ее, что предложение Гэвина, скорее всего ловушка.

— А если я откажусь?

— Тебе не понравится, — предупредил он.

Такая простая вещь — поцелуй.

И все же сейчас, для испуганной Вэл, ощущающей все происходящее вокруг слишком болезненно, словно она существо, состоящее исключительно из ободранной кожи и нервных окончаний, поцелуй казался очень большой платой.

Непомерной.

Неужели мужчина, даже одержимый, пойдет на такое ради простого поцелуя? Даже Вэл, при всей своей детской наивности, не могла заставить себя поверить, что отделается только поцелуем, как бы ей этого ни хотелось.

— Ну?

Ее дыхание звучало слишком громко. Никогда еще она так остро не осознавала свою хрупкую смертность. «Ты уже целовала его раньше, — напомнила она себе. — Несколько раз. Он никак не изменился».

Но она да. И теперь Вэл знала его самые сокровенные мысли и обнаружила, к своему ужасу, что ее романтическое представление о нем как о трагически непонятом художнике оказалось именно таким: идеалом, теперь разбитым вдребезги, с реальностью, сверкающей сквозь него, как острые кусочки зеркала, отражающие свет. Гэвин был безжалостен, холоден, и хотел, чтобы она стала похожа на одну из безжизненных бабочек в его коллекции за стеклянным шкафом.

Неодушевленная игрушка.

Собственность.

Пленница.

— Я жду, — напомнил он, глядя на нее сквозь полуприкрытые веки.

Она пришла в сад, ожидая увидеть летние розы, но вместо этого оказалась в зарослях скрученных, колючих, покрытых инеем лиан.

— Всего один поцелуй? — уточнила Вэл, слегка выдохнув, когда он кивнул. — И ты меня отпустишь?

— Несомненно.

Руки Вэл дрожали. Она наклонилась и слабо чмокнула его в губы. На них все еще оставался вкус кофе.

— Ты не стараешься.

И вот тогда она поняла: ей предложено самой выполнить всю работу.

В голове Вэл всплыл образ бабочки в банке для убийства, хрупкие крылышки напряглись против приторно сладких миазмов, покрывающих нежные мембраны тонким слоем ядовитых кристаллов. Как иней. Или сахарная глазурь. Не все яды были горькими — некоторые из самых смертоносных ядов в мире имели сладкий вкус. Из-за этого они намного опаснее.

«Не думай об этом. Превращение этой ситуации в карнавал ужасов не поможет». — Она закрыла глаза и поцеловала его снова. Гэвин оставался неподвижным, как статуя, хотя, когда она коснулась языком его сомкнутых губ, он приоткрыл рот.

Вэл выписывала свои молитвы о спасении кончиком языка у него во рту, и он издал низкий горловой звук, который не обязательно выражал досаду, хотя и не звучал довольным. Ему еще предстояло ответить ей взаимностью, и мысль о том, что он может продолжать

поцелуй бесконечно, пока не сочтет себя полностью удовлетворенным, пронеслась у нее в голове.

«Злобный ублюдок». Она впервые возненавидела его. Правда, по-настоящему ненавидела. Он поймал ее в ловушку и тщательно спланировал каждый засов тюрьмы, в которой она теперь оказалась. Вэл направила этот гнев на Гэвина, сильно прижимаясь к нему и держась за его шею, чтобы успокоиться, но в глубине души желая, вместо этого его задушить.

Он бессознательно обнял ее за талию, и наконец начал отвечать на ее поцелуй. Головокружение окутало ее мозг густым мерцающим туманом, когда Гэвин перевернулся так, что она оказалась сверху, ошеломленная страхом, опасностью и его воздействием на ее тело.

Особенно его воздействие на ее тело.

— Это было мило.

— Мило?

— Очень. — Его руки скользнули по ее талии с легкой фамильярностью. — Но куда, по-твоему, ты собралась? — спросил он, когда она свесила слабую ногу с кровати.

— Ты сказал, что я могу...

— Не думаю, что позволю сейчас тебе уйти, — возразил он, и его хватка усилилась. Затем он крутанул бедрами, сбивая ее с ног. Вэл обнаружила, что сидит на нем верхом. — Если помнишь, я говорил, что ты должна постараться превзойти предыдущие поцелуи.

— Я поцеловала тебя, — сказала она, — как ты и хотел.

— Твоя техника безупречна, но в прошлый раз ты выглядела гораздо привлекательнее. Если бы я не знал, что мне придется вернуть тебя... — Его глаза потемнели, и он покачал головой. — Надо сказать, что это будет трудный поступок.

— Ты ведь не собираешься отпускать меня? — Ее голос прозвучал хрипло даже для ее собственных ушей. — Как долго ты намерен держать меня здесь? И не лги мне! — Вэл оттолкнула его руку, когда Гэвин попытался прикоснуться к ней, смагивая слезы. — Ты настолько болен, что я даже не хочу смотреть на тебя, не говоря уже о том, чтобы целовать... все эти вещи, которые ты... — нарисовал, собиралась сказать она. Но потом она вспомнила, что он не знал, что она видела его альбом. — ...Сказал, — слабо закончила она.

— Можешь попробовать еще раз. Или все будет по-моему.

Ее охватил озноб. Вэл стиснула зубы, пытаясь отгородиться от нахлынувших на нее образов, нарисованных углем и акварелью, окрашенных страстью и насилием.

— Еще раз, — выдавила она.

— Ну, посмотрим, — тихо произнес он.

И это все решило. Она снова наклонилась, его губы приоткрылись в предвкушении — и она ударила его головой. Сильно. Он зарычал, как раненый бык, но его хватка на ее талии ослабла. Должно быть, она удивила его; она удивила саму себя. Вэл спрыгнула с Гэвина и побежала, схватившись за свою пульсирующую голову. Она слышала, как он пытается встать.

Что-то твердое вонзилось ей в плечо. Это оказались деревянные перила. Она вспомнила о ноже со сломанной рукояткой и вытащила маленькое лезвие как раз в тот момент, когда он приблизился к ней.

— У нее есть когти.

— Не подходи.

— Интересно, что еще у нее есть?

— Не подходи, — повторила Вэл, сопровождая команду тычком.

Он метнул руку вперед, быстро, как змея, чтобы нанести острый болезненный удар по ее запястью, заставив Вэл выронить нож. Она начала наклоняться, чтобы поднять его с пола, но Гэвин отбросил нож в сторону, когда сделал шаг к ней, и Вэл пришлось отклониться назад, чтобы избежать его хватки.

Ее вес переместился ниже талии, сосредоточившись в верхней части тела. Она потеряла равновесие. Мир закружился, и она хрипло закричала, почувствовав, что падает по лестнице головой вперед. Каким-то образом ей удалось ухватиться за поручни. Резные деревянные блоки врезались в ее потные ладони, но, по крайней мере, это удержало ее от дальнейшего падения.

Вэл оглянулась через плечо, чтобы посмотреть, как далеко она оказалась от первого этажа, затем позволила своему телу упасть, скатившись последние пять футов. Она ударилась об пол с такой силой, что едва смогла вздохнуть. Но не мешкая ни секунды, вскочила и кинулась к двери, по пути осознав, что понятия не имеет, куда бежать — Гэвин привез ее сюда, а дом Вэл слишком далеко, чтобы идти пешком.

«И я оставила свою сумочку в его доме. С моим телефоном...»

Бежать. Она должна сосредоточиться на побеге. С телефоном она разберется позже. Если она не сбежит, то и «потом» не будет.

Вэл бросилась к двери с отчаянием, о котором и не подозревала. Дверь не открывалась — и потребовалось мгновение, чтобы паникующее животное, в которое превратился ее мозг, поняло, что защелка закрыта.

Пальцы Гэвина сжались вокруг ее запястья так же крепко, как наручники.

— Я не позволю тебе уйти.

«Нет», — подумала Вэл с неподдельным ужасом. Она толкнула его локтем, попав во что-то мягкое, но этого хватило чтобы вызвать стон боли. Гэвин отпустил ее. Вэл обхватила ногой его ногу и дернула. Он упал, хотя у него хватило рефлексов выбросить руки, чтобы приостановить падение. Вэл бросилась отодвигать защелку непослушными пальцами, которые дрожали как желе, когда Гэвин начал подниматься.

«Ну же давай. Давай».

Защелка выскользнула с громким щелчком. Вэл с силой повернула дверную ручку и выскочила наружу. Она схватилась за ручку с другой стороны и потянула, пытаясь закрыть перед Гэвином входную дверь. За дубовой панелью она услышала смешок — он смеялся над ней, даже сейчас, как будто ее попытки убежать были не более чем забавными выходками ребенка.

Вэл понимала, что проигрывает их перетягивание двери, поэтому сдалась и ударилась о нее плечом. Ее удар, в сочетании с силой его собственной инерции, отбросил Гэвина назад с глухим стуком, от которого задрожали стекла в окнах.

Вэл повернулась и побежала к первому попавшемуся дому с включенным светом на крыльце, не решаясь оглянуться. «Пожалуйста, будьте дома». Она постучала в дверь, пытаясь сдержаться, потому что знала, если будет выглядеть слишком сумасшедшей, никто не отзовется. «Пожалуйста, пожалуйста, ответьте».

Сквозь окна Вэл видела голубоватые мерцания телевизора из глубины дома. В дверях появилась пожилая женщина. Она держала в руке радиотелефон и выглядела довольно сердитой, хотя это быстро изменилось, когда она увидела растрепанную Вэл.

— О боже, — проговорила женщина, быстро моргая. — Элинора, мне придется тебе

перезвонить. Тут молодая девушка и... С тобой все в порядке? — Во время всего этого разговора женщина сжимала телефон, держа пальцы на самой нижней цифре, готовая использовать ее для вызова службы спасения, как того требовала ситуация.

«Мудро, — подумала Вэл в порыве жалости к себе, на которую у нее не было времени. — Мудрее меня».

Она открыла рот, чтобы ответить — что именно, она не была уверена. Но это не имело значения. Какие бы слова она ни собиралась произнести, они тут же потонули в потоке слез.

Ее слезы, казалось, решили все для женщины, и она немного поколебалась, прежде чем отступить в сторону, чтобы позволить Вэл войти. Комната была освещена мягким оранжевым светом и украшена кружевной отделкой. Она провела Вэл в гостиную, где сильно пахло мятой и нафталином.

По спине Вэл пробежала дрожь, когда она увидела, как женщина запирает все три замка.

— Дорогая? — спросила женщина, оборачиваясь. — Что случилось? Ты ранена? На тебя кто-то напал? — Ее лицо нахмурилось, придавая ей вид увядшего персика. — Ты ведь не замешана ни в каких преступлениях? Потому что, если это так, мне придется упомянуть об этом, когда я позвоню в полицию.

Вэл издала очень тихий звук, который и сама не смогла распознать.

— Что случилось? Говори громче, дорогая, у меня плохо со слухом. Может, мне сейчас позвонить в полицию?

— Пожалуйста... — Вэл облизнула потрескавшиеся губы, потрескавшиеся от липких поцелуев, украденных в темноте... — Я хочу к маме.

«Бедняжка», — подумала женщина и замолчала. Эти слова действительно звучали страшно, как будто трагедия сделала кого-то неживым и беспомощным, достойным жалости только в самом абстрактном и безличном смысле. Она положила руку на дрожащую спину девушки, и та вздрогнула.

— Хочешь мятную конфетку?

Вэл покачала головой, глядя на застывшую массу конфет в стеклянной банке, которую протягивала женщина. Ее чуть не стошнило. «О боже, — думала она, — о боже, о боже, о боже».

Женщина поставила банку обратно на покрытый салфетками стол.

— Когда сможешь, — сказала она, четко выговаривая каждое слово, — можешь воспользоваться радиотелефоном. Я положу его прямо здесь.

Она положила телефон на подушку рядом с Вэл, которая уставилась на него так, словно никогда раньше не видела.

— Как только приедет твоя мать... Ну, тогда мы все и выясним? — Вэл не ответила, и женщина решительно кивнула сама себе. — Хорошо. Пожалуй, я поставлю чай. Хочешь чаю, дорогая? Он может помочь.

«Чай не спасет от того, что он сделал со мной».

Женщина представилась матери Вэл как Беатрис Купер.

— Вот мой номер, — сказала она, протягивая пожелтевшую визитную карточку, — На случай, если вам понадобятся мои показания или что-нибудь в этом роде. Ваша дочь убегала от кого-то, кто явно хотел причинить ей боль. Я бы с удовольствием поместил его туда, где подобает находиться таким, как он.

— Не знаю, как вас благодарить, — сказала миссис Кимбл. — Это было так мило с

вашей стороны... То есть, слава богу...

— Я просто выполняю свой гражданский долг, — самодовольно ответила миссис Купер.

Мать Вэл пыталась выписать ей чек, но миссис Купер и слышать об этом не хотела.

— Убедиться, что его поймают, будет достаточной наградой.

«Его не поймают, — подумала Вэл. — Я постараюсь».

* * *

Миссис Кимбл приехала в дом мисс Купер с намерением пригрозить дочери всеми возможными карами, а потом и вовсе наказать. Но увидев заплаканный, дрожащий комочек, в который свернулась ее дочь на кушетке этой женщины, она быстро передумала. Вместо этого она купила Вэл неаполитанский молочный коктейль. Это всегда срабатывало, когда Вэл была ребенком, и это единственное, что пришло ей на ум сейчас. Вэл отпила глоток и шмыгнула носом, но ничего не сказала.

В голове миссис Кимбл пронеслись наихудшие сценарии. Ей самой хотелось плакать, но она завернула Вэл в одеяло и уложила на диван. Затем намочила бумажное полотенце и начала вытирать лицо дочери, ее сердце разрывалось, когда Вэл вздрогнула от прикосновения.

— Малышка, — прошептала она. — Пожалуйста. Пожалуйста, скажи мне, что случилось.

Вэл словно разлетелась на тысячи слов — всего несколько мгновений назад она была нема, а теперь не могла остановиться. Даже если бы захотела. Особенно если бы сама этого захотела.

— Мне страшно, — проговорила Вэл, когда закончила.

— Мы должны позвонить в полицию.

Быстрое движение с дивана.

— Нет! — Вэл мгновенно преградила матери путь к телефону. Ее глаза были широко раскрыты, все еще дикие от ужаса. — Ты не можешь. Никакой полиции!

— Но, Вэл, дорогая, мы должны...

— Нет, не должны!

— Вэл, не будь смешной. Конечно, должны. То, что этот парень сделал с тобой... он заслуживает того, чтобы быть арестованным. А теперь уйди с дороги...

— Нет!

Миссис Кимбл уставилась на дикое создание, в которое превратилась ее дочь.

— Вэл, ты не можешь защищать его, — мягко сказала она, — то, что он сделал с тобой, было...

— Я его не защищаю. Но не звони в полицию.

Мать Вэл взорвалась.

— Какого черта нет?

— Потому что я не хочу, чтобы кто-нибудь знал, — прошептала она.

«Нет», — осознала миссис Кимбл с замиранием сердца. Они захотят взять у Вэл показания, и этот ужасный мальчишка и его адвокаты набросятся на нее, как стая волков, не говоря уже о новостях, статьях, сплетнях. А что, если, несмотря на ее показания, он выйдет

на свободу? Вся эта боль и унижение окажутся напрасны.

Внезапно она все поняла.

— Никакой полиции, — тихо согласилась она, и Вэл расслабилась в объятиях матери. — Почему бы тебе не принять горячую ванну? Потом переоденься в пижаму и попробуй поспать.

Вэл кивнула и тихо поднялась наверх.

«Моя бедная милая малышка. Кто в здравом уме захочет причинить ей боль?»

И тут миссис Кимбл поняла, что сама ответила на свой вопрос.

Глава 14

«Дорогая Валериэн, твоя мама позвонила и написала мне по электронной почте, что ты пропустишь мои занятия до конца года из-за каких-то очень трагических личных обстоятельств. Я хочу, чтобы ты знала, что мне очень жаль это слышать; ты одна из моих любимых учениц, и я с нетерпением ждала встречи с тобой, чтобы обсудить твой последний проект (ты получила пятерку, если тебе интересно).

Пожалуйста, приходи в последний день занятий. Перед каникулами я буду прибираться в классе. С радостью встретилась бы с тобой чтобы попрощаться.

С наилучшими пожеланиями, Барбара Уилкокс».

* * *

Кому: Валериэн Кимбл

От кого: Лиза Джеффрис

Тема: ОМГ

«Ты в порядке? Моя мама сказала, что твоя мама сказала ей, что ты не придешь в школу до конца года!!! Я знаю, что это всего лишь неделя, но ВСЕ ЖЕ. Что случилось? Ты попала в аварию? Мне очень жаль, что я высмеяла твоего парня(?)! Я больше не буду этого делать, если ТЫ ПРОСТО ПОГОВОРИШЬ СО МНОЙ. Я скучаю по тебе. Пожалуйста, скажи мне что с тобой все в порядке. Пожалуйста?? Лиза».

* * *

Кому: Валериэн Кимбл

От кого: Линдси Полански

Тема: УКРАДЕННЫЙ ТЕЛЕФОН

«Я думаю, твой телефон наверно украли (если ты еще не знаешь об этом)! Мне было интересно, почему ты не ответила ни на одно из моих сообщений, поэтому решила позвонить тебе. Этот парень поднял трубку — определенно НЕ ты, если только ты не сменила пол (ты ведь не сменила? Какая НЕЛЕПОСТЬ) — и потребовал сказать, кто я и зачем звоню.

Естественно, я ответила, кто, черт возьми, спрашивает? Это ведь телефон МОЕЙ ПОДРУГИ. Откуда у НЕГО ее телефон? Он повесил трубку. Я перезванивал этому мудаку дюжину раз, и в конце концов он сказал очень страшным голосом, что мне лучше перестать беспокоить его, иначе я пожалею. После этого я даже не смогла дозвониться. Это меня напугало.

P.S. Ты в порядке? Я не видела тебя в школе. Надеюсь, ты найдешь этого подонка со своим телефоном.

P.P.S. Вообще-то, беру свои слова обратно. Надеюсь, ты его НЕ найдешь. Похоже, он полный психопат».

Кому: Валериэн Кимбл

От: —

Тема: —

«Ты устроила для меня настоящую погоню, не так ли? Я сильно впечатлен. Кроме того, должен сказать следующее: ты выглядишь еще привлекательней, когда боишься, поэтому я позволю тебе сейчас сбежать».

* * *

Кому: Валериэн Кимбл

От: —

Тема: —

«Не убегай слишком далеко».

* * *

Лучи пыльного солнечного света пронзали розовые занавески, заставляя пылинки вспыхивать так же ярко, как сверхновые. Желтый свет согрел комнату, и Вэл начала возиться под одеялом, чувствуя, что начинает перегреваться. Когда она открыла глаза, капли пота выступили у нее на лбу и на переносице, а волосы намокли.

Вэл ахнула, ее зрачки сузились до булавоочных уколов, когда она сфокусировалась на каком-то невидимом ужасе. Она схватилась за грудь, пока мышцы не расслабились, а нейроны, слепо бьющие, разбегаясь, как муравьиная колония, атакованная хищником, не перегруппировались, снова позволив разуму вернуться.

Она откинулась на матрас и слегка поморщилась, когда слишком сильно ударилась больным местом.

«Я дома, в безопасности».

«Нет, не в безопасности».

Она никогда больше не будет в безопасности.

Вэл с отвращением сбросила простыни, скатилась с кровати и оделась. Не в школьную одежду — обычные джинсы и футболка, а в махровые шорты и майку. Она должна ба быть в школе, наслаждаясь последним днем своего первого курса, хихикая с друзьями, подписывая ежегодники и прощаясь с любимыми учителями.

Вместо этого она бездельничала дома, терзаясь собственными страхами. «По крайней мере, мне удалось выспаться», — подумала она, хотя, взглянула на часы и увидела, что было только девять утра, это оказалось слабым утешением — особенно учитывая, что ее сон нарушался периодическими кошмарами.

Сообщения от ее друзей и учительницы стали некоторым утешением. Особенно от мисс Уилкоккс. Остальные учителя Вэл были достаточно милы, но Вэл никогда не была полностью уверена, действительно ли они заботились о ней или просто притворялись, что заботятся.

Никто не платил мисс Уилкоккс за то, чтобы она посылая Вэл милые послания; приятно было знать, что кому-то не все равно.

Вэл хотела ответить, но ничего не приходило в голову, и вместо этого она решила сначала ответить на сообщения своих подруг, потому что это было проще. Она просто выдала пару общих банальностей — ты такая милая, я в порядке, мой телефон украли, так что я позвоню тебе, как только смогу, спасибо за заботу — и надеялась, что они не примут усталость за стервозность. А потом паранойя взяла верх, и в конце концов она удалила все свои ответы.

«Я просто не могу сосредоточиться».

Более того, ей хотелось побыть одной.

Предположительно, это было нормальным последствием травмы. Так говорила ее мать. Мозг замкнулся в петле повышенного возбуждения, а симпатическая нервная система оставалась в состоянии усиленной тревоги, посылая биохимический эквивалент предупреждающей сирены. Страх был нормальным, даже здоровым.

«Так почему же мне так плохо?»

Ее глаза загорелись при взгляде на последнее сообщение в почте, и ее разум остановился, указательный палец застыл на клавише со стрелкой.

«Сейчас я позволю тебе сбежать».

Угроза сквозила в каждом слове с нарочитой точностью, как булавки в кукле вуду, и страх рефлекторно разлился по венам Вэл.

Он не простил ей того, что она сбежала.

Он предупреждал ее, потому что был уверен, что это не принесет ей ничего хорошего, кроме того, что напугает до полусмерти.

«Не убегай слишком далеко».

Он верил, что поймает ее.

Она знала, что дает ему власть над собой, анализируя послание так глубоко, делая за него грязную работу. Она знала это и все же не могла устоять.

У нее это никогда не получалось. Только не с ним.

Теплый, сладкий запах ворвался в спальню Вэл, и в животе заурчало.

Она вошла в кухню и с удивлением уставилась на свою мать в цветастом фартуке, склонившуюся над пыльной плитой, как будто она была Мартой Стюарт.

— Доброе утро, Вэл, — поздоровалась она с наигранной веселостью. — Я делаю булочки с шоколадом.

Вэл огляделась в поисках коробки с готовой смесью. Но ее не было.

— С нуля?

— Не смотри так потрясенно, — сказала мать, — я ведь училась за границей, в Париже.

Вэл этого не знала.

— Я получил письмо от мисс Уилкоккс.

— Это твоя учительница рисования? Очень мило с ее стороны.

— Она беспокоится. — Голос Вэл слегка дрогнул. — Что ты рассказала обо мне директору Хопкинсу?

— Ничего личного. Просто что у тебя семейные обстоятельства. Он был очень понимающим.

Взгляд ее матери был острым. Вэл избегала смотреть ей в глаза.

— Спасибо, — прошептала она.

— Я все-таки думаю, что тебе следует обратиться в полицию...

— Нет.

— Но если он...

— Нет.

Миссис Кимбл напряглась, но потом кивнула.

— Ладно. — Она достала из холодильника тубик темного шоколада и, выдохнув, поставила его на стойку. — Хорошо, — повторила она. — Я просто хотела убедиться, что ты не передумала.

Вэл сложила руки на столе.

— Она спросила, не хочу ли я навестить ее. Как думаешь, я смогу?

— В котором часу она предложила? После занятий? Это не очень хорошая идея, Вэл. Я не хочу, чтобы ты оставалась одна после уроков.

— Пожалуйста. Я скучаю по своим друзьям и учителям. Мне одиноко.

— Я не хочу, чтобы ты даже близко подходил к этому мальчику, Валериэн. Он может напасть на тебя. Он может даже убить тебя.

Вэл побледнела.

— Ты думаешь, он бы это сделал? Мог убить меня, я имею в виду?

— Я бы предпочла этого не выяснять, — резко ответила мать.

Обе замолчали.

— Значит ли это, что я больше никогда не смогу выйти? — с горечью спросила Вэл.

— Нет, милая. Конечно, нет. Смотри. Я позвоню твоей учительнице. Скажу ей, что у нас возникли некоторые проблемы с безопасностью. Насчет преследования — ей не нужно знать подробностей, только то, что тебя нельзя оставлять в одиночестве. Если мы сумеем найти для тебя безопасный путь, я отведу тебя к ней.

Вэл немного оживилась.

— Когда ты ей позвонишь?

— Как только выпечка будет готова.

Вэл заметно ерзала в кресле, пока мать мыла посуду с нарочитой медлительностью. Она подскочила, когда та вытащила булочки из духовки своими перчатками в форме божьей коровки. Миссис Кимбл все это время искоса смотрела на нее, разрываясь между весельем и раздражением, когда взгляд ее дочери метался между часами и телефоном. Было приятно видеть, что Вэл по-прежнему так взволнована выходом на улицу.

В Вэл было что-то дикое — она всегда любила бывать на солнце, гулять, кататься на велосипеде и особенно заниматься чем-нибудь, связанным с животными или близкое к ним. Недавно они записали Вэл на работу в приют в качестве обязательной общественной отработки; она была так взволнована и не переставала болтать, будто она сама маленький зверек.

Миссис Кимбл боялась, что то, что сделал этот ужасный мальчик, уничтожит эту частицу жизни в дочери, превратив ее в бледную тень прежней Вэл. Даже сейчас она выглядела довольно похожей на щенка, которого пнули без предупреждения или причины и который все еще опасается сапога.

Миссис Кимбл читала статьи о жертвах нападений. Некоторые впадали в агорафобию и не могли выйти на улицу, не испытывая приступов паники. У других развилось посттравматическое стрессовое расстройство, и они переживали яркие и ужасающие реконструкции первоначальной травмы, когда сталкивались с триггерами, которые

напоминали им о нападении. К ужасу миссис Кимбл, эти «триггеры» могли быть такими же незначительными, как угол света или тени, или даже просто звук.

Согласно информации в статьях, между приступом и появлением симптомов может быть задержка. Так что, возможно, праздновать было еще слишком рано. «Какой же больной сукин сын. Если жизнь ее дочери будет разрушена из-за этого, — решила она, — она и ее муж заставят его заплатить сполна».

А сейчас она сделает все возможное, чтобы Вэл прошла через это как можно безболезненнее.

— Привет. Вы позвонили Барбаре Уилкоккс. Если вы слышите это сообщение, я, скорее всего, преподаю, работаю в своем офисе или уже покинула школу. Вы можете оставить сообщение или отправить мне электронное письмо по адресу «B.R.Wilcox@gmail.com». Спасибо, и береги себя.

Миссис Кимбл оставила голосовое сообщение, а затем отправилась в свой кабинет, Вэл последовала за ней и смотрела как она писала аналогичное сообщение по электронной почте.

— Вот, — сказала она, оглядываясь через плечо. — Оно послано. А теперь ешь.

— Я не голодна.

— Если ты не будешь есть, ты не сможешь покинуть этот дом, — предупредила ее мать. — Выбор за тобой.

— Ну может быть, я немного проголодалась, — исправилась Вэл.

— Хорошая девочка. Давай. Съедем немного булочек. Шоколад делает все лучше.

«Не все», — подумала Вэл.

* * *

«Дорогая миссис Кимбл,

Я потрясена и расстроена, услышав, что Валериэн стала жертвой такого жестокого преследования. Она действительно очень милая девушка. Честно говоря, я не могу представить, чтобы кто-то испытывал к ней неприязнь, но дети могут быть жестокими и иррациональными.

Мой класс находится недалеко от западной парковки, так что, если хотите, можете припарковаться, подождать и понаблюдать, чтобы она благополучно вошла в здание. Я прослежу, чтобы никто из других учеников не задерживался допоздна.

P.S. Извините, что не могу перезвонить вам! Я веду урок, и ученики находятся под (ошибочным) впечатлением, что раз я пользуюсь телефоном, то это дает и им разрешение сделать тоже самое.

С наилучшими пожеланиями, Барбара Уилкоккс».

* * *

— Какая приятная женщина, — сказала мать Вэл, читая письмо. — Очень мило с ее стороны.

— Она и правда очень хорошая. Она всегда хвалила мою работу, даже когда она была

отстойной.

— О, тише, — сказала мать. — Ты настоящий Рембрандт.

Вэл скорчила гримасу, хотя было очевидно, что она изо всех сил старается не выглядеть довольной.

— Почему бы тебе не пойти переодеться? — предложила мать. — Надень что-нибудь красивое. А потом, когда ты закончишь разговор с учительницей, мы, может быть, сходим куда-нибудь пообедать.

— С удовольствием! — воскликнула Вэл почти таким же жизнерадостным тоном. — Как мне хочется выбраться из дома!

Вэл помчалась наверх, стремясь вырваться из тесноты своей комнаты. Было бы неплохо вернуть и ее набросок. Она натянула одну из своих красивых блузок с рисунком плюща и капри. Застегивая сандалии, она случайно взглянула на свой ноутбук, все еще открытый на оскорбительном сообщении. Захлопнув компьютер, она пошла прочь, подпрыгивая на ходу.

— Отлично выглядишь, — сказала мать.

— Спасибо, — ответила Вэл.

О письме Гэвина она упоминать не стала.

Солнце уже достигло зенита, когда они въехали на западную стоянку. Вэл старалась не смотреть на двор, где они с Гэвином часто разговаривали вполголоса под шелковичной рощей. В последний школьный день занятия сократили, и кампус постепенно пустел. Вэл никогда еще не видела свою школу такой сонной и умиротворенной.

— Телефон с тобой? — спросила миссис Кимбл.

— Да, мама.

— Хорошо. Если вы закончите раньше, позвони мне. В противном случае я буду здесь примерно через час.

— Да, мама.

— Повеселись, детка, — сказала мама. — Но будь осторожна.

Она не выключала двигатель и смотрела, как ее дочь направляется напрямик к зданию, в котором располагался класс Искусств. Наблюдала, как дочь дернула за ручку, обнаружила, что дверь не заперта, и заглянула внутрь. Смотрела, как Вэл весело помахала ей рукой и исчезла в классе.

Она постояла еще несколько минут, наблюдая, а потом медленно отъехала.

* * *

Миссис Кимбл сидела за чашкой чая, когда зазвонил телефон. Думая, что это Вэл, она отставила кружку в сторону и сказала:

— Привет.

— Привет, — приветливо произнес незнакомый голос. — Могу я поговорить с миссис Кимбл?

— Это я.

— Здравствуйте! Я Барбара. Барбара Уилкоккс. Одна из учителей Вэл — ее учитель рисования.

— О да. Я получила ваше письмо. Вэл очень хорошо отзывается о вас.

— Мое письмо? — Пауза. — Что ж, я очень рад это слышать. Вэл — милая девушка, но

иногда трудно понять, что происходит у них в голове. Как бы то ни было, я просматривала работы некоторых моих учеников, и работа Вэл была среди них. Та, о которой я говорю, — прекрасный набросок склада на окраине города.

— Я понимаю, что вы имеете в виду. Он просто бельмо на глазу.

— Но Вэл прекрасно воплотила его на бумаге. Ваша дочь очень талантлива, миссис Кимбл. Я бы не возражала оставить рисунок себе, но хотел бы уточнить, может вы или Валериэн хотите его забрать. Боюсь, что для многих моих учеников — это случай «с глаз долой, из сердца вон». Но, о чем они могут пожалеть через несколько лет, если им когда-нибудь понадобится создать портфолио.

Миссис Кимбл кивнула, но тут же вспомнила, что собеседница этого не видит.

— Это очень любезно с вашей стороны. Я была бы рада получить рисунок — Вэл редко показывает мне свои работы. Вы можете просто передать его домой с ней, когда закончите.

Еще одна пауза.

— Прошу прощения?

— Ну, раз она там, с вами, я подумала, что будет проще передать ей рисунок лично. Они все еще оцениваются?

— Нет, оценки уже поставлены, — сказала мисс Уилкоккс. — Вэл получила пятерку. Но ее здесь нет со мной.

— Она уже ушла? Я ведь попросила ее...

— Ее здесь вообще нет. Я в своем кабинете. Одна, — добавила мисс Уилкоккс с легким раздражением.

Страх пробежал по венам миссис Кимбл, как ледяная вода.

— Но в вашем письме говорилось...

— Какое письмо? То, в котором ученикам сообщается об их итоговых проектах?

Миссис Кимбл подошла к компьютеру и дословно зачитала письмо.

— Это мой адрес, — с сомнением произнесла мисс Уилкоккс, — Но я не писала это письмо.

— Что? — взвизгнула миссис Кимбл. — Тогда кто же?

— Ну... единственный человек, который мог бы отправить это письмо, — мой помощник-студент, и я не знаю, почему он это сделал.

— У вашего помощника есть доступ к вашей электронной почте?

— Не мой пароль, нет, но он вводил оценки для меня на компьютере.

Миссис Кимбл не сразу нашлась, что сказать.

— Как зовут вашего помощника?

— Миссис Кимбл, я не могу передавать эту информацию по телефону...

— Это Гэвин? — настаивала мать Вэл. — Вашего помощника зовут Гэвин Мекоцци?

Мисс Уилкоккс помолчала.

— Как вы узнали... Что происходит? Гэвин что-то сделал?

— Позвоните в полицию, — потребовала миссис Кимбл. — Бросьте все свои дела и позвоните им прямо сейчас.

— Миссис Кимбл...

— А потом, если вы вообще цените свою работу, бегите в класс как можно быстрее.

— ...о чем вы, черт возьми?..

— Потому что, если вы этого не сделаете, с моей дочерью случится что-то ужасное. И я подам в суд и на вас, и на школу и отсужу каждый жалкий пенни, который у вас есть.

— ...говорите... — закончил бестелесный голос. Миссис Кимбл не потрудилась повесить трубку. Она просто схватила ключи и побежала к своей машине, надеясь, что еще не слишком поздно.

* * *

В воздухе висел тяжелый запах краски, дерева и клея. Химический и органический одновременно, он обладал той же привлекательной едкостью, что и наркотик. Стены были увешаны студенческими проектами, и Вэл с радостью увидела среди них несколько своих.

— Мисс Уилкоккс?

В пустом классе царила тишина.

Нахмурившись, Вэл осмотрелась. На светящемся мониторе работала заставка. Рядом с клавиатурой стояла пластиковая кофейная чашка, но, когда Вэл подняла ее, она, как ни странно, оказалась пустой и холодной. Она поставила ее обратно и озадаченно огляделась.

Ее глаза наткнулись на свет, исходящий из-под тяжелой деревянной двери кладовки. Ага. Значит, учительница была в задней комнате. Здесь были выставлены и другие картины — более старые и явно любимые мисс Уилкоккс. Каждый из художников обладал талантом. Было несколько стилей, некоторые были выполнены лучше, чем другие, и она улыбнулась рисунку, вдохновленному Эшером.

Картина, которую она нарисовала с котятами тойгера, тоже была выставлена на всеобщее обозрение, теперь тщательно усиленная акварелью. Ей нравилось, как она выглядит, придавая картине более мягкие контуры, хотя вода заставила бумагу немного искривиться. Но мысли о котятах напомнили ей о Гэвине.

Она перешла к следующей работе: шахматная доска в ледяных оттенках синего и серого. Однако осколки были настоящими людьми, и упавшие рухнули там, где их сразили, запятнав мраморные плитки своей кровью. Единственными оставшимися фигурами были черная королева и белый король, две самые важные фигуры в игре.

Перспектива казалась искаженной, странной, неестественной — такой, которая была бы невозможна в реальной жизни, и смутно напоминала сцены погони в старых фильмах ужасов. Король держал в руках штык, который дополнял его образ, и возвышался над беззащитной королевой, чья голова была опущена признавая поражение, ее светлые (рыжие) волосы скрывали выражение лица. Король, однако, выглядел так, словно был в нескольких секундах от того, чтобы обрушить оружие по смертельной дуге.

О, она знала, кто написал эту картину. Никаких сомнений. Она видела предварительный вариант в его альбоме.

Дверь за ней захлопнулась, и Вэл наткнулась на металлические картотечные шкафы, когда обернулась, ее глаза расширились, стоило ей понять, кто был незванным гостем.

— Выглядит знакомо? Она называется «Шах и мат». Мне пришлось кое-что изменить, но основная концепция осталась почти прежней.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — слабо произнесла она.

Гэвин прищелкнул языком.

— Какой рисунок тебе больше всего понравился? Саванна — мой любимый, хотя по понятным причинам я не расценивал его как изображение подчинения. Конечно, я мог бы внести некоторые изменения в содержание, но это нарушило бы цель оригинала, не так ли?

Вэл не могла думать. Она ничего не могла делать.

— Ты поставила ящик неправильно, — сказал он. — На случай, если тебе интересно. Но я не об этом хотел с тобой поговорить.

— Но мисс Уилкокс... — Вэл замолчала, связывая пустую комнату с присутствием Гэвина. Вывод был не из приятных. — О боже, где она?

— Хмм? Кто?

— Что ты сделал с нашей учительницей? Я должна была встретиться с ней здесь!

— Вэл, Вэл, Вэл, за какое чудовище ты меня принимаешь? Я ничего ей не сделал.

— Я не верю тебе.

— А следовало бы. Видишь ли, мисс Уилкокс не посылала вам этого сообщения, хотя любезно предоставила мне для этого средства. Письмо было от меня. Это ко мне ты отправилась на встречу. Да, кстати, я взял на себя смелость удалить сообщение твоей матери. Не нужно, чтобы кто-то пострадал. Верно?

Вэл прижалась к картотечному шкафу. У мисс Уилкокс не было бы никаких оснований подозревать... думать, что он мог...

— А теперь не играй со мной, — он ударил руками по металлу по обе стороны от нее с двойным лязгом. — Ты же не хочешь, чтобы я снова преследовал тебя. Как только поймаю тебя, что ж, я могу сделать все, что угодно.

— Что это значит?

— Используй свое воображение. — Его губы коснулись ее губ. Вэл держала рот закрытым, стиснув зубы так сильно, что они заболели. — У тебя ведь оно все еще работает? — А потом его губы оказались на ее шее. Она взвизгнула, когда жало его зубов заставило все нервы и мышцы в ее горле сжаться, и она забыла, как глотать.

— Я закричу.

— Не стесняйся, — сказал он, и давление, которое он оказывал на ее плечи, усилилось, когда Гэвин начал неумолимо тащить ее вниз на пол. Вэл сопротивлялась, но больше походила на одинокое дерево, пытающееся устоять перед безжалостными порывами урагана; он либо вырвет ее с корнем, либо сломает пополам, как маленькую веточку.

— Пожалуйста... — Что-то твердое ударило в ее колени. Это был пол. — Не делай этого. Зачем ты это делаешь?

— Потому мне это необходимо, — ответил он, крепко сжимая ее за плечи, — существует так много вещей, от которых можно просто отказаться, но не от тебя; я сказал, что хочу обладать тобой всеми способами — и я это сделаю.

Ее голова ударилась о твердый пол кладовки, и белые искры вспыхнули перед глазами, как фейерверк.

А потом он оказался на ней, и его немалый вес прижал Вэл к холодной каменной плитке. Несмотря на слезы, она смогла разглядеть его тихую торжествующую улыбку.

— Ты мне нравился, — ее голос дрогнул, — ты мне действительно нравился. О боже, я не понимаю... Что я сделала?

Она почувствовала, как его губы коснулись ее щеки. На мгновение Вэл охватило облегчение — все это ошибка, недоразумение, ее слова задели его за живое, — а потом она почувствовала его язык, и вкус своих соленых слез.

— Ты слишком человечна.

Вэл вывернула голову так быстро, что ударилась о плитку, и это вызвало обжигающую боль.

— Лиза была права. Ты психопат.

— О, Лиза. Источник всей мудрости. И о чем еще она проповедовала? Она сказала тебе, что я большой и злой волк? — Он поцеловал ее в шею с другой стороны. — Что мои большие, острые зубы, чтобы быстрее съесть тебя?

Вэл открыла рот, чтобы закричать, и ее дыхание замерло, когда он скользнул рукой по ее вздымающейся сквозь шелк блузки груди.

— Она права. Я охотился за тобой все это время, ожидая, когда ты собьешься с пути. Но ты... ты сама пришла ко мне в лес.

Страх имел самые разные формы и Вэл ощущала его в разной степени, но до сих пор она никогда не испытывала такого всепоглощающего ужаса, который вызывала полная беспомощность. Секунды бежали, а спасение не приходило. И Вэл пришла к мрачному выводу, что она полностью в его власти — что было весьма прискорбно, потому что Гэвин похоже совсем сошел с ума.

Она всхлипнула, когда почувствовала, как его пальцы ласкают кожу под тканью ее рубашки. В глубине ее живота страх превратился в горячий шар расплавленного свинца.

— Скажи, что ты принадлежишь мне.

— Нет. — Вэл недовольно пискнула, когда его ногти легонько царапнули ее живот. — Нет, не буду. — Она крепко зажмурилась, стараясь хотя бы мысленно отстраниться от него. «Я не принадлежу ему» — повторяла она про себя. А Гэвин обхватил ее грудь, словно желая вырвать ее сердце, и тихим, коварным голосом произнес:

— Скажи.

— Не буду, — жалобно повторила она, когда его губы коснулись пульсирующей жилки на ее шее.

— Если скажешь, — его потрескавшиеся губы царапали ее горло с каждым словом, — я смогу отпустить тебя.

Неужели он думает, что она настолько глупа, что дважды попадет на одну и ту же уловку? Умоляя остановиться Вэл назвала его по имени, перемежая свои просьбы ругательствами, которые не должна была знать, и фразами, которые Лиза использовала для обозначения своих бывших бойфрендов.

Гэвин скользнул большим пальцем под чашечку ее лифчика, и Вэл застыла полностью, ее речь оборвалась так резко, как будто кто-то щелкнул выключателем. Она уже даже не дышала. Он одарил ее улыбкой, которая явно была змеиной, когда убрал руку, проведя пальцами по центру ее ребер. Ее сердце билось в груди, словно пытаясь вырваться.

Вэл хотела бы сделать то же самое.

— Ты делаешь мне больно.

— Я могу заставить тебя чувствовать все, что захочу, — продолжал он мягким, успокаивающим голосом, в который она ни на минуту не поверила.

— Ты делаешь мне больно, — повторила она, и в каждом ее слове слышались отголоски страха.

Он поцеловал ее, легко царапая позвоночник дрожащими пальцами, вызывая у Вэл желание отодвинуться как можно дальше, но она только заставила тело, давящее на нее, прижаться к ней еще сильнее. Его слова на ее губах горели невысказанными обещаниями, когда он произнес:

— Только немного.

Желудок Вэл скрутило. К ее отвращению, совсем не от страха.

И тут Вэл увидела нечто, вселившее в нее надежду. Она сделала глубокий вдох и закричала так громко, как только могла, удовлетворенная, когда он вздрогнул от ее пронзительного крика. «Надеюсь, я повредила его барабанные перепонки». Гэвин отдернул руку от ее спины и зажал рот так сильно, что Вэл стало больно...

И тут дверь распахнулась.

Мисс Уилкоккс многое повидала за свои двадцать лет преподавания, но, глядя, застыв, на двух подростков, лежащих на полу, она мельком подумала, что ни один из них никогда не был так плох, как этот мальчишка. Вэл — милая, застенчивая девушка, которую она очень любила, — была прижата спиной к полу, с закинутыми за голову руками.

Гэвин. Ее помощник. Которому она доверила рассылку электронных писем и изготовление копий, а также различные другие привилегии, в которых де-факто было отказано другим студентам-ассистентам. Он уставился на нее пустым взглядом, который сильно напомнил ей леопарда, защищающего свою добычу.

— Что... — она не сразу обрела дар речи, — Гэвин? Что ты делаешь? — Эти слова скорее вырвались рефлексивно, чем являлись осознанными. Нельзя было неправильно истолковать ситуацию. Бедная девочка все это время пыталась кричать, а он отказывал ей даже в этом маленьком достоинстве. Гнев начал пробиваться сквозь шок мисс Уилкоккс, ярко-красный, он просачивался сквозь серый туман ее сознания с поразительной ясностью. Ее собственная младшая сестра подверглась нападению, когда они обе были подростками, со стороны мужчины, достаточно взрослого, чтобы понимать, что он делает. Он тоже был бессердечен в исполнении своих эгоистичных желаний. Стальным тоном, которого Вэл никогда раньше не слышала от своей учительницы, даже в классе, мисс Уилкоккс скомандовала:

— Отпусти ее, сукин сын. Прямо сейчас.

Вэл почувствовала, как Гэвин медленно отпускает ее запястья. Боль пронзила их, когда кровь начала мучительно медленно циркулировать по венам. Но его ноги, все еще лежащие по обе стороны от ее бедер, напряглись, словно он готовился к прыжку.

— Вы совершаете ужасную ошибку.

— Убирайся... прочь... от Вэл.

Она заметила, как его взгляд метнулся к ящику, где хранились принадлежности для резьбы по дереву. «Он бы не стал... Он способен».

Вэл бессловесно запротестовала, схватила его за лодыжку обеими руками и сильно потянула. Его глаза почти комично расширились, когда земля ушла у него из-под ног. Весь воздух в легких вырвался из него с болезненным хрипом, когда Гэвин рухнул на пол. Вэл мгновенно набросилась на него, колотя, пиная и царапая, не давая ему времени прийти в себя.

Но не тут-то было. Он оказался гораздо проворней, чем она думала. Гэвин попытался оттолкнуть ее, но она вцепилась ногтями в его рубашку, впиваясь не только в ткань, но и в плоть. Он издал звук, похожий на нечто среднее между рычанием, вздохом и смехом.

Вэл потянулась к его глазам, но он повернул голову, так что она вцепилась ему под челюсть, оставив глубокие царапины от ее ногтей, уже сочащиеся кровью.

— Предлагаю тебе остановиться сейчас, — проговорил он, поймав ее руку, когда она отвела ее назад для новой попытки. — Прежде чем ты пожалеешь об этом.

— Не прикасайся ко мне.

Вэл вцепилась в его руку, одновременно дергая. Она услышала, как он зашипел. Затем Гэвин схватил ее запястья, и сделал свой собственный яростный рывок — она почувствовала, как боль рикошетом прокатилась по ее руке, стимулируя нейронный

эквивалент эхо-камеры в ее плечевом суставе, когда он завел ее руки за ее спину.

Мисс Уилкоккс удалось добраться до телефона, который Гэвин, очевидно, не догадался отключить. Она звонила в полицию. Они обещали быть здесь через три минуты. Возможно, это произойдет не так быстро. Вэл резко откинула голову назад, ударив его по лбу и вызвав рычание. За спиной давление на запястье усилилось до такой степени, что она боялась, как бы кости не сломались.

Он не сразу заговорил, хотя она чувствовала, как его учащенное дыхание шевелит ее мокрые от пота волосы.

— Я стараюсь вести себя как можно вежливее, но ты вынуждаешь меня, Вэл.

Он помолчал.

— Если, конечно, ты этого сама не хочешь. Но почему-то я не думаю, что ты, как лиса, полубезумная от страха, предпочтешь отгрызть свои собственные конечности, попав в стальной капкан. — Она содрогнулась от ужасной уместности этой аналогии.

— Пойдем со мной, — уговаривал он, — и я научу тебя тому, о чем мечтают все люди, но никто не смеет. Ты такое же животное, как и я, моя дорогая, по-своему бесхитростная, но тебе нужен охотник так же, как мне нужна моя добыча. Свобода быстро черствеет на языке без приправы тюремного заключения, и ты никогда ни в чем не будешь нуждаться, пока будешь подчиняться мне во всем.

Слова слетели с ее губ, как глыбы льда.

— Ты сошел с ума.

— Это значит «нет»?

— Это значит — катись в ад!

— Тогда что, если вместо того, чтобы идти за тобой, я пойду за кем-то, кто тебе дорог? Неужели ты продолжишь сопротивляться мне? Или ты будешь играть, по-моему, в обмен на их благополучие?

Вэл напряглась.

— Ты бы так и сделала. Ты бы подчинилась, правда? Интересно. Я обязательно учту это в дальнейшем.

Она дернулась, как будто его слова были физическим ударом.

— Не смей! Оставь их в покое, ты... ты... ты ублюдок. Оставь их в покое или..., или я заставлю тебя это сделать.

— Такая свирепая, — сказал он одобрительно, — И такая заботливая. Да, кажется, мне нравится эта твоя сторона.

— Я серьезно! — Отчаяние сделало ее голос пронзительным. — Это не игра. Ты не можешь так поступать с людьми. Нельзя играть с ними, как с пешками.

— Вот тут ты ошибаешься, — спокойно возразил он. — Мне можно.

И он притянул ее за подбородок и поцеловал в губы, которые все еще были открыты от шока. Придя в себя, она укусила его. Гэвин укусил сильнее, и она почувствовала, как его язык скользнул внутрь ее рта, чтобы смешать их кровь. Вэл подавилась и попыталась вырваться, но только задохнулась, когда боль вспыхнула в ее плечах от возобновившегося давления на руки.

— Ты не сможешь победить меня — и ты только навредишь себе, пытаясь.

Она увидела приближающуюся мисс Уилкоккс.

— Он сошел с ума, — выдохнула Вэл, — он думает, что он животное — он пьет кровь людей. Пожалуйста, вы должны сказать кому-нибудь — он болен.

И Вэл заметила странное выражение, промелькнувшее на лице ее учительницы; она была не в состоянии выразить это словами, но это испугало ее. Гэвин крепче сжал ее запястья, заставив задохнуться, но ничего не сказал.

— Расскажи ей, ублюдох, — всхлипнула она, — расскажи ей о саванне и убийствах. Расскажи ей все.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, — тихо сказал он. — Бедная Вэл.

— В смысле? Что ты делаешь?

Прежде чем Гэвин успел ответить, его оторвал от нее сотрудник полицейского управления Дерринджера — высокий, крепкий чернокожий мужчина, который даже не пытался быть вежливым. И тут Вэл почувствовала руки мисс Уилкокс на своих плечах, ее голос раздавался в ухе, она спрашивала, все ли с ней в порядке. Но все, что Вэл чувствовала это кровь, и все, что она могла видеть, были его глаза.

А потом все потемнело.

Вся эта ситуация стала настоящим скандалом как для школы, так и для семьи Вэл. Суд над Гэвином стал самым громким событием в маленьком городке за последние годы и получил широкую огласку. Спасения не было. Вэл провела все лето в своей комнате.

Незадолго до начала процесса Кимблы получили по почте чек на экстравагантную сумму. Хотя он и был подписан, но явно принадлежал подставному банковскому счету, как и обратный адрес безымянной карточки, привязанной к красным розам, которые сопровождали их. Ни у кого не возникало вопроса, от кого они и почему.

Мать продолжала умолять Вэл. Она заклинала дочь выступить свидетелем и дать показания против человека, который ее предал. Но мысль о том, чтобы стоять в большой комнате, набитой людьми, рассказывая им, что он сделал, в то время как он будет смотреть на нее все это время, втайне наслаждаясь ее страданиями... ну, это было слишком ужасно, чтобы даже думать об этом.

Ее мама кричала и швырнула тарелку в стену. Затем она смяла розы, обрывая стебли и разорвала карточку, а потом отправила все это безобразие по обратному адресу.

Отказ Вэл от дачи показаний стал огромным ударом для обвинения. Так много доказательств было основано только на ее словах, поэтому в их отсутствие сложно было построить дело. Она знала это, потому что случайно наткнулась на репортаж о суде, бездумно переключая каналы и застыла, когда фокус камеры оказался на объекте ее многочисленных кошмаров.

Он был одет в костюм-тройку, щеголяя немного дизайнерской щетиной, и выглядел таким красивым, что это причиняло боль. Вэл, ошеломленная и убитая горем, смотрела, как он сидит с нарочитой серьезностью, в то время как его адвокат говорит о его академической стипендии, о его известности среди шахматного сообщества и о том, что он живет один, сам по себе, оплачивая свои счета в возрасте, когда большинство подростков еще не могут подсчитать чаевые.

Вэл, адвокат Гэвина, напротив, изобразил буйной сумасшедшей. Он утверждал, что она построила вокруг его клиента бредовую подростковую фантазию, а потом страшно разозлилась, когда он не смог оправдать ее ожиданий. Тот факт, что она не явилась в суд, чтобы изложить свое дело, утверждал он, казался очень подозрительным, особенно в сочетании с молчанием ее семьи.

Мисс Уилкоккс согласилась дать показания, как и Беатрис Купер, но ни одна из них не помогла. Мисс Купер не видела, как Гэвин преследовал Вэл, она только знала, что Вэл была смертельно напугана — травмирована, как она выразилась — до такой степени, что практически лишилась дара речи. Возможно ли, что Вэл бежала от воображаемого ужаса? Мисс Купер признала, что да, это возможно, хотя и маловероятно.

Показания мисс Уилкоккс были еще хуже. Она утверждала, что ситуация в художественном классе просто «казалась» неправильной, на что защита набросилась, в конечном счете загнав ее в угол, где она была вынуждена признать, что Гэвин на самом деле не причинил ей вреда, и что поведение Вэл было довольно необычным и странным. Она вспомнила случай, произошедший несколько недель назад, когда Гэвин обеспокоенно сказал ей, что Вэл ведет себя «странно».

(Я могу заставить тебя чувствовать все, что захочу).

Это был последний удар.

«Он все спланировал, — подумала она. — Он все спланировал».

В итоге Гэвин выиграл уголовное дело. Обвинения были сняты, адвокатам заплатили. Через пару недель у него во дворе появилась табличка «продается». Другие скандалы получили свои пятнадцать минут внимания и позора, и инцидент между Вэл и Гэвином постепенно был забыт.

То есть забыт всеми, кроме Вэл.

* * *

Вэл выросла из жилистой четырнадцатилетней девочки с блестящими глазами в стройную семнадцатилетнюю красавицу, ее волосы потемнели от рыжего до коричневого, а когда-то заметные веснушки начали исчезать.

Люди, которые никогда не замечали ее раньше, вдруг стали обращать на нее внимание, присматриваться — и она немного увядала при каждом пристальном взгляде. Потому что каждый раз, когда кто-то приближался к ней, она чувствовала его теплое дыхание на своем лице, его руки на своей коже, его голос в ее ухе — как медленно действующий яд, Гэвин оставался скрытым в ее крови, медленно убивая изнутри. Когда он уехал из города, казалось, что он забрал с собой частичку Вэл.

(Ты чувствуешь узы, которые связывают нас? Чувствуешь, как они сжимаются? Потому что я да, и они такие тугие, что у меня едва получается дышать).

Она уже никогда не будет прежней.

Почти три года она оставалась в изоляции. В конце концов, летом перед выпускным классом она согласилась встречаться с Джеймсом — и это согласие было вызвано скорее усталостью, чем настоящей привязанностью. Впервые он пригласил ее на свидание всего через несколько месяцев после инцидента. Повторные приглашения поступали периодически, примерно раз в несколько месяцев. С каждым разом говорить «нет» становилось все труднее. В ее души царил такой сумбур, что подобная преданность, даже если она была неуместна, заставляла Вэл чувствовать себя обязанной.

Так в один день она сказала «да».

Джеймс, возможно, был бы смущен, узнав, как часто Гэвин занимал мысли его подруги (потому что ответ был — гораздо чаще, чем сам Джеймс). Иногда, думая о темноволосом мужчине с ледяными глазами, она плакала. Иногда она лежала неподвижно и смотрела широко раскрытыми глазами в потолок.

Но в других случаях... ну, она не совсем понимала, что чувствует, только то, что чистая, режущая сила этого ощущалась как серебряный кинжал в ее груди. Потому что, несмотря на то, что говорили ее родители, психотерапевты, школа, полицейские и все ее друзья, она все еще очень боялась. Ведь это не их он запугивал своим глубоким, хриплым голосом, который, казалось, превосходил все разумное. Не они чувствовали решимость в его руках. Не они видели жестокость в его глазах.

Если бы все это происходило с ними, то они знали бы так же хорошо, как и она, что однажды он вернется за ней.

И, как и в случае с Джеймсом, Вэл жила в постоянном страхе перед тем, что в следующий раз у нее не хватит сил сказать «нет».

Каждое утро я покупаю красную розу и каждый вечер бросаю ее в огонь.

Одна роза, ибо каждый день они держат нас порознь, мне приходится вновь и вновь восставать из тлеющего пепла, как мстительной феникс, только что вкусивший крови.

Одна роза символизировала плавный переход от красоты к разрушению, от любви к ненависти.

Одна роза, свежая, как кровь, пролитая на снег, — но все же далеко не такая прекрасная, как ты.

Когда-нибудь ты расцветешь, и когда этот день настанет, я найду тебя. А потом, моя своенравная красавица, мы сыграем в шахматы другого рода. Вариант с людьми, а не пешками. Разновидность любви и войны, жизни и смерти. Потому что теперь я знаю, что заставляет тебя гореть — что заставляет тебя сражаться. Знаю, что ты не так хорошо сопротивляешься мне, как тебе хотелось бы верить.

Выбор за тобой, видеть во мне свою тюрьму или свое пастбище. В любом случае, ты будешь носить мою узду. Но предупреждаю: мои ожидания стали выше, и я надеюсь, что ради тебя самой, ты можешь сказать то же самое. Потому что я решил, что если не смогу получить тебя, то и никто другой не сможет.

Я тебя жду.

Конец первой книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Перевод Д. В. Щедровицкого.

SAT («Академический оценочный тест») — стандартизованный тест для приема в высшие учебные заведения в США.

Princess What's-Her-Name — второстепенный персонаж и романтический интерес Земляного червя Джима (Earthworm Jim) в одноименном мультсериале и видеоигре.

Дайк — термин сленга ЛГБТ-сообщества, клише для обозначения ролей в лесбийских отношениях (середина между буч и фем). Предпочитают спортивный стиль или унисекс, а также короткие стрижки. Как ни странно, но у нас девушка может гордо заявить «я — дайк», а вот в Америке это слово считается ругательным и обидным в сторону лесбиянок.

«Indigo Girls» — американская музыкальная группа, исполняющая фолк-рок. Группа состоит из двух участниц, Эми Рей и Эмили Сэлерс. Дуэт сформировался в 1985 году в Атланте, первый студийный альбом был самостоятельно выпущен в 1987 году. После этого группа сотрудничала с крупными лейблами Epic Records и Hollywood Records, а в 2007 году работает независимо. В 1990 году группа получила премию «Грэмми» за лучший альбом современного фолка. Indigo Girls активно выступают за права сексуальных меньшинств и защиту окружающей среды, часто дают благотворительные концерты.

Познавательно-приключенческий мультсериал по мотивам комиксов Джоанны Коул.

Синапсы — это связи между нейронами (клетками мозга), которые способствуют нейронному общению. Большое количество синапсов предполагает более гибкую нейропластичность и высокую мозговую функциональность. Чем больше синапсов, тем легче мозгу адаптироваться к внешним задачам и проблемам.

Взятие на проходе (фр. *en passant* — на проходе) в шахматах означает специальный ход пешки, при котором она берёт пешку противника, перемещённую с начальной позиции сразу на две клетки. Но под боем оказывается не та клетка, на которой остановилась вторая пешка, а та, которая была пересечена ею. Первая пешка завершает взятие именно на этой, пересечённой клетке, как если бы пешка противника переместилась лишь на одну клетку.

Чит-код (англ. cheat code — «код для обмана») — последовательность букв, цифр или нажатий клавиш, которая используется в компьютерных играх для добавления чего-либо полезного, но при этом не документирована.

My dear? Or «my deer»? — игра слов. В английском языке эти два слова звучат похоже.